

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Касымбекова Анара Адилбековна

Проблема адекватности в диахронии перевода
(на материале романов А. Кристи)

Специальность 10.02.20 —
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Филиппова Ирина Николаевна

Мытищи – 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Понятие адекватности перевода в диахронии теории перевода	26
1.1. Понятия эквивалентности и адекватности перевода в диахронии переводоведения.....	27
1.2. Понятие качества перевода.....	55
1.3. Лингвистические объективные факторы адекватности перевода	65
1.4. Лингвокультурологические объективные и субъективные факторы адекватности перевода.....	68
Выводы по главе 1	76
Глава 2. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты перевода романов А. Кристи	78
2.1. Авторская идиостилика романов А. Кристи	79
2.2. Объекты переводческих трансформаций при передаче романов А. Кристи.....	83
2.3. Названия детективов А. Кристи как переводческая проблема	89
2.4. Антропони́мы в детективах А. Кристи в прагматическом и переводческом аспектах	98
2.5. Реалии в романах А. Кристи в аспекте прагматики и перевода.....	111
2.6. Функционирование интертекста и его передача во внутриязыковом и межьязыковом пространстве перевода.....	124
Выводы по главе 2.....	143
Глава 3. Проблемы достижения адекватности перевода в диахронии.....	145
3.1. Рецепция романов А. Кристи в русской, немецкой, британской и американской лингвокультурах.....	146
3.2. Переводческие трансформации при внутри- и межьязыковой передаче романов А. Кристи	152
3.2.1. Транскрипция и транслитерация	154
3.2.2. Калькирование.....	159
3.2.3. Описательный перевод	162

3.2.4. Уподобляющий перевод.....	167
3.2.5. Нулевой перевод.....	171
3.3. Личность переводчика как субъективный фактор перевода и как отражение лингвокультуры.....	177
3.4. Множественность в диахроническом полиязычном переводе художественной литературы.....	194
Выводы по главе 3.....	203
Заключение	206
Список сокращений	211
Список литературы	213
Приложения	249
Приложение А. Примеры реалий в романе А. Кристи “Mysterious Affair at Styles”	249
Приложение Б. Примеры реалий в романе А.Кристи “Ten Little Niggers”.	261
Приложение В.Предметно-тематическая классификация реалий в романах А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.....	273
Приложение Г. Ономастические реалии в романах А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”	275
Приложение Д. Реалии в оригиналах и переводах романов А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”	277
Приложение Е. Классификация реалий по способу их передачи в романах А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.....	278

Введение

Настоящее исследование посвящено выявлению и анализу проблем перевода в диахронии межкультурной коммуникации, изучению способов достижения адекватности перевода при контакте родственных и неродственных лингвокультур, поиску и анализу причин переводческих трансформаций, исследованию методов перевода художественных произведений в диахронии.

Перевод представляет собой сложную и многоаспектную интеллектуальную деятельность, которой вряд ли может быть дано полноценное определение хотя бы потому, что процесс познания, в том числе в переводческой сфере, по своей сути историчен, динамичен и неисчерпаем. На протяжении всей истории человечества к любому виду перевода и его частному случаю выдвигалось требование точности и максимальной достоверности, что по мере развития языкознания приобрело широкий спектр аспектов, к которым в качестве наиболее важных и не теряющих актуальности относятся адекватность и эквивалентность.

Для достижения высокого качества перевода важно наличие у переводчика не только собственно лингвистических знаний, но также довольно обширных фоновых знаний (фоновой информации), включающих в себя прежде всего представления об обычаях, нравах, истории, географии и т.п. страны автора переводимого текста. Фоновая информация представляет собой различного рода сведения социокультурного характера, составляющие собой специфику той или иной страны или нации [Виноградов, 2001, с. 36 – 37]. Базу знаний переводчика формируют собой как языковые знания (грамматики, семантики, принципов речевого общения), так и неязыковые (знания контекста, ситуации, адресата, о событиях, процессах и т.п.) [Гусева, 2011, с. 37]. При этом переводчик, выполняя межъязыковой перевод, осуществляет не просто интерпретацию оригинала, но также делает переводимый текст доступным пониманию читателя своей культуры через необходимые в соответствующих

случаях адаптации исходного материала к пониманию в той этнокультурной среде, к которой переводчик сам принадлежит. Адаптация текста может быть идеологической, религиозной, национально-патриотической, «эстетической», историко-литературной и т.п., что в целом входит в понятие «межкультурная адаптация» [Хухуни, Валуйцева, 2003, с. 28, 31, 32, 34, 40]. «Переводческая деятельность объективно обладает выраженным когнитивным характером», а перевод – «это сложный посреднический речемыслительный процесс», «процесс когнитивный по своей сути», представляющий собой одну из форм межкультурной коммуникации [Пшёнкина, 2005, с. 15, 54, 77, 168, 284]. Оговоримся, что под понятием «когнитивный» в контексте изучения языка и переводческой деятельности мы понимаем широкий ряд характеристик деятельности лингвиста, связанный с «изучением процессов и средств усвоения, накопления и овладения знаниями» [Красина, 2014, с. 31]. В соответствии с современными воззрениями на язык мы в настоящем исследовании понимаем его как «когнитивный код, проявляющий себя в процессе речемыслительной деятельности», т.е. «когнитивной деятельности по преобразованию знаний о мире в языковую систему» [Крюкова, 2019, с. 16, с. 47].

В русле подобного подхода в современной науке о языке наметилась тенденция выделения в качестве особых областей знания когнитивной лингвистики и переводной лингвокогнитологии [Савченко, 2012, с. 136]; при этом автор как создатель индивидуальных образов, и переводчик, осуществляющий их переосмысление через призму своего мировоззрения, действуют через воображение, запоминание и другие механизмы познания реальности, формирующими собой когнитивную инфраструктуру человеческого сознания [Савченко, 2012, с. 64] как такового.

Перевод является особым видом коммуникации, который отличается от любых других видов коммуникации в рамках одноязычной среды [Комиссаров, 1973, с. 18].

В коммуникативном аспекте перевод считается «видом речевой деятельности, удваивающим компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 195].

Перевод также представляет собой многомерный процесс, базирующийся на двух основополагающих корреляциях: 1) исходного языка и языка перевода и 2) исходной культуры и культуры получателя перевода. [Швейцер, 1988, с. 16, 33, 51]. Процесс перевода составляет специфику коммуникации с использованием двух языков и имеет свои специфические особенности – наличие многообразия, «неуловимость» и «неосвязаемость» некоторых его сторон, прежде всего связанных с мышлением переводчика [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 7 – 8].

Перевод рассматривается и как особый вид духовной деятельности человека, ориентированный на языковое посредничество [Велединская, 2010, с. 8]. Перевод также представляет собой особый вид языкового посредничества, к которому помимо перевода относятся пересказ и разные «гибридные» виды, такие как реферат, так называемый сокращенный перевод, «сверхперевод», «недоперевод» и др. [Латышев, Семенов, 2003, с. 7 – 8, 11, 35]. В отличие от других видов языкового посредничества именно перевод имеет общественную значимость, призван «удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной одноязычной коммуникации» [Латышев, Семенов, 2003, с. 8].

Один из самых современных взглядов на перевод сформулирован Н.К. Гарбовским: «перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора...» [Гарбовский, 2004, с. 216]. Кроме того, перевод является и методом изучения иностранного языка на любом уровне, и продуктом переводческой деятельности. В понимании В.В. Сдобникова «перевод можно

определить как речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2015, с. 55]. Перевод также рассматривается и как «творческая интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче некоторой когнитивной информации с языка-источника на язык перевода» [Убоженко, 2016, с. 128].

Один из новейших подходов к переводу основан на принципе его оценки через этику перевода, которая понимается как «осознание переводчиком того факта, что перевод – это высшая форма понимания иного языка, иной культуры, иной жизни, инобытия в целом», как важнейшего средства межкультурной коммуникации и «самого благородного» вида «межнационального и межлитературного сотрудничества» [Чайковский, Лысенкова, 2014, с. 194]. В связи с этим уместно указать на тот факт, что перевод играет значительную роль в «придании форм» литературным системам, переводчик является посредником между культурами, а сам перевод – это так или иначе «переписывание оригинала» [Bassnett, 2007, p. 14]. Присвоение оригинала (его переписывание) – или апроприация – осуществляется соответствующими методами и способами, которые воплощают те или иные приемы. В понимании этих дефиниций мы придерживаемся сформулированного Р.К. Миньяр-Белоручевым подхода, согласно которому *прием* – это действие, решающее частную задачу перевода, *способ* – это основное правило достижения поставленной цели перевода, представляющее собой психологическую операцию, реализующую действие, а *метод* – это система действий, целенаправленная система взаимосвязанных приемов [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 91, 142].

Необходимо иметь в виду, что методы перевода «не представляют собой «единого набора принципов и способов исследования и описания языковых сущностей», но являются неким набором средств, «используемых в различных комбинациях и в различных пропорциях» [Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2010, с.

57] в зависимости от тех или иных задач. При осуществлении переводческой деятельности на практике так или иначе происходит диверсификация приемов перевода [Ярцев, 2010].

Проблемы адекватности перевода в той или иной мере рассматривались разными учеными в различное время. Безусловная значимость проблемы адекватности для теории перевода, множественность исследовательских подходов к ней и вариативность толкования самого термина сформировали широкий круг исследовательских задач переводоведения и обусловили большое разнообразие исследовательских достижений в форме многочисленных диссертаций, монографий и статей, посвященных различным аспектам этой темы.

Адекватность перевода – непреходящая по своей актуальности проблема межкультурной коммуникации, теории и практики перевода. В той или иной мере эту проблему затрагивают все работы на переводческие темы. Однако необходимо подчеркнуть, что несмотря на многолетние исследования и очень разнообразные (до диаметрально противоположных) трактовки феномена адекватности перевода, многие аспекты этой проблематики до настоящего момента не получили полного решения и недостаточно изучены.

При всем множестве подходов разных исследователей к толкованию понятия «адекватность перевода» необходимо отметить, что в любом случае она достигается только в том случае, когда переводчик в своей работе ориентируется не только на сугубо лингвистические компоненты, но также на другие различные компоненты [Пшёнкина, 2005, с. 43], включая этнокультурные, этнопсихологические и разного рода иные особенности культуры народа, на языке которого создан оригинал переводимого текста. Можно с уверенностью утверждать, что адекватность перевода базируется на соотношении языковых и внеязыковых определяющих компонентов и факторов.

В связи с этим **степень разработанности темы** может быть охарактеризована в соответствии с исследовательскими принципами, частными

задачами и частным эмпирическим материалом, в максимальном приближении к теме настоящего исследования.

В русле лингвистического переводоведения проблемы адекватности решаются преимущественно в аспекте дихотомии адекватности и эквивалентности на материале различных языковых пар (английского и русского, немецкого и русского, французского и русского, испанского и русского и т.д.). Значительно реже в качестве эмпирической базы используются переводы на несколько языков в полиязычной коммуникации (где взаимодействуют английский, французский и русский языки или английский, немецкий и русский и т.д.). Вместе с тем, «в центре внимания современного перевода находятся взаимодействующие языки ... как системы знаков, играющие важную роль в репрезентации и трансформации информации» [Жирова, 2013, с. 60].

В отечественном языкознании проблема адекватности перевода романов А. Кристи является мало исследованной, особенно при опоре на полиязычную коммуникацию, в которой участвуют британский английский (язык оригинального произведения, далее ИЯ), американский английский, немецкий и русский языки (языки перевода, далее ПЯ).

Едва ли не единственным осуществленным по данной проблематике исследованием является кандидатская диссертация Н.А. Мусиной на тему «Стилистические функции фразеологических единиц в произведениях детективного жанра как переводческая проблема: на материале русских и испанских переводов романов А. Кристи» 2008 г. В этом исследовании рассматриваются проблемы адекватности перевода устойчивых выражений на русский и испанский языки романов «Десять негритят» и «Пять поросят» [Мусина, 2008]. В 2013 г. вышла в свет статья О.А. Безугловой «Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе», в которой исследовательница рассматривает данную проблематику в романах А. Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе» и «Убийство Роджера Экройда» [Безуглова, 2013]. В 2017 г. была издана статья М.М. Конколь «Особенности

перевода вертикального контекста в классических английских детективах на материале произведений Агаты Кристи», в которой автор исследует филологический и социально-исторический вертикальный контекст, формирующие эффект иронии [Конколь, 2017]. В 2018 г. была опубликована статья К.Д. Трекиной «Перевод метафор в художественном тексте (на примере романа Агаты Кристи «Пять поросят»)» [Трекина, 2018].

В зарубежной науке насчитывается немного научных статей, в которых рассматриваются вопросы адекватности перевода романов А. Кристи. Так, в 2009 г. в электронном издании LiteraturKritik.de появилась статья научного сотрудника Института новой немецкой литературы Марбургского университета М. Бауэра «Постмодерн? Что за вздор? Что за фарс», в которой он в контексте критики творчества британского писателя Г. Адера и почти совпадающих названий его произведений с названиями всемирно известных детективов постулирует неадекватность перевода романа Агаты Кристи "Und dann gabs keines mehr" [Bauer, 2009]. В 2011 г. в итальянском периодическом издании «Перевод: практики, теории, способы» вышла статья исследователей F. Spurio и G. Mondradori «Цензура и фашистские яды: переводы Агаты Кристи в тридцатые годы» [Spurio, Mondradori, 2011]. В 2017 г. в бразильском журнале «Тетради перевода» была опубликована статья V. Lopes Lourenço Hanes «Между континентами. Переводы Агаты Кристи как межкультурные посредники», написанная на английском [Lopes Lourenço Hanes, 2017].

Особое место в зарубежной лингвистике занимает докторская диссертация британской исследовательницы М. Сторм (Marjolijn Storm) 2012 г., посвященная анализу методов применения комплексов переводческих средств переводов романа "Misterious Affair at Styles" на немецкий и фламандский языки на основе подхода «кейс стади». В определенной мере исследование М. Сторм имеет энциклопедическое значение, поскольку содержит хронологическую таблицу всех когда-либо выполненных переводов романов А. Кристи на указанные языки [Storm, 2012, p. 276 – 315].

Несмотря на вышедшие в свет публикации, в языкознании остаются практически неразработанными проблемы адекватности перевода романов А. Кристи (в том числе “Mysterious Affair at Style”» и “Ten Little Niggers” как наиболее показательных с точки зрения проблематики настоящей диссертации и как наиболее известных и востребованных читателями по всему миру) на русский и немецкий языки в контексте диахронии переводов. Поэтому выбор темы настоящего диссертационного исследования представляется обоснованным и оправданным.

Актуальность работы определяется рядом обстоятельств, лингвистического и экстралингвистического характера.

Во-первых, вплоть до настоящего времени ряд важнейших проблем диахронии перевода остается нерешенным. Например, не получил полного раскрытия вопрос о влиянии на перевод политической ситуации как в отдельно взятой стране, так и в мире в контексте реализации политики политкорректности, которая стала осуществляться спустя определенное время после первого издания романов А. Кристи. Не исчерпаны проблемы изучения влияния на перевод особенностей языковой картины мира родного языка переводчика, на который он выполняет перевод с авторского текста. Проблема адекватного перевода реалий остается по-прежнему актуальной, в исследуемых в настоящей диссертации романах А. Кристи могут быть получены результаты, значительно дополняющие систему переводоведческого знания по этой проблематике.

Во-вторых, применительно к настоящему времени отсутствует актуальная система подходов к интерпретации проблем адекватности перевода ставших классическими детективных романов в условиях количественного роста создаваемых переводов и качественных изменений в области межкультурной коммуникации как трансфере достижений национальной культуры (в частности – художественной литературы).

В-третьих, необходимость изучения текстов оригинала и текстов перевода художественных произведений в условиях поликультурности и

диахронии очевидна для выработки системы оценки качества коллективного диахронического перевода и улучшения переводческой практики по межкультурной передаче литературы.

Цель исследования – выявление степени адекватности внутриязыкового, межкультурного перевода и факторов успешности передачи романов А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” в условиях диахронии на британский и американский английский при внутриязыковом переводе, русский и немецкий языки – при межкультурном переводе.

Достижение данной цели предполагает постановку и решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

- 1) определить набор характеристик адекватности в диахронии перевода рассматриваемых романов;
- 2) разработать классификацию реалий и их функций в тексте оригинала и текста переводов, определить способы их перевода в художественной литературе на примере рассматриваемых романов (по частотности и степени успешности);
- 3) выяснить наличие или отсутствие взаимосвязи между степенью адекватности перевода и степенью близости контактирующих лингвокультур (родственных и неродственных);
- 4) провести сопоставительный анализ оригинала (на британском английском языке) и внутриязыкового перевода на американский английский в синхронии и диахронии и на британский английский в диахронии;
- 5) провести сопоставительный анализ оригинала и межкультурных переводов (на русский и немецкий языки), выполненные с временной дистанцией;
- 6) провести анализ частотности приемов перевода и степени их успешности при передаче исследуемых романов А. Кристи на американский английский, немецкий и русский языки;
- 7) выявить характеристики коллективного диахронического перевода и их взаимосвязи с адекватностью внутриязыковой, межкультурной и

межкультурной передачи произведений художественной литературы на примере исследуемых произведений.

Выполненное диссертационное исследование направлено на решение нижеформулированных актуальных проблем языкознания.

Во-первых, предпринята попытка решения следующих проблем диахронии перевода:

- установление особенностей переводов реалий в рассматриваемых романах в условиях диахронии;
- выявление специфики и степени воздействия внелингвистических факторов на адекватность и эквивалентность перевода в аспекте реализации принципов политкорректности;
- выявление воздействия особенностей языковой картины мира переводчика на создаваемый им текст в процессе перевода с языка оригинала.

Во-вторых, предпринята попытка предложить ряд новых способов интерпретации проблем адекватности перевода художественного текста при изучении исследуемых романов в контексте проблематики диссертации, прежде всего:

- аннотированное сопоставление авторского текста с несколькими текстами переводов с учетом фактора диахронии;
- сопоставление авторского текста и нескольких переводов в рамках одной лингвокультуры (на один иностранный язык);
- сопоставление авторского текста и внутриязыкового перевода;
- сопоставление авторского текста и нескольких переводов в рамках различных лингвокультур (родственных и неродственных).

В-третьих, предпринята попытка рассматривать интерпретацию особенностей национальной культуры, отраженных в оригинале романов А. Кристи, в контексте языковой картины мира переводчика при выполнении им перевода на родной ему язык.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что:

- впервые проводится анализ способов передачи с английского языка на немецкий и русский таких сложных объектов перевода, как лингвокультурных феноменов – реалии, онимы, интертекст – на материале исследуемых романов А. Кристи;
- впервые рассматриваются в диахроническом плане и подвергаются сопоставительному анализу тенденции передачи оригиналов в разновременных немецко- и русскоязычных переводах данных романов;
- впервые прецизируется понятие адекватности перевода в диахронии на примере текстов художественной литературы детективного жанра;
- впервые представлена дефиниция понятия «коллективный диахронический перевод», обнаруживающая высокую степень значимости для успешной межкультурной, межкультурной и диахронической коммуникации посредством художественной литературы (в рамках эмпирической базы исследования).

Объектом исследования являются различные компоненты идиостилистики А. Кристи, такие как реалии, онимы и формы интертекста, представленные в романах “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” на британском английском, и их эквиваленты в текстах перевода на американский английский, немецкий и русский языки, выполненных с временной дистанцией.

Предметом исследования является адекватность передачи реалий, онимов и интертекста анализируемых романов А. Кристи на американский английский, немецкий и русский языки в условиях коллективного диахронического перевода.

Гипотеза настоящего исследования основана на первичном обобщении наблюдаемых фактов перевода: выявлении частичной неполноты системы знаний о функционировании перевода в диахронии и обнаружении в ходе эмпирической работы противоречий между лингвистической теорией переводоведения и выявленными в процессе переводческой практики фактами переводной множественности, – и состоит в том, что перевод художественной литературы при монологичной коммуникации в родной и родственной

лингвокультурах в условиях диахронии приобретает характеристики межкультурной и межкультурной коммуникации, интенсифицируя множественность передачи оригинала.

Методологической базой при написании данной работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов и переводоведов, внесших вклад в развитие таких значимых для настоящего исследования областей лингвистики, как

- общая и частная теория перевода, методология перевода: работы Л.С. Бархударова [Бархударов, 1969, 1975], О.А. Безугловой [Безуглова, 2013], И.В. Белозеровой [Белозерова, 2006], Е.Н. Белой [Белая, 2005], Л.И. Борисовой [Борисова, 1979, 1986, 1999, 2005, 2016], И.А. Быковой [Быкова, 1998, 2001, 2003], В.С. Виноградова [Виноградов, 1978], С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980, 1986], С.Б. Велединской [Велединская, 2010], Н.Н. Вольского [Вольский, 2006], В.Г. Гака [Гак, 1988], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2004, 2010], Р.С. Гиляревского [Гиляревский, 1985], Г.А. Завьяловой [Завьялова, 2014], Г.М. Зиборов [Зиборова, 2000], А.В. Зубова и И.И. Зубовой [Зубов, Зубова, 2004], В.Д. Ившина [Ившин, 2004, 2014], В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1973, 1988, 1990, 1999, 2000, 2002, 2011], М.М. Конколь [Конколь, 2017], В.Н. Крупнова [Крупнов, 1976, 1979], А.Б. Криницына [Криницын, 2007], Л.В. Кушнина [Кушнина, 2004, 2011], Л.К. Латышева [Латышев, 2007], А.А. Лебедевой [Лебедева, 2016, 2017], Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман [Левицкая, Фитерман, 1963, 1976], М.Н. Левченко [Левченко, 2016], И.П. Липовского [Липовский, 2010], О.И. Максименко [Максименко, 2003, 2012], Г.Г. Маскальчука [Маскальчук, 2003], Р.К. Миньяра-Белоручева [Миньяра-Белоручев, 1980, 1999], М.М. Морозова [Морозов, 1956], Н.Л. Мышкиной [Мышкина, 1998], Л.Л. Нелюбина [Нелюбин, 2003, 2004, 2009, 2011], Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хухуни [Нелюбин, Хухуни, 1999], М.Г. Новиковой [Новикова, 2009, 2010, 2014], А.А. Осиповой [Осипова, 2013, 2014], Т.Г. Пшёнкиной [Пшёнкина, 2005], Я.И. Рецкера [Рецкер, 1974], В.В. Сдобникова [Сдобников, 2006, 2015],

- 2016], О.Е. Семенец [Семенец, 1985], Е.В. Сидорова [Сидоров, 2009], А.И. Смирницкого [Смирницкий, 1959], Т.В. Тернопол [Тернопол, 2019], К.Д. Трекиной [Трекина, 2018], И.А. Улиткина [Улиткин, 2011, 2012], А.В. Федорова [Федоров, 1983], И.Н. Филипповой [Филиппова, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017], С.П. Флорина [Флорин, 1983], Р.Р. Чайковского [Чайковский, 2011, 2013, 2016], Н.В. Шамовой [Шамова, 2005], Л.М. Шатиловой [Шатилова, 2011], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1973, 1988], M. Baker [Baker, 1992, 1993, 1995, 1996, 2001]; R. Barnard [Barnard, 1980], I. Bloch [Bloch, 2013], J.C. Catford [Catford, 1965], D. Gile [Gile, 1995], B. Horn-Helf [Horn-Helf, 1999], P. Kußmaul [Kußmaul, 1997], S. Laviosa [Laviosa, 2011], M. Lederer [Lederer, 1994], E. Nida, Ch. Taber [Nida, Taber, 1969, 1978, 1982], E. Prunč [Prunč, 2002], Э. Прунч [Прунч, 2015], K. Reiß [Reiß, 1995], D. Seleskovitch [Seleskovitch, 1968], D. Seleskovitch, M. Lederer [Seleskovitch, Lederer, 1984], G. Toury [Toury, 1980, 1991, 1995], L. Venuti [Venuti, 1995], J.P. Vinay, J. Dalbernet [Vinay, Dalbernet, 1958];
- межкультурная коммуникация: труды Е.В. Бирюковой и Л.Г. Поповой [Бирюкова, Попова, 2008], С.Н. Вековищевой [Вековищева, 2000, 2011, 2012], Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 1973], Н.В. Друзиной [Друзина, 2005], Ю.А. Евграфовой [Евграфова, 2015, 2016], Н.Г. Епифанцевой [Епифанцева, 2018], И.Г. Жировой [Жирова, 2012, 2013], К.К. Кашлевой [Кашлева, 2016], И.Г. Кошевой [Кошечкина, 2013]; Е.А. Красиной [Красина, 2014, 2018], А.А. Осиповой [Осипова, 2013, 2014], Л.Г. Поповой [Попова, 1999], Т.Г. Поповой [Попова, 2011], Э.А. Сорокиной [Сорокина, 2016], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2008], Г.Т. Хухуни [Хухуни, 2015, 2018], Г.Д. Томахина [Томахин, 1997, 1988];
 - функциональная стилистика, лексикология, дискурсология: исследования Н.А. Ахреновой [Ахренова, 2009, 2010], Е.В. Бирюковой и Поповой Л.Г. [Бирюкова, Попова, 2008, 2015], А.Е. Гусевой [Гусева, 2015], Н.Г. Епифанцевой [Епифанцева, 2014], О.П. Крюковой [Крюкова, 2019], Е.Л. Кузьменко и Л.К. Свиридовой [Кузьменко, Свиридова, 2013, 2018],

Н.А. Мусиной [Мусина, 2008], В.В. Ощепковой [Ощепкова, 2010, 2014, 2017], Л.А. Телегина [Телегин, 2016, 2018], П.Н. Хроменкова [Хроменков, 2013, 2014], Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой [Хухуни, Валуйцева, 2009], Л.М. Шатиловой [Шатилова, 2011], Sh. Blum-Kulka [Blum-Kulka, 1983, 1986], В. Pendergast [Pendergast, 2004].

Методы исследования определены спецификой объекта и предмета настоящей диссертации.

В связи с возрастающей потребностью носителей разных языков в тесных межкультурных и межкультурных контактах проблематика, весьма широко называемая «язык и культура», стала одной из наиболее актуальных и исследуется не только в рамках языкознания (особенно, в межкультурной коммуникации, теории перевода, когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвострановедении, социолингвистике и антропологической лингвистике), но также в философии, культурологии, литературоведении и в ряде других наук. Названная проблематика находится в поле междисциплинарного синтеза, что обуславливает применение исследовательских методов, относившихся изначально к разным наукам и научным дисциплинам.

В исследовании нашли применение общенаучные методы: метод наблюдения языковых фактов, логические приемы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования, метод количественного анализа и ранжирования, интерпретационный метод. Из частнолингвистических методов в соответствии с задачами исследования использовались метод сравнительного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа, метод сопоставительного анализа словарных дефиниций, дескриптивный метод, метод семантической интерпретации.

Материал исследования представлен анализируемыми текстами двух детективных романов А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” общим объемом 21,9 п.л. Анализ заявленных проблем реализован на одном тексте перевода романа “Ten Little Niggers” на американский английский

[Christie, 1940], двух переводах на русский язык – Л.Г. Беспаловой [Кристи, 1990], Н.В. Екимовой [Кристи, 2016] и один перевод на немецкий язык – S. Deitmer (С. Дайтмер) [Christie, 2017].

Фактический материал исследования включает также два перевода романа “Mysterious Affair at Styles” на русский язык – А.Д. Смолянского [Кристи, 1990], М.Ю. Юркан [Кристи, 2015] и один перевод на немецкий язык – N. Schindler (Н. Шиндлер) [Christie, 2015]. Таким образом, общий объем эмпирической базы на четырех исследованных языках (в оригинале и переводах) составляет 77 п.л. Спорадически для решения заявленных проблем привлекаются к анализу тексты оригинала и перевода на русский язык романов “Five little pigs” [Christie, 1942], “One, Two, Buckle My Shoe” [Christie, 1940], “Crooked house” [Christie, 1949], “By the Pricking of My Thumbs” [Christie, 1968], “Mrs McGinty`s Dead” [Christie, 1952], “A Pocket Full of Rye” [Christie, 1953], “The Mirror Crack`d from Side to Side” [Christie, 1962], “Hickory Dickory Dock” [Christie, 1955], “Mother Goose: The Old Nursery Rhymes” [Heineman, 1913], “Mother Goose`s Nursery Rhymes” [Loughlin brothers, 1941].

Достоверность результатов исследования подтверждается широкой эмпирической базой (охватывающей факты британского и американского английского, немецкого и русского языков), использованием объективных методов в соответствии с целью и задачам и работы, обращением к фундаментальным трудам в области общего и частного языкознания, теории и практики перевода, а также активным использованием надежных лексикографических источников (двуязычных, одноязычных толковых и специализированных словарей). Специализированные словари позволили обеспечить достоверность терминологической базы диссертации и ее соответствие современным достижениям общего и частного языкознания и переводоведения: Словарь лингвистических терминов [Ахманова, 2004]; Толковый переводоведческий словарь [Нелюбин, 2003]; Лингвистический энциклопедический словарь [Ярцева, 1990]; Словарь терминов межкультурной коммуникации [Жукова и др., 2013]; Routledge Encyclopedia of Translation

Studies [RETS, 2009]. Двухязычные и одноязычные толковые словари обусловили надежность оценки степени адекватности перевода: Англо-русский. Русско-английский словарь [Мюллер, 2013, 2015]; Русско-английский фразеологический словарь переводчика [Кузьмин, 2006]; Немецко-русский (основной) словарь [НРОС, 1992]; Русско-немецкий словарь (основной) [РНСо, 1989]; Универсальный немецко-русский словарь [УНРС, Электронный ресурс]; Англо-русский исторический словарь [Николаев, 1995]; Англо-русский и русско-английский словарь [Гончарова, 2016]; Русско-английский. Англо-русский словарь [О`Брайен, 2009]; Duden Deutsches Universalwörterbuch [Duden, 1989]; Oxford Dictionaries [Oxford, 2019, Электронный ресурс], The Dictionary of biographical quotation of British and American subjects [Kenin, Wintle, 1978]; The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes [Opie, 1997]; Oxford Learner`s Thesaurus. A dictionary of synonyms [Oxford, 2008].

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит вклад в общую теорию перевода. На основании проведенного исследования перевода реалий, онимов и форм интертекста разработаны вопросы переводимости, эквивалентности и адекватности перевода. Решения переводческих задач, проиллюстрированные на материале исходных текстов на британском английском и их переводов на американский английский, русский и немецкий языки, вносят вклад в теорию перевода и позволяют расширить систему научных знаний о внутри- и межъязыковом переводе в условиях диахронической коммуникации посредством художественной литературы.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования полученных результатов для улучшения переводческой практики и совершенствования издательской политики при переводе. Материалы и результаты исследования могут найти успешное применение в разработке учебных дисциплин и курсов по теории перевода, практического курса перевода художественной литературы, практического курса перевода иностранного языка, теории межкультурной коммуникации, типологии переводческих трансформаций. Некоторые решения частных аспектов

(идиостилистики, межкультурной коммуникации) могут быть использованы в теоретических курсах и на практических занятиях по ряду дисциплин в системе высшего образования – по программам подготовки филологов и лингвистов: в общем и частном языкознании, лингвокультурологии, общей и частной стилистике, общей и частной лексикологии.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Адекватность перевода имеет тесную взаимосвязь с типом коммуникации: моноязычной, би- и полиязычной, моно- и поликультурной, – и имеет разные детерминирующие факторы при контакте родственных и неродственных лингвокультур. В названных объективных условиях адекватность перевода может иметь различные характеристики. В условиях диахронии традиционное понимание адекватности прецизируется в связи с новыми детерминирующими факторами.
- 2) К числу детерминирующих факторов адекватности в диахронии относятся интра- и экстралингвистические. Среди лингвистических на первое место выдвигается языковая динамика, среди внелингвистических – влияние меняющейся картины мира на язык, смена стереотипов мышления носителей определенного языка и представителей определенной культуры.
- 3) Личность переводчика, реализованная в совокупности таких характеристик, как возраст, национально-культурная и гендерная принадлежность, мировоззрение, его понимание своей коммуникативной роли и т.п., а также издательская политика создают разноаспектность субъективных факторов перевода. Системное взаимодействие названных субъективных факторов с объективными характеристиками адекватности обуславливает феномен коллективного диахронического перевода.
- 4) Понятие коллективного диахронического перевода не получило полного раскрытия в современной науке о переводе, но имеет высокий потенциал для исследований и несомненную значимость для совершенствования межъязыковой, межкультурной и диахронической коммуникации через художественную литературу, а также может способствовать улучшению

переводческой практики в области художественной литературы, в частности, издательской политики. Коллективный диахронический перевод (далее КДП) неразрывно связан с феноменологией множественности перевода. Он опосредуется в различных (неуниверсальных) переводческих решениях задач межъязыковой и межкультурной передачи оригинала в работе нескольких языковых посредников, удаленных друг от друга во времени и пространстве и принадлежащих к различным (родным / родственным / неродственным) лингвокультурам.

- 5) При внутриязыковом диахроническом переводе художественной литературы основным вопросом становится необходимость реконцептуализации и прагматической адаптации оригинала к новым условиям общественной жизни и новой картине мира. При межъязыковом переводе приоритетно решение задачи о границах прагматической адаптации к иной лингвокультуре и выборе стратегии (доместикации / форенизации, модернизации / архаизации оригинала).

Цель исследования, задачи и способы их решения обусловили **структуру диссертации**. Композиционно работа состоит из введения, трех глав, которые завершаются выводами, заключения, списка литературы и шести приложений.

Во введении обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, определяются предмет и объект, методы и приемы исследования, формулируется цель и определяются задачи, служащие ее достижению, представлены гипотеза, методологическая база, структура работы, дана характеристика материала исследования, достоверности результатов и их апробации, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Понятие адекватности перевода в диахронии теории перевода» рассматриваются и анализируются сущностные характеристики и аспекты ключевых понятий, необходимых для решения задач диссертации: художественный перевод, адекватность передачи текста, эквивалентность передачи текста, переводимость текста, качество перевода,

лингвокультурологические объективные и субъективные факторы адекватности перевода, картина мира, критерии оценки качества перевода. В главе проанализировано воздействие лингвокультуры языка, на который осуществляется перевод, на стиль переводчика и его выбор способов передачи реалий, приведены примеры конвенциональности при осуществлении переводов.

Вторая глава «Лингвистические и лингвокультурологические аспекты в переводах романов А. Кристи» посвящена рассмотрению авторской идиостилистики романов А. Кристи и выявлению специфики передачи и классификации реалий, онимов, интертекста, где перевод воспринимается как необходимое условие познания в социальной и гуманитарной сфере, с помощью которого осуществляется межкультурный и межъязыковой обмен. На анализируемых в главе примерах доказано, что при межкультурной коммуникации важным становится интерпретация социального и культурного фона как текста оригинала, так и текста перевода.

В третьей главе «Способы достижения адекватности перевода в диахронии» выявлены, проанализированы и систематизированы средства авторского осмысления реалий, проведен анализ способов передачи реалий, рассмотрены переводы, выполненные разными переводчиками, а также произведена оценка степени адекватности художественных переводов романов А.Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” на русский и немецкий языки. Показана проблема соотношения способов передачи реалий по степени их адекватности в зависимости от личности того или иного переводчика, выявлены специфика и характерные особенности стиля, техники и приемов передачи реалий каждым из переводчиков исследуемых произведений. В процессе анализа текстов оригинала и переводов установлено, что каждый переводчик использовал разное соотношение применяемых им приемов передачи реалий, что формирует собой по сути уникальный авторский стиль перевода, «переводческую манеру». Особое место в данной главе уделено

типологизации и систематизации способов передачи реалий в разных переводных версиях исследуемых романов.

В заключении подводятся итоги проведенной исследовательской работы: приводятся результаты и формулируются выводы по результатам исследования внутриязыкового и межьязыкового диахронического перевода, представлены анализ перспектив исследований в заданном направлении научного поиска и прогноз развития и пополнения системы знаний о коллективном диахроническом переводе художественной литературы в условиях полиязычия и поликультурности.

Список литературы содержит перечень наименований источников теоретической литературы по проблематике исследования – фундаментальной и периодической, лексикографических источников и источников, составивших эмпирическую базу – на языке оригинала и разноязычных и разновременных переводов, которые в своей совокупности использованы автором при написании диссертационного текста.

В приложениях приведены иллюстративные примеры, количественно обработанные данные эмпирической базы, графически интерпретированные результаты количественного анализа выявленных языковых фактов и фактов перевода.

Приложения А и Б включают в себя фрагменты текстов оригиналов рассматриваемых романов и их переводов, в которых содержатся, на наш взгляд, наиболее важные, показательные примеры, иллюстрирующие как суть самих реалий, так и способы их передачи и иные признаки, позволяющие их классифицировать. Количество приведенных примеров не исчерпывает в полной мере все рассмотренные нами реалии, но включает в себя их значительное количество, позволяющее производить статистический анализ, выявлять закономерности их классификации и делать необходимые выводы. Приложение А содержит таблицу с примерами реалий в романе А. Кристи “Mysterious Affair at Styles”. Приложение Б демонстрирует таблицу с примерами реалий в романе “Ten Little Niggers”. Приложение В представляет

результаты количественного анализа реалий в соответствии с предметно-тематической классификацией. Приложение Г демонстрирует процентное соотношение ряда сегментов в рамках ономастических реалий в исследуемых романах А. Кристи. Приложение Д включает в себя диаграмму классификации слов-реалий в двух романах А.Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”, встречающихся в текстах оригиналов и переводов на русский и немецкий языки. Приложение Е показывает диаграмму классификации реалий по способу их передачи. Предложенные классификации реалий имеют в некоторой степени условный характер и не претендует на исчерпывающее освещение всех реалий в анализируемых детективах.

Апробация исследования проведена на международном и всероссийском уровнях. Материалы и основные результаты диссертационного исследования представлены в 12 публикациях общим объемом 13,22 п.л., выполненных без соавторов. Основное содержание диссертации изложено в 3 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, в 2 статьях в зарубежных изданиях и 7 статьях в сборниках по материалам конференций.

Результаты исследования представлены на III-ем Международном конкурсе научных работ PTScience 16.11.2019 (Москва, Всероссийское общество научных разработок «ОНР ПТСАЙНС») и отмечены дипломом I-ой степени. Исследовательские достижения отражены в форме докладов на 7 научных конференциях: Международной научной конференции «Язык, культура, перевод» (Магадан, СВГУ, 30 сентября 2016 г.), X-ой и XI-ой Международной научной конференции «Перевод и когнитология в XXI веке» (Москва, МГОУ, 22 ноября 2017 г. и 26 апреля 2018 г.), II-ой Межвузовской научно-практической конференции «Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе» (Москва, МГИМО(У), 5 – 6 апреля 2018 г.); XXVI-ой Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» в рамках Международного молодежного научного форума (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 8 – 12

апреля 2019 г.); XIII-ой Международной научной конференции «Язык, коммуникация, перевод» (Москва, Военный университет Министерства обороны РФ, 28 июня 2019 г.).

Глава 1. Понятие адекватности перевода в диахронии теории перевода

Перевод является многовековым опытом человечества, многообразие подходов к переводу за время межкультурной коммуникации различных народов, наций, государств и т.п. столь велико, что даже упрощенное упоминание их невозможно вместить в тесные рамки диссертации. Переводоведение как наука, в лингвистической парадигме теории перевода, также демонстрирует широкое разнообразие концепций, моделей, стратегий межкультурного посредничества. Границы приемлемых трансформаций, вызванных различными факторами, составляют один из центральных вопросов переводоведения – вопрос о соотношении эквивалентности и адекватности перевода (понимаемого как результат переводческой деятельности). В той или иной степени все публикации, посвященные межкультурной и межкультурной передаче связаны с этой ключевой проблемой перевода (как теории, так и практики).

В связи с этим рассмотреть и подвергнуть полноценному всестороннему анализу переводоведческую литературу по вопросам адекватности и эквивалентности в рамках диссертационного текста не представляется возможным. Мы ограничимся наиболее авторитетными работами на эту тему, ставшими классикой переводоведения, и отметим значительно отличающиеся от них идеи в данной области. Выявляемые разногласия – ввиду их различной аспектующей и методологических основ – не будем объединять в более крупные систематизирующие категории (течения, подходы и т.п.). Такой подход позволит выявить отдельные дифференциальные моменты, сохраняя максимальную дистанцию по отношению к обсуждаемому вопросу, и сформулировать собственное понимание, наиболее тесно коррелирующее с темой и проблематикой настоящего исследования.

1.1. Понятия эквивалентности и адекватности перевода в диахронии переводоведения

Перевод как вид интеллектуальной и вместе с тем духовной деятельности человека, являясь также речемыслительным процессом и одной из форм межкультурной коммуникации, восходит к глубокой древности и всегда играл существенную роль в истории культуры отдельных народов и мировой культуры в целом. В современную эпоху – с середины XX столетия – переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах благодаря все возрастающей интенсивности международных контактов, процессов экономической, политико-правовой, культурно-цивилизационной интеграции разных стран и регионов. Кроме того, начиная с середины прошлого столетия благодаря неуклонно и постоянно набирающему силу научно-техническому прогрессу постоянно возрастает объем переводимых произведений художественной литературы, в том числе ввиду спроса на их преобразование в сценарии фильмов, театральных постановок и т.п. Это дает основание некоторым зарубежным авторам, занимающихся исследованиями проблематики перевода, называть это время «веком перевода» [Нелюбин, 2009, с. 15].

Перевод представляет собой многогранное явление и занимает важное место в ряде вопросов, изучением которых занимается современное языкознание. Многоаспектность переводческой деятельности отмечает принятая в 1963 г. на Международном конгрессе переводчиков в г. Дубровнике Хартия переводчиков, преамбула которой гласит, что «перевод зарекомендовал себя как постоянная, универсальная и необходимая деятельность в современном мире» (“that translation has established itself as a permanent, universal and necessary activity in the world of today” [The Translator`s Charter, 1994, Электронный ресурс]). Хартия переводчиков формально определила

самые существенные характеристики переводческой работы следующим образом:

– п. 4. “Every translation shall be faithful and render exactly the idea and form of the original» («каждый перевод должен быть достоверным и передавать точно идею и форму оригинала» (пер. А.А. Касымбековой) [The Translator`s Charter, 1994, Электронный ресурс];

– п. 5. “A faithful translation, however, should not be confused with a literal translation, the fidelity of a translation not excluding an adaptation to make the form, the atmosphere and deeper meaning of the work felt in another language and country” («Достоверный перевод, однако, не должен смешиваться с буквальным переводом; верность перевода не исключает адаптации в целях придания формы, духа и более глубокого значения работы, воспринимаемой на другом языке и в другой культуре» (пер. А.А. Касымбековой) [The Translator`s Charter, 1994, Электронный ресурс];

– п. 11. “Being a "secondary" author, the translator is required to accept special obligations with respect to the author of the original work” («Будучи «вторичным» автором, переводчик должен принять специальные обязательства по уважению автора оригинала» (пер. А.А.Касымбековой) [The Translator`s Charter, 1994, Электронный ресурс].

Одним из «классических» определений перевода считается предложенное Л.С. Бархударовым – «процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке речевым произведением (текстом) на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [Бархударов, 1969, с. 3]

С одной стороны, перевод может рассматриваться как процесс [Виноградов, 2001, с. 5], в результате которого создается новый (переведенный) текст, с другой стороны, переводом может выступать и деятельность по осуществлению перевода [Крупнов, 1976, с. 4], и сам результат деятельности переводчика [Виноградов, 2001, с. 5]. Чтобы лучше понимать явление перевода, обратимся к работе Т.А. Казаковой «Практические основы перевода», где дается следующее определение перевода: «Перевод – это преобразование

сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода» [Казакова, 2001, с. 9].

Перевод рассматривается и как один из источников обогащения фразеологического состава национального литературного языка посредством нахождения соответствующих аналогов и замен, равнозначных оригиналу [Ившин, 2014, с. 111]. При этом одно из главных правил перевода заключается в семантическом соответствии между соотносимыми лексическими единицами [Улиткин, Нелюбин, 2014, с. 63].

Вместе с тем, в аспекте межкультурной коммуникации при отсутствии точного эквивалента для выражения того или иного понятия, уникального для какой-либо одной культуры, абсолютно точный перевод невозможен [Садохин, 2005, с. 79].

Ключевыми понятиями в науке о переводе являются адекватность и эквивалентность. Прежде чем рассмотреть ряд точек зрения на понимание этих терминов и предложить уточненное их толкование в контексте цели и задач диссертации, следует отметить, что предпосылкой и адекватности, и эквивалентности перевода является сама переводимость, т.е. принципиальная возможность осуществить перевод [Романова, 2011, с. 14].

Главной целью перевода является достижение адекватности. Под адекватным переводом понимается перевод, максимально соответствующий оригиналу, точно и без искажений передающий его содержание, а также выражающий те же коммуникативные установки, что и сам оригинал. Сущность адекватности перевода сводится к категориям смысловой полноты и точности. Как отмечает Т.А. Казакова, «точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, что тоже может иметь влияние на способ и результаты перевода» [Казакова, 2001, с. 9]. О.И. Максименко, Е.П. Подлегаева считают, что при любом переводе (кроме внутриязыкового) основной целью является

преодоление межъязыковых и межкультурных различий [Максименко, Подлегаева, 2019, с. 171].

Как отмечает В.В. Сдобников, «достижение адекватности следует рассматривать как достижение поставленной цели перевода путем реализации определенной стратегии перевода» [Сдобников, 2015, с. 164], под которой, в свою очередь, исследователь понимает «общую программу осуществления переводческой деятельности в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации», определяемой «специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода...». [Сдобников, 2015, с. 156].

Лингвисты давно стали уделять внимание изучению средств и способов перевода, а также авторскому стилю выполнения перевода, что все вместе принято называть «переводческой манерой». Уже в Средневековье была замечена зависимость между степенью буквализма и удобочитаемостью перевода. Переводческое своеобразие стало объектом более пристального изучения европейских филологов в эпоху Возрождения, когда в связи с изобретением книгопечатания резко возросло количество переводов. Стали появляться различные переводы одних и тех же литературных памятников (как религиозных, так и светских). Следует отметить, что в Англии в период с 1558 по 1568 гг. было создано в четыре раза больше переводов, чем за предыдущие 50 лет [RETS, 2009], в котором одни переводчики стремились к формально точной передаче оригинала, а другие придерживались более свободного подхода, чтобы достичь в переводе связности. В интеллектуальных кругах Европы Нового времени обсуждался ряд вопросов осуществляемой при переводе адаптации для удобства рядового читателя. Переводчики также считали, что благодаря переводам обогащается и развивается их родной язык, оформляется литературная норма. Следует отметить первых английских переводчиков, таких как: G. Chapman (1559 – 1634), J. Denham (1614/15 – 1669), J. Dryden (1631 – 1700), которые пытались теоретически описать переводческую работу. Остановимся на словах J. Dryden: «... между

буквальным и вольным переводами следует искать золотую середину, сохраняя дух автора в традициях классицизма и адаптируя произведение соответственно эстетическим канонам эпохи» [Комиссаров, 2000, с. 27]. Огромный вклад внес А. Tytler (1747 – 1813) в развитие английской теории перевода. Его работа под названием «О началах перевода» (Essay on the Principles of Translation) опубликована в 1791 году в Лондоне. А. Tytler отмечает, что перевод должен полностью передавать заключенные в оригинале идеи, имитировать авторский стиль и при этом соответствовать оригиналу по связности и удобочитаемости. Во многом он предвосхитил современное понимание адекватности переводов.

За продолжительную историю теории перевода и многовековую практику перевода (в том числе художественной литературы) сформировалось много разнообразных концепций перевода как вида межъязыковой и межкультурной деятельности [Чайковский, 2011; Чайковский, 2013, с. 16 – 36; Чайковский, 2013, с. 137 – 145; Садохин, 2012; Попова, 2011, с. 62 – 66, с. 197 – 204]. С момента начала переводоведения как самостоятельной науки наиболее плодотворным и значимым стал лингвистический подход к переводческой деятельности. Основы отечественной школы лингвистического переводоведения были заложены А.В. Федоровым и Я.И. Рецкером. Переломным моментом, отметившим рубеж традиционно-лингвистического переводоведения можно считать работы Р.К. Миньяра-Белоручева об информационной теории перевода, В.Н. Комиссарова об уровнях эквивалентности перевода, А.Д. Швейцера о функционально-динамической модели перевода, Е. Nida о динамической эквивалентности [Миньяр-Белоручев, 1999; Комиссаров, 1990; Швейцер, 1999; Найда, 1978, 1982]. Значительный интерес и многочисленные дискуссии вызывают интерпретативный подход к переводу [Нелюбин, 1983, 2004; Ощепкова, 2017; Попова, 1999, 2013], «скопос»-теория [Комиссаров, 2000; Сдобников, 2015; Убоженко, 2016], разнородные и разноаспектные стратегии перевода [Пшёнкина, 2005; Россельс, 1953; Сорокина, 2013, 2017], идеи синергии и холизма в переводе [Кушнина,

2004, 2011; Максименко, 2003, 2011, 2012, 2013; Филиппова, 2012, 2014, 2016, 2017].

Эти тенденции отступления от старого лингвистического подхода носят универсальный характер, многие из отмеченных сравнительно молодых концепций возникли в зарубежном переводоведении, многие из возникших в СССР и России перешагнули границы государства и получили распространение в европейских и американской теориях перевода. Американский исследователь L. Venuti отмечает, что с 1980-х гг. американское переводоведение отталкивается от понимания перевода не как деятельности, стратегически направленной на достижение эквивалентности и адекватности, а как вида интерпретации, в ходе которой переводчик в первую очередь стремится выразить некое языковое и культурное своеобразие, стоящее за текстом оригинала. В различных работах Л. Венути много говорится о вреде доместикации и стандартизации, снижающих индивидуальность автора [Venuti, 1995, p. 5 – 6, 17 – 18, 29]. Стоит отметить, однако, что, отвергая переводы, выполненные со слишком большой стандартизацией (т.е. с заменой единиц авторского идиостиля общеязыковыми единицами), L. Venuti отдает предпочтение явно буквалистичным переводам (т. е. переводам с заменой общеязыковых единиц «псевдоавторскими»), которые едва ли можно признать более адекватными.

Нельзя не согласиться с тезисом P. Kußmaul и S. Tirkkonen-Condit о том, что одним из показателей профессионализма переводчика является такой результат, который соответствует как стилистической, так и текстовой (text-type) адекватности [Kußmaul, Tirkkonen-Condit, 1995, p. 187]

Таким образом, и в теории перевода, и в переводоведческих исследованиях прикладного характера, в качестве одних из базовых и системообразующих терминов используются понятия «адекватность» и «эквивалентность».

В языкознании на разных этапах его развития были сформулированы разные точки зрения и подходы к определению этих двух понятий. Один из

наиболее полных их аналитических обзоров представлен в статье Н.В. Шамовой «Разграничение понятий “эквивалентность” и “адекватность” в переводе» [Шамова, 2005]. Исследовательница выделяет три подхода к пониманию этих терминов: первый, при котором эквивалентность рассматривается как ретроспективная категория, ориентированная на результат, а адекватность – как категория перспективная, ориентированная на процесс перевода; второй, при котором эквивалентность понимается как равноценность оригинала и переведенного текста, а адекватность – как оценка степени эквивалентности; и третий, который расценивает эквивалентность как термин, оценивающий качество художественного перевода, а адекватность как термин, измеряющий качество нехудожественного перевода [Шамова, 2005, с. 179].

Не приводя полностью таковой обзор в нашей диссертации, отметим наиболее распространенные и принятые в современном языкознании подходы к пониманию адекватности и эквивалентности перевода.

Адекватным во многих подходах исследователей считается перевод, который точно передает содержание и форму оригинала в их неразрывной связи, воссоздающей как смысловую сторону, так и стилистическую [Виноградов, 2001; Борисова, 1979, 1986, 1999].

Л.С. Бархударов под адекватным переводом понимает тот, который осуществляется «на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм переводящего языка» [Бархударов, 1969, с. 9], рассматривая его в одном ряду с терминами «буквальный перевод» и «вольный перевод».

В работах А.В. Федорова при рассмотрении отношений между исходным текстом (ИТ) и переводным текстом (ПТ) противопоставляются два понятия – «формализм» и «адекватность», причем под адекватностью подразумевается «полноценность», а по сути эквивалентность. «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Федоров, 1983, с. 68]. А.В. Федоров и Я.И. Рецкер, разработавшие концепцию

полноценного (адекватного) перевода, определили следующие качества адекватного перевода: 1) исчерпывающая передача смыслового содержания текста; 2) передача содержания равноценными (то есть выполняющими функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника) средствами [Рецкер, 1974, с. 168]. Р.К. Миньяр-Белоручев формулирует адекватный перевод как «воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка» и понимает его как цель художественного перевода [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 188]. А.А. Смирнов считает, что адекватным может считаться такой перевод, в котором переданы все намерения автора, с соблюдением всех применяемых автором ресурсов образности, ритма, колорита и т.д. [Смирнов, 2002, с. 6.]. М.Я. Блох определяет адекватность как соответствие переводческой цели, как функциональное свойство переведенного текста, выявляемое именно в «контексте развернутого текста..., элементарной единицей которого является высказывание» [Блох, 2012, с. 3, 5]. Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцева рассматривают термин адекватность применительно к аспектам межкультурной адаптации переводного текста [Хухуни, Валуйцева, 2003, с. 40 – 49]. И.Н. Филиппова трактует адекватность перевода как «предельно возможное равенство коммуникативно-прагматического эффекта, не сводимое к элементарной эквивалентности сегментов коммуникации» [Филиппова, 2014, с. 254].

Категория адекватности переводов одного и того же текста за авторством разных переводчиков, тем более в разное время, что особенно важно для понимания рассматриваемых в нашей диссертации проблем диахронии перевода, вовсе не обусловлена достижением очень близкого сходства и тем более совпадением переводных текстов, особенно если дело касается переводов художественной литературы. Как подчеркивает Н.К. Гарбовский, существует «один из основных законов науки о переводе – закон о неповторимости перевода, который может быть сформулирован следующим образом: невозможно разным людям в разных ситуациях перевести одинаково один и тот же текст»; «продукты их переводческой деятельности будут отличаться друг от

друга настолько, насколько различны условия, в которых воспринимается исходный текст и рождается текст перевода, но прежде всего сами люди, взявшиеся за перевод» [Гарбовский, 2010, с. 88].

Л.Г. Романова рассматривает понятие «адекватность» наряду с понятием «эквивалентность» на основе метода графосемантического моделирования, представляющего собой формирование набора данных в виде системы; понятия выражаются через другие понятия в рамках того или иного понятийного поля, осуществляется компонентный анализ определений (при котором определения разбиваются на «понятийные компонент-единицы»), на основе которого, в свою очередь, выявляется «понятийный потенциал» понятия [Романова, 2011, с. 21 – 22]. В рамках данного подхода выделяется 26 «понятийных (семантических) полей», в том числе «воспроизведение особенностей подлинника», «семантическая полнота», «перевод», «стиль», «соответствие», «полноценность», «функциональность», «коммуникативность», «эмотивность» и т.п. [Романова, 2011, с. 22 – 31].

Исследовательница предлагает следующее определение: «адекватность характеризует переводческую деятельность с точки зрения полноценности воспроизведения в тексте перевода семантических, стилевых, лингвистических и структурных особенностей подлинника с учетом норм переводящего языка» [Романова, 2011, с. 38, 55].

Понятие адекватность неразрывно связано с функциональностью перевода. Об этом, в частности, говорит G. Carrascon, ссылаясь на исследовательницу К. Лозерайт, которая, по его мнению, была первой, кто в середине 1980-х годов обратил на это внимание, считает, что уровень «лингвистической корректности» текста перевода зависит от функциональной адекватности, в рамках которой «языковые формулировки» должны варьироваться в зависимости от их целевой аудитории и ситуаций, в которых они создаются, и присущих им задач [Carrascon, 2006, p. 28]. Функциональность перевода в этом контексте вполне, как мы полагаем, встраивается в понятие «функциональная смысловая зависимость», действующая как «языковой

инструмент», воздействующий на разные уровни речи [Кошевая, 2013, с. 23].

Следует отметить, что существует подход к рассмотрению проблемы эквивалентности в контексте семантических прототипов как в рамках одного языка, так и нескольких языков. Такого подхода придерживается, в частности, британский лингвист J.R. Taylor. По его мнению, чтобы два слова были эквивалентны друг другу, они должны ассоциироваться с определенными (distinct) прототипами [Taylor, 1995, p. 56]. При этом слово, являющееся объектом перевода, имеет ту или иную семантическую структуру (наряду с фонетической структурой, морфологической структурой и т.п.) [Новикова, 2010, с. 26]

И.С. Алексеева трактует адекватность как соответствие переведенного текста цели перевода [Алексеева, 2004, с.128].

Среди сравнительно недавно сформировавшихся исследовательских подходов следует упомянуть концепцию Л.В. Кушниной, которая с категорией «адекватность» соотносит категорию «идентичность», а категорию «эквивалентность» – с категорией «тождество»; при этом используется также понятие «гармоничный перевод», под которым понимается то, что «смыслы текстов оригинала и перевода гармоничны, но не идентичны» [Кушнина, 2011, с. 83]. Исследовательница полагает, что гармоничный перевод приводит к «своего рода «приращению смыслов», «рождению нового смысла», что позволяет данному тексту органично войти в чужую культуру...» [Кушнина, 2011, с. 83].

С понятием «адекватность перевода» самым тесным образом связано понятие «эквивалентность перевода».

Эквивалентность является центральным понятием современной теории перевода [Комиссаров, Черняховская, Латышев 1988; Бодрова-Гоженмос, 2006; Коржова, 2007, Виноградов, 2001], в том числе в процессе развития новых подходов и методов исследования в первые два десятилетия XXI века. Концепции понимания эквивалентности и базирующиеся на них теории занимают центральное место в осмыслении явления переводимости текста

[Gile, 2009, p. 52]. Однако до настоящего времени разные аспекты содержания понятия «эквивалентность» точно не определены (что вряд ли достижимо ввиду разных причин, в том числе углубления междисциплинарного синтеза в языкознании с постоянно обновляемыми исследовательскими парадигмами и инструментариями), поэтому их часто смешивают с понятием «адекватность» и нередко в той или иной мере употребляют синонимично.

В языкознании последних двадцати лет существует ряд аналитических и компендиальных обзоров становления и эволюции понимания эквивалентности в теории перевода, в том числе выполненные Н. Salevsky [Salevsky, 2002, S. 76 – 78, 89 – 92, 157 – 159, 190 – 199, 205 – 251, 303 – 314 etc.], Л.Г. Романовой [Романова, 2011, с. 4 – 55], J. Munday [Munday, 2016, p. 58–85], В. Sommerfeld [Sommerfeld, 2016, S. 17 – 22, 28 – 34, 40 – 47, 52, 70 etc.] и др. Не приводя всестороннее и детальное рассмотрение истории взглядов и подходов к пониманию эквивалентности, остановимся на наиболее важных из них с точки зрения целей и задач, объекта и предмета нашей диссертации.

В самом общем смысле эквиваленты рассматриваются как межъязыковые синонимы [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 202]. Л.С. Бархударов рассматривает понятие «эквивалентность» как «понятие, несущее ту же информацию, то есть имеет то же самое семантическое содержание, отличающееся по способу выражения этого содержания» [Бархударов, 1975, с. 168]. Как отмечает А.А. Лебедева, адекватность перевода подразумевает поиск эквивалентов, адекватных оригиналу [Лебедева, 2013, с. 74]. С.Б. Велединская выделяет суть понятия эквивалентности как «общности содержания (смысловой близости) оригинала переводу», которая «не представляет собой фиксированную величину» [Велединская, 2010, с. 120 – 121]. Также понятие «эквивалентность» – это камень преткновения в теории перевода. По вопросу об эквивалентности было немало научных споров, поэтому, прежде чем рассуждать о границах между эквивалентностью и адекватностью, следует рассмотреть сам объект исследования теории перевода — эквивалентность. Но в любом случае понятие

«эквивалентность» в лингвистике подразумевает наличие некоего инварианта [Пшёнкина, 2005, с. 49] содержания и смыслов.

Понятие «эквивалентность» рассматривается во взаимосвязи с термином «инвариантность».

Как отметил Е. Prunč, понятие «инвариантность» широко распространилось в языкознании из структурной лингвистики, а инвариантами называются те элементы исходного текста, которые остаются (по возможности) неизменными в тексте ПЯ в результате перевода [Prunč, 2002, S. 33 – 34].

При трактовке термина «инвариант» в переводе мы придерживаемся подхода Р.К. Миньяр-Белоручева, согласно которому «при определении инварианта необходимо иметь в виду не только речевое произведение ..., но и цель, мотивы и интенции источника», а сам инвариант понимается как «сообщение или информация, предназначенная для передачи» и «отождествляется с информацией, способной продуцировать заданный смысл и / или дополнительный эстетический эффект» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 34, 36, 131]; понятие же «сообщение» в данном контексте разъясняется и как передача семантической информации, и как передача ситуационной информации [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 43 – 44].

«Понятие «эквивалентность» пришло в языкознание из технических дисциплин и формальной логики, а в 60-е гг. XX в. прочно укоренилось в теории перевода [Prunč, 2002, S. 33]. Переводческая эквивалентность означает прежде всего то, что два текста – текст оригинала и текст перевода – находятся в определенных отношениях эквивалентности друг к другу» [Комиссаров, 2000, с. 118]. В формальной логике под эквивалентностью понимается прежде всего равенство, подобие или тождество. «Однозначно, что в силу расхождения языковых систем и целей перевода между двумя текстами не могут возникнуть отношения тождества» [Комиссаров, 2000, с. 118] или исчерпывающе полного совпадения смыслов. «В отсутствие тождества отношения между оригиналом и переводом принято считать эквивалентностью» [Комиссаров, 2000, с. 118].

Как отмечает греческая исследовательница D. Panou в обзоре развития подходов к пониманию эквивалентности, это понятие стало обозначать «тот или иной вид одинаковости» и степени таковой «одинаковости» между текстами ИЯ и ПЯ (kind and degree of sameness) [Panou, 2013, p. 2].

К. Reiß относит эквивалентность и адекватность к ключевым понятиям переводоведения, полагая, что переводчик должен стремиться к достижению «оптимальной эквивалентности», что, в свою очередь, делает возможным достижение адекватности [Reiß, 1986, S. 11].

J.C. Catford, считая эквивалентность «ключевым термином» [Catford, 1965, p. 21], проводит различие между понятиями «переводная эквивалентность» (translation equivalence) и «формальное соответствие» (formal correspondence). Под первым ученый понимает текст или часть текста ПЯ, рассматриваемый (-ая) в каждом конкретном случае с помощью методов, посредством которых устанавливается эквивалентность тех или иных текстуальных фрагментов ИЯ и ПЯ (соотнесения синтаксиса ИЯ и ПЯ, использование тех или иных грамматических конструкций ИЯ и ПЯ, которые могут различаться, но при этом максимально точно передавать смысл, выявление контекстуального значения и т.п.). Под «формальным соответствием» J.C. Catford понимает те или иные категории ПЯ, занимающие как более возможно то же самое место в ПЯ, которое занимают эти же категории в ИЯ (морфемы, слова, фразы и другие грамматические единицы); при этом «формальное соответствие» может быть только приблизительным [Catford, 1965, p. 27 – 32]. Ученый подчеркивает постоянную изменчивость эквивалентности, что обусловлено ее различными уровнями: «слово – слово», «предложение – предложение», «фрагмент – фрагмент» [Catford, 1965, p. 24 – 26].

Характеризуя подходы к соотнесению понятий «эквивалентность» и «инвариантность», E. Prunč выделяет два аспекта: «описательный», характеризующийся в исследовании того, какие элементы в том или ином конкретном переводе сохраняются в тексте ПЯ, и «нормативный»,

закрывающийся в определении того, какие элементы текста ИЯ должны оставаться неизменными в тексте ПЯ [Prunč, 2002, S. 34].

В несколько ином аспекте проблематика эквивалентности рассматривается сторонниками «скопос-теории».

В.Н. Комиссаров отмечает, что концепция «скопос-теория» (от греческого «скопос» – «цель [наблюдения]», латинского *scopus* – «цель»), исходит из того, что перевод – это прежде всего вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели. Перевод всегда осуществляется для чего-то, переводчик стремится выполнить определенную задачу, которую он выбрал сам или получил от заказчика, в чьих интересах и по чьему поручению осуществляется процесс перевода. Цели перевода могут быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. При этом несущественно, в какой степени перевод оказывается близок к оригиналу, коль скоро он соответствует своей цели. В каких-то случаях цель перевода может заключаться в достижении максимальной близости к оригиналу, а в других случаях цель может быть иной: сообщить получателю какую-то информацию, убедить его в чем-либо, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т.д. Можно представить такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика. Таким образом, переводчик превращается в центральную фигуру межкультурной коммуникации [Комиссаров, 2000, с. 118].

Л.К. Латышев и А.Л. Семенов выделяют три ключевых условия, позволяющих считать переведенный текст эквивалентным оригиналу. Это наличие относительно равных коммуникативно-функциональных свойств ИТ и ПТ, наличие в меру допустимой максимальной аналогичности друг другу в семантико-структурном отношении ИТ и ПТ, отсутствие семантико-структурных расхождений между ИТ и ПТ при всех компенсирующих отклонениях [Латышев, Семенов, 2003, с. 57].

В.С. Виноградов выделяет ряд аспектов понятия «эквивалентность», в том числе эквивалентность «в широком плане», которая понимается как «нечно равноценное, равнозначное чему-либо», а также в сопоставлении с терминами «адекватность» и «тождественность», с которыми рассматриваемое понятие частично пересекается и характеризуется как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе»; в понятие «эквивалентность» включена «общность понимания содержащейся в тексте информации», воздействующей как на разум, так и на чувства читателя [Виноградов, 2001, с. 18 – 19]. Ученый считает эквивалентность многоуровневым понятием, связанным «с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и т. п. характеристиками» [Виноградов, 2001, с. 19]. Исследователь подчеркивает, что при переводе художественных текстов эквивалентность имеет ряд отличительных особенностей, в том числе ее обусловленность «индивидуальностью переводчика», включающей в себя личностную специфику восприятия текста, своеобразием выбора языковых средств и т.п. [Виноградов, 2001, с. 19].

Л.Л. Нелюбин и И.Н. Филиппова придерживаются мнения, что эквивалентность не предусматривает абсолютного тождества между оригиналом и переводом [Нелюбин, 2003, с. 254], а ее достижение требует внимания к лингвокультурологическим различиям, лингвистическим и экстралингвистическим аспектам [Филиппова, 2014, с. 213]. В это же ключе делает выводы французский лингвист D. Gile, говоря о том, что «даже непрофессионал знает», что «точная эквивалентность» (exact equivalence) недостижима ввиду априорных различий грамматики и лексики языков, а также их литературной стилистики; при этом эквивалентность рассматривается исходя из контекстуального характера переводческой деятельности [Gile, 2009, p. 79, 89, 132]. D. Gile предлагает определять «межъязыковые эквиваленты» (translinguistic equivalences) как устойчивые (regular) ассоциации или связи

между отдельными составляющими языка (language constituents), особенно между лексическими единицами и стандартными фразами (set phrases) [Gile, 2009, p. 239].

В понимании М.Я. Блоха эквивалентность рассматривается как «максимальное структурнофункциональное подобие переводного текста (транслята) его оригиналу», а также предлагает термин «полуэквивалентный перевод» как промежуточную категорию между эквивалентным и неэквивалентным переводом [Блох, 2012, с. 4].

Один из распространенных подходов к толкованию понятия «эквивалентность» основан на выявлении соответствия семантических долей (по отдельности и в совокупности) лексической единицы, которые формируют собой ее объем, в разных языках [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 42 – 44].

Согласно концепции В.В. Сдобникова, «основное значение скопос-теории заключается в том, что она включает переводческий акт в структуру предметной деятельности», а сама скопос-теория, «выражает суть коммуникативно-функционального подхода к переводу в наиболее сконцентрированной форме» [Сдобников, 2015, с. 29 – 30]. С данным тезисом коррелирует подход И.В. Убоженко, рассматривающий наличие у переводчика фундамента не только языковедческих, но и металингвистических знаний как главного фактора успешности перевода, а сам перевод понимается как процесс, объединяющий в себе «признаки художественного и научного творчества» [Убоженко, 2016, с. 124]. Считаем важным подчеркнуть, что в «скопос»-теории, усматривается продолжение идей Р.К. Миньяра-Белоручева о многоаспектности содержания в оригинальном тексте. Исходный текст содержит в себе несколько различных типов информации: семантической, (фактуальной и концептуальной), фоновой, ситуативной, структурной (особенно важной в прозаических и поэтических произведениях художественной литературы и реализующей эстетическое воздействие на адресата) [Миньяра-Белоручева, 1980, с. 40]. На иных позициях стоит в отношении «скопос-теории» Р.Р. Чайковский, по мнению которого ее приверженцы ставят во главу угла желание заказчика как определяющий фактор

цели деятельности переводчика, тем самым заметно снижая важность других сторон переводческой деятельности, таких как разнообразные поводы, причины, мотивы, «переводческий долг», удовольствие от процесса перевода, соперничество с другим переводчиком и т.п. [Чайковский, 2016. с. 16 – 18].

Л.Г. Романова рассматривает понятие «эквивалентность», как и рассмотренное выше понятие «адекватность», также на основе метода графосемантического моделирования, посредством которого выделяет 24 понятийных поля эквивалентности (которые отчасти пересекаются с понятийными полями адекватности), в том числе «целенаправленность», «тождественность», «семантика», «уровень», «коммуникативность», «компонентность», «обусловленность» «функциональность», «коннотативность», «соответствие нормам» и т.п. [Романова, 2011, с. 40 – 47]. По мнению исследовательницы, понятие «эквивалентность характеризует тождественность текстов перевода и подлинника на семантическом, коммуникативном, лингвистическом или структурном уровнях, в зависимости от целей, с которыми осуществляется переводческая деятельность» [Романова, 2011, с. 53, 55].

И.С. Алексеева понимает под эквивалентностью меру соответствия переведенного текста исходному тексту вне зависимости от цели перевода [Алексеева, 2004, с. 128].

Английский лингвист F. Johns отмечает, что с эквивалентностью связан вопрос достижимости переводчиками передачи «сложной сети» стилистических свойств литературного текста [RETS, 2009, p. 153]. Это мнение коррелируется со сформулированным R. Bell тезисом о том, что несмотря на разные подходы к определению сущности перевода, переводчик в любом случае обязан «найти эквиваленты», которые позволят «сохранить черты оригинала» [Bell, 1991, p. 5 – 6]. При этом, как отмечает Р. Белл, полная эквивалентность (total equivalence) недостижима из-за различий между языками, хотя, вместе с тем, принципиально возможно передать «коды», «сущности» и смыслы в процессе перевода, что также составляет аспекты эквивалентности [Bell, 1991, p. 6 – 7].

Английская исследовательница М. Baker посвятила рассмотрению различных подходов к толкованию термина «эквивалентность» и формулированию собственной точки зрения на понимание эквивалентности в теории перевода и практической переводческой деятельности монографию “*In Other Words. A coursebook on translation*”, впервые изданную в 1992 г. Так, М. Baker выделяет в качестве первичного уровня эквивалентности «эквивалентность на уровне слов», что включает в себя морфемы, механизмы словообразования, лексическое значение, буквальный смысл и неоднозначность однокоренных образований как в рамках одного языка, так и в разных языках, совпадение и расхождения семантических полей слов в зависимости от разности языков, диалектов, эволюций значений [Baker, 2001, p. 10 – 20 и далее]. В качестве второго уровня эквивалентности М. Baker выделяет «эквивалентность сверх уровня слов», которая не регулируется «терминами и правилами», но идентифицируется как «повторяющиеся модели в языке» (*as recurrent patterns in the language*), в основе которых лежат как словосочетания, так и идиомы вместе с устойчивыми выражениями [Baker, 2001, p. 46 – 47]. В качестве следующего уровня М. Baker выделяет «грамматическую эквивалентность», который основан уже не на лексической, а на грамматической структуре языков [Baker, 2001, p. 82 – 83]. Четвертый уровень эквивалентности в концепции М. Baker – это «текстуальная эквивалентность», которая устанавливается при работе переводчика уже не с одним, а с несколькими или многими предложениями, из которых можно понять заложенные автором идеи, смыслы и т.п., складывающиеся в два типа структуры текста – «тематическую» и «информационную» [Baker, 2001, p. 119 – 122 и далее]. Следующий уровень эквивалентности, как считает исследовательница, – «прагматическая эквивалентность», которая выходит за рамки «текстового уровня» и находится в сфере коммуникации, осуществляющейся не только через текст, но и через иные многочисленные аспекты культур в контексте тех или иных целей того или иного перевода [Baker, 2001, p. 211 – 218 и далее].

Есть и иные подходы, авторы которых считают, что проблематика адекватности и эквивалентности исчерпала себя. Так, Л.М. Алексеева считает, что традиционные понятия, такие как языковая эквивалентность и адекватность, проявили неспособность к выявлению исключительно сложной природы перевода как деятельности, сопоставимой с созданием ментальных конструкций, выступающих в качестве продукта понимания переводимого текста [Алексеева, 2010, с. 46].

Однако, вряд ли можно с этим согласиться. Так, исследователь из Колумбии S. Bolaños Cuéllar справедливо отмечает, что понятие «эквивалентность» претерпевает изменения в связи с появлением и развитием новых дисциплин, таких как «текстолингвистика», «дискурсивный анализ», социолингвистика и психолингвистика, а также появления «нелингвистического» подхода к переводу, основанного на «контекстно-ориентированных теориях» и других экстралингвистических подходах. Трансформацию понимания эквивалентности S. Bolaños Cuéllar считает частью «динамичной модели перевода» [Bolaños Cuéllar, 2002, p. 61 – 62, 65, 71, 76 – 81].

В подобном ключе рассуждает английский лингвист J. Munday, который в своем аналитическом обзоре истории изучения проблемы эквивалентности формулирует вывод о том, что эквивалентность продолжает быть центральной, хотя и критикуемой, пересматриваемой проблемой в языкознании [Munday, 2016, p. 77].

На схожих исследовательских позициях находится польская лингвист В. Sommerfeld. Она рассматривает концепцию эквивалентности как «отправную точку» (Bezugspunkt), исходя от которой осуществляется доступ в область проблематики качества перевода; вместе с тем, концепт «эквивалентность» претерпевает дифференциацию своей методологической основы в контексте расширения спектра «моделей переводоведческих критик» (übersetzungskritischer Modelle) [Sommerfeld, 2016, S. 14 – 16].

Исследователь из Цюрихского университета Н. Riediger отмечает, что терминология и перевод, будь то устный или письменный, очень тесно взаимосвязаны и зависят в большой мере от степени эквивалентности и адекватности используемой терминологии, и в ключе данного подхода можно говорить о «билингвальной» терминологии или о терминологии «мультилингвальной» или «плюрилингвальной» [Riediger, 2018, p. 10]. По мнению Н. Riediger, концепция эквивалентности, восходящая к идеям де Соссюра, была пересмотрена в контексте развития категории «терминология»: в качестве эквивалентов рассматриваются два термина в двух разных языках, которые относятся к одному и тому же концепту [Riediger, 2018, p. 22].

Ю.Н. Марчук рассматривает понятие «эквивалентный» как один из типов переводных соответствий наряду с такими типами, как «вариативный» и «трансформационный» [Марчук, 2007, с. 294].

Говоря об эквивалентности перевода, необходимо иметь в виду тезис американского лингвиста Е. Nida о двух типах эквивалентности: *формальной*, ориентированной на достижение максимального соответствия форме исходного текста, в том числе его структуры, порядка слов, знаков препинания, семантических единиц, и *динамической*, нацеленной на достижение у читателя переведенного текста эквивалентной реакции, как и у тех, для кого язык оригинала является родным [Nida, 1978, с. 128 – 132]. В дальнейших своих исследованиях, выполненных в соавторстве с Ch. Taber, Е. Nida несколько меняет понятийный аппарат: вместо «формальной эквивалентности» используется термин «формальное соответствие» (formal correspondence), которому противопоставляется «динамическая эквивалентность». Таким образом, эквивалентность как таковая стала характеризоваться Е. Nida как явление динамичное по своей сути, а все формальное отнесено в сферу понятия «соответствие», уступающее в приоритете понятию «динамическая эквивалентность» [Nida, Taber, 1982, p. 14, 22, 200; Munday, 2016, p. 68]. При этом Е. Nida постулирует, что переводчик должен стремиться более к эквивалентности, нежели чем к идентичности [Nida, Taber, 1982, p. 12]. Под

эквивалентностью как таковой (которая помимо динамической эквивалентности в терминологическом аппарате Е. Nida и Ch. Taber включает также стилистическую, грамматическую, идиоматическую, коннотативную, смысловую, «естественную» (natural), «ближайшую» (closest) эквивалентности) ученые понимают «наиболее близкое сходство в значении», а под динамической эквивалентностью — качество перевода, обеспечивающее передачу оригинального текста таким образом, что реакция получателя по сути (essentially) такая же, как и у носителя языка оригинала [Nida, Taber, 1982, p. 200].

Вместо понятия «динамическая эквивалентность» Е. Nida и Ch. Taber время от времени использовали термин «функциональная эквивалентность» [Nida, Taber, 1982, p. 12, 151], что в дальнейшем привело к более широкому употреблению последнего вместо первого [Munday, 2016, p. 68].

Понимание наличия у эквивалентности динамической составляющей, по нашему мнению, очень важно для понимания процессов диахронии переводов, когда, например, переводчики, относящиеся к разным поколениям, передают некоторые фрагменты оригинала разными словами и оборотами, ориентируясь на лингвокультуру читателей именно их времени. Также в науке выделяются *семантическая эквивалентность* [Бархударов, 1975; Комиссаров, 1973], *функциональная эквивалентность* [Рецкер, 1974; Швейцер, 1973], *функционально-содержательная эквивалентность* [Латышев, Семенов, 2003], *текстовая эквивалентность*, *фонологическая эквивалентность*, *грамматическая эквивалентность* [Catford, 1965, p. 22, 24, 28, 30, 32]. Кроме того, выделяются *денотативная эквивалентность*, *коннотативная эквивалентность*, *текстуально-нормативная эквивалентность*, *прагматическая эквивалентность* [RETS, 2009, p. 97].

Английский ученый J. Taylor в своей монографии о категоризации в лингвистике использует такие понятия, как «семантическая эквивалентность», «предполагаемая эквивалентность» (presumed translation equivalence), «точная / неточная эквивалентность» (exact translation equivalent), «приблизительная

эквивалентность» (roughly equivalent) «приблизительная эквивалентность» (approximate translation equivalents) и др. [Taylor, 1995, p. 55, 58, 114 – 116, 288].

Израильский исследователь G. Toury считает возможным также выделить понятие «потенциальная эквивалентность», которое включает «все возможные соотношения» (the entire set of possible relationships) между элементами ИЯ и ПЯ; при этом, по замечанию G. Toury, дескриптивная лингвистика исходит из предположения, что эквивалентность действительно существует между предполагаемым (assumed) переводом и предполагаемым источником [Toury, 1995, p. 93].

Немецкий лингвист W. Koller, считающий понятие «эквивалентность» играющим центральную роль не только в переводоведении, но и в контрастивной лингвистике [Koller, 2004, S. 216 – 217], выделяет пять основных типов эквивалентности выделяет в своем фундаментальном труде по теории перевода: *денотативная*, относящаяся к экстралингвистическому содержанию текста [Koller, 2004, S. 228 – 240], *коннотативная*, связанная с выбором лексических и стилистических средств [Koller, 2004, S. 240 – 247], *текстонормативная*, обусловленная типами текстов [Koller, 2004, S. 247 – 248], *прагматическая (коммуникативная)*, заключающаяся в ориентировании на получателя информации [Koller, 2004, S. 248 – 252] и *формально-эстетическая*, обусловленная формами и эстетикой текста, включая авторские особенности использования сочетаний слов, игры слов, метафор и элементов стиля [Koller, 2004, S. 252 – 266].

На наш взгляд, немецкий исследователь H. Gerzymisch-Arbogast справедливо замечает, что вместе с «масштабом» применения и осмысления эквивалентности (Äquivalenzmaßstab) наблюдался и наблюдается расширение спектра подходов к ее изучению (Äquivalenzbetrachtung), которые в той или иной мере находятся в контрверсии друг к другу [Gerzymisch-Arbogast, 1994, S. 97].

Работая с художественными текстами, следует всегда иметь в виду, что их эквивалентный перевод зависит не только от умения переводчика работать со

словарями, но и от понимания им контекстуальных факторов и особенностей индивидуального авторского стиля [Крупнов, 1976, с. 18].

Современное языкознание выделяет три *уровня эквивалентности*, соответствующих трем типам отношений знака: семантическому, синтаксическому и прагматическому; при этом прагматический уровень считается безусловно необходимым при любом переводе, т.к. «если текст перевода не вызвал желаемой реакции читателя, то акт коммуникации можно считать несостоявшимся» [Гарбовский, 2010, с. 101].

Помимо вышеперечисленных содержательно-качественных определений эквивалентности следует иметь в виду и количественный аспект этого же понятия: в современном языкознании выделяются категория «эквивалентность «единичное-единичное»» и категория «эквивалентность «единичное-множественное»» (“one-to-one equivalence” и “one-to-many equivalence”), дифференцирующие достижение эквивалентности посредством достижения соответствия одной лексической единице оригинала одной лексической единицы языка перевода или посредством достижения соответствия одной лексической единице оригинала несколькими лексическими единицами языка перевода [RETS, 2009, p. 97].

Особого подхода в изучении проблем эквивалентности придерживается А.Г. Минченков. Исследователь рассматривает эквивалентность как некую совокупность характеристик «реакций получателей ИТ и ПТ» или «коммуникативных эффектов», считая ее достаточно абстрактным понятием и отдавая предпочтение введению в научный оборот понятия «естественности текста перевода», в основу которого полагается потенциальное восприятие средств принимающего языка, «выбираемых для объективации тех или иных концептов» [Минченков, 2008, с. 236 – 237].

Как отмечает португальская исследовательница А.М. Bernardo, после многочисленных споров о понимании эквивалентности на современном этапе развития языкознания имеет место избегание «монопарадигмальных» подходов, базирующихся на той или иной попытке интерпретировать сущность

эквивалентности, и развитие новых подходов, основанных на соотнесении и передаче значений и смыслов в процессе перевода в ключе различных парадигм в зависимости от той или иной цели или ситуации [Bernardo, 2007, p. 93 – 95].

Этот подход в некоторой степени коррелируется с идеями австралийского лингвиста А. Рум, который рассматривает перевод не как стремление к эквивалентности, а как средство управления рисками дискоммуникации и как следствие рисками доверия и иными сопряженными рисками [Рум, 2010, p. 60, 97, 129, 179]. По мнению А. Рум, эквивалентность является понятием, которое разные исследователи могут интерпретировать совершенно по-разному, в результате чего оно означает «все что угодно для всех исследователей» (“means all things to all theorists”), а идея структуралистов о понимании эквивалентности как некоего «равенства значений» призывается и вовсе быть отвергнутой [Рум, 2010, p. 37]. Как считает А. Рум, спад исследовательского интереса к эквивалентности в переводоведении обусловлен влиянием на лингвистику других наук, в которых принята концепция «отсутствия эквивалентности между системами»; вместе с тем, А. Рум отмечает, что применение понятия «эквивалентность» и интерес к его изучению «не исчезают вовсе» из науки о языке [Рум, 2010, p. 49 – 50]. В итоге А. Рум приходит к выводу, что эквивалентность в переводоведении – «это фикция без действительного соотнесения с ситуациями коммуникации» [Рум, 2010, p. 50].

Однако мы не разделяем подобные подходы. На наш взгляд, терминология на основе понятий «адекватность» и «эквивалентность» вполне конкретная и обосновываемая, а научная разработка проблем адекватности и эквивалентности перевода в ключе концепций классиков отечественного и зарубежного языкознания 1960-х – 1990-х и начала 2000-х гг. методологически не исчерпала себя и имеет высокий исследовательский потенциал, который на современном этапе языкознания может реализовываться в контексте различных парадигм, в ключе междисциплинарных подходов, переосмыслений философских основ гуманитарного знания и т.д.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой оба термина в отечественной науке находятся в соотношении «асимметрического параллелизма», когда те или иные исследователи отдают предпочтение одному из них, но вместе с тем принципиально их не разграничивают [Хухуни, Валуйцева, 2003, с. 48].

Так или иначе, упомянутые подходы к пониманию эквивалентности не находятся в антиномии друг другу, но представляют собой совокупность различных аспектов ее осмысления, проявляющих себя в тех или иных многообразных ситуациях практической переводческой деятельности. При этом оба термина хоть и различны, но вместе с тем не имеют «навсегда зафиксированных границ» и имеют потенциал для дальнейших исследований.

Мы придерживаемся подхода, на основании которого предлагается различать понятия «адекватность» и «эквивалентность» перевода. Адекватный перевод – это перевод, отвечающий поставленной цели. Стремление обеспечить адекватность определяет выбор способов перевода, и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определенной цели [Комиссаров, 1999, с. 82].

Итак, делая вывод из вышесказанного, следует отметить, что сегодня в теории перевода существуют и имеют право применяться в практической работе переводчиков оба термина – эквивалентность и адекватность – как не противоречащие друг другу и не исключающие друг друга. Таким образом, эквивалентность рассматривается как центральное понятие и объект изучения теории перевода. Эквивалентность – это равноценность исходного и переводного текста. Адекватность – это оценочный термин, служащий для установления степени эквивалентности в переводном тексте.

Проведя анализ разных подходов к пониманию адекватности и эквивалентности перевода, мы в контексте цели и задач настоящей диссертации придерживаемся следующих предлагаемых нами толкований сущностных основ данных терминов:

- Адекватность – функциональное равенство текста оригинала и переводного текста с максимально возможным достижением цели перевода.
- Эквивалентность – исчерпывающая, максимально возможная точная, передача смыслового содержания текста оригинала равноценными языковыми средствами.

Резюмируя, отметим, что при всей многозначности подходов и трактовок понятия «**эквивалентность перевода**», мы в контексте нашего исследования в это понятие вкладываем следующий смысл: *это получаемый в процессе переводческой деятельности во всех разнообразных ее аспектах результат достижения максимально возможной равнозначности оригинального текста и текста перевода в лексико-семантическом отношении.*

Принимая во внимание большое разнообразие определений содержания понятия «**адекватность перевода**», мы в контексте нашего исследования в это понятие вкладываем следующий смысл: *это категория оценки созданного переводного текста с максимально достигаемым соответствием оригинальному тексту в функционально-прагматическом аспекте, охватывающем лексику, синтаксис, стилистику и другие сущностные элементы и характеристики.* Под другими сущностными характеристиками мы понимаем форму (особенно в поэтическом переводе), образность (особенно в переводе художественной прозы, фольклора, песни) особенности сюжетных линий и пр.

Адекватность и эквивалентность перевода связаны с задачей переводчика осмыслить, прочувствовать концептосферу автора оригинала, чтобы понять, чтобы понять, что именно должно быть обязательно сохранено при переводе [Приказчикова, 2012, с. 72].

И понятие «адекватность», и понятие «эквивалентность» применительно к переводческой деятельности самым тесным образом связаны с понятием «переводимость»; в настоящей диссертации – переводимость художественного текста.

В истории языкознания существовали разные концепции переводимости текста – от концепций принципиальной непереводимости текстов с одного языка на другой без потери точности передаваемых смыслов (В. фон Гумбольдт, виднейшие представители неогумбольдтианства L. Weisgerber, W. Koller и др.) до концепций переводимости с принципиальной достижимостью совершенно точного перевода (Р. Декарт, Ф.А. Вольф и др.). Но практически все ученые, так или иначе занимавшиеся проблемами переводимости, сходны во мнении, что наибольшую сложность в переводе имеют именно художественные тексты, и именно при работе с художественными текстами переводимость представляется наиболее труднодостижимой. Бóльшая по сравнению с переводом других типов текстов сложность перевода художественного текста, как точно сформулировал Н.К. Гарбовский, обусловлена как самим комплексом сущностных его свойств, так и многообразием переводческих стратегий и подходов к решению переводческих задач [Гарбовский, 2010, с. 103].

Как справедливо отметила D. Kelly в соавторстве с A. Martin, различные подходы к вопросу переводимости происходят от фундаментально противоположных взглядов на природу языка и смыслов; одни ученые полагают достижимой полную переводимость, другие считают, что абсолютная переводимость недостижима в принципе, иные занимают промежуточные между этим двумя точками зрения позиции [RETS, 2009, p. 300 – 301]. Не претендуя на исчерпывающее трактование понятия «переводимость», применительно к задачам нашего диссертационного исследования мы понимаем под термином «переводимость» совокупность качеств и свойств текста грамматического, семантического, смыслового, синтаксического и иного присущего ему характера, соотносимых с соответствующими качествами и свойствами другого языка и имеющих возможность быть транслированными на

другой язык. При этом возможность такового транслирования может быть реализована как абсолютно, так и относительно, в той или иной мере, в зависимости от самых разных факторов, в том числе от степени близости / расхождения концептуального содержания лексики, совпадения / частичного совпадения / несовпадения коннотаций в лексических единицах контактирующих языков, сходства / различий грамматического строя, стиля текста и т.п.

Поэтому вполне резонно в каждом конкретном случае выполнения перевода встает вопрос о **степени переводимости**, которую можно понимать как меру достигнутых адекватности и эквивалентности перевода того или иного конкретного текста.

Степень переводимости зависит от соотношения в исходном тексте общего для культур и лингвокультур языка оригинала и языка перевода. Нельзя не согласиться с тезисом о том, что степень переводимости обуславливается тем, что из трех групп смысловых характеристик лексических единиц преобладают в оригинале:

1. Признаки, характерные для всего человечества, т.е. неспецифические;
2. Признаки, характерные для группы культур, т.е. относительно специфические;
3. Признаки, характерные для данной локальной культуры, т.е. абсолютно специфические [Нурыева, 2007, с. 45 – 46].

В контексте материалов нашего исследования отметим, что одним из наиболее ярких примеров труднопереводимости и непереводаемости являются пословицы и поговорки в силу их метафоричности [Нурыева, 2007, с. 46]. Метафоризм обуславливает появление в языке большого ряда омонимов разного типа, которые представляют собой различное содержание при наличии одной формы выражения [Телегин, 2018, с. 360] на письме и в произношении. Метафористическая омонимия в той или иной степени в своей основе имеет

грамматическую омонимию, которая составляет важную особенность английского языка и широко в нем распространена [Смирницкий, 1959, с. 13].

Степень переводимости также в значительной мере зависит от экстралингвистических (коннотативных) факторов, т.к. именно они вызывают наибольшие затруднения при переводе с одного языка на другой [Жирова, 2013, с. 62 – 63]. В свете данного аспекта современного языкознания перед переводчиком, стремящимся достичь эквивалентности, ставится задача максимально возможно передать не только языковые, но и внеязыковые компоненты реалий.

Вместе с тем, в любом языке есть уникальные языковые единицы, которые не имеют прямых эквивалентов или, что реже, не имеют эквивалентов вовсе в других языках [Laviosa, 2011, p. 309].

Резюмируя, считаем целесообразным сформулировать определение понятия «**степень переводимости**» как *специфическую для каждой ситуации меру принципиально достижимых адекватности и эквивалентности перевода того или иного конкретного текста*. В любом случае степень переводимости представляет собой некую переменную, зависящую от субъективно воспринимаемой полноты адекватности и эквивалентности выполненного перевода в сопоставлении его с оригиналом. Категоризация этой переменной на нынешнем этапе переводоведческой теории – в рамках лингвистического подхода – представляется невыполнимой, т.к. обусловлена тесной взаимосвязью с качественной оценкой перевода (как результата – ПТ). Этот аспект необходимо рассмотреть подробнее как имеющий значимость в контексте основных вопросов исследования.

1.2. Понятие качества перевода

Оценка качества перевода всегда была актуальной проблемой как для теоретиков, так и для практиков перевода.

Качественным переводом принято считать перевод (устный, письменный, машинный и т.д.), имеющий высокую степень адекватности и эквивалентности, выражающий наиболее точно и вместе с тем наиболее емко, лексически соизмеримо смысл оригинала.

Оценка качества перевода – это определение, выявление степени точности (складывающейся в основном из адекватности и эквивалентности) перевода в контексте тех или иных субъективно формулируемых и воспринимаемых задач той или иной выполняемой переводчиком работы. Зачастую оценка качества перевода зависит от личности самого заказчика перевода, от целей той или иной конкретной работы переводчика, от степени сложности перевода, от отводимого времени на перевод и от многих других факторов и конкретных обстоятельств. Следует отметить, что при оценке качества перевода, любой перевод вторичен по отношению к оригиналу: он может быть и субъективно воспринимаем как лучший, чем оригинал, но все равно к нему привязан и не может от него сильно удаляться. Поэтому переводчик, в отличие от автора оригинального текста, ограничен в выборе лексических средств и форм выражения мыслей.

Для раскрытия многозначного понятия «качество перевода» необходимо иметь в виду комплекс значений понятия «**концепт**». Это понятие имеет разное содержательное осмысление у различных исследователей. Совокупность идей, выраженных в оригинале литературного произведения и подлежащих переводу, представляют собой фрагмент национальной концептосферы (или картины мира) и составляют отражение авторского миропонимания. В произведении художественной литературы прямо или косвенно получают выражение определенные «кванты знания» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996] автора о внешнем мире. Языковое («предусмотренное» системой, нормой и узусом языка) опосредование авторских концептов в ИЯ нередко вступает в противоречие с ПЯ и опытом переводчика как носителя иной системы знаний, ценностей и т.п. В связи с этим считаем необходимым включить в понятийное

поле исследования перевода художественной литературы термин концепт в его многогранной лингвистической интерпретации.

С.Г. Тер-Минасова, приводя краткий обзор подходов к пониманию концепта, обращает особое внимание на точку зрения С.Ю. Степанова, согласно которой концепт является «сгустком культуры в сознании человека» и в отличие от понятий он не только осознается, но также переживается через эмоции, симпатии и антипатии и вводит человека в культуру [Тер-Минасова, 2008, с. 41 – 42]. Концепт считается так или иначе фрагментом жизненного опыта человека [Карасик, 2002, с. 49]. «Культурный концепт» понимается как одно из ключевых составляющих лингвокультурологии и определяется как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны»; при этом термин «понятие» представляет собой «сгусток рациональной части концепта» [Карасик, 2002, с. 132, 156].

В межкультурном масштабе «содержание концепта или языкового сознания является результатом обработки информации, производимой индивидом со специфическим сознанием, со специфической системой концептов и со специфической структурой смысла внутри отдельного концепта» [Пшёнкина, 2005, с. 174]. Понятие «концепт» взаимосвязано с понятием «типовой образ»; если последнее отвечает на вопрос «что это?», то первое – «что мы знаем об этом» [Телия, 1996, с. 97, Юрина, 2004, с. 8 – 9]. Понятие «концепт» рассматривается как динамичная величина, зависящая от меняющихся со временем приоритетов и ценностей общества, которая является «глобальной мыслительной единицы, представляющей собой квант структурированного знания» и составляющей коллективного языкового сознания [Стешина [и др.], 2014, с. 6, 16]. В качестве основных признаков понятия «концепт» рассматриваются его нацеленность на структурирование знания, выполнение функции единиц мыслительного процесса и интенциональность [Минченков, 2008, с. 112 – 113].

Эти подходы находят отражение в выборе лексических соответствий при переходе через лингвистический барьер из ИЯ в ПЯ и в выборе средств

передачи образов и авторской стилистики. Поэтому сравнивая разные переводы одного и того же текста, следует иметь в виду, что в тех или иных соотношениях выявляются случаи использования разных лексических единиц, что, в свою очередь, может приводить к неточностям перевода [Осипова, 2013, с. 77]. Вместе с тем, таковые расхождения могут и не влиять на содержание переводимого текста [Осипова, 2014, с. 107], а лишь адаптировать систему средств передачи фактуальной и концептуальной информации ИТ к системе, норме и узусу ПЯ, без искажения авторского видения мира.

Начиная с 50-х гг. прошлого века в России проблема оценки качества перевода интерпретируется по-разному, так как в лингвистической теории перевода преобладало мнение о том, что оценить качество перевода возможно лишь с помощью сравнения двух текстов: оригинального и переводного. Поэтому категория эквивалентности считается основным параметром оценивания перевода. Как было упомянуто выше, теория эквивалентности была детализированно разработана в трудах таких советских лингвистов, как А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров. Следует отметить тот факт, что категории эквивалентности и адекватности – это не одно и то же, о чем красноречиво свидетельствуют определения этих понятий. Типология переводческих ошибок всегда основывается на теории эквивалентности, но при этом эквивалентный перевод не всегда адекватен. Отсюда следует подкрепляемое устоявшейся традицией мнение о том, что переводчик – это транслятор, не имеющий право на изменение текста оригинала. Здесь важно уместно вспомнить мнение австрийского лингвиста Е. Рунч, считающего, что современный переводчик – это полноправный актант, имеющий такие же права, как и другие участники коммуникации [Прунч, 2015, с. 19]. Французские исследовательницы D. Seleskovitch и M. Lederer совершенно справедливо отмечают, что одним из основных качеств переводчика является обладание образованностью и кругозором, на которых базируются собственно переводческие компетенции [Seleskovitch, Lederer, 1984, p. 159].

Очевидно, что подход того или иного исследователя к проблеме оценки качества перевода в основе своей зависит от взглядов этого исследователя на то, что представляет собой процесс перевода в целом и что является объектом сопоставления при переводе. Подавляющее большинство теоретиков перевода в качестве основного критерия оценки предлагают ту или иную разновидность эквивалентности, тот или иной комплекс ее содержательных аспектов. Это может быть эквивалентность текстового материала, эквивалентность содержания или сообщения, реакции получателя, функции текста или коммуникативного эффекта, производимого двумя текстами. На современном этапе, в связи с развитием коммуникативно-функционального подхода к переводу, наиболее распространенной и влиятельной является, вероятно, точка зрения, согласно которой общая эквивалентность должна представлять собой некий синтез эквивалентности на уровне цели коммуникации и эквивалентности различных единиц и структур двух текстов, при приоритетном положении первой. Не случайно одной из самых популярных концепций эквивалентности в отечественном переводоведении до сих пор является теория пяти уровней В.Н. Комиссарова, в соответствии с которой первый (базовый) уровень предполагает эквивалентность цели коммуникации, а последний пятый – полную семантическую и структурную близость двух текстов [Комиссаров, 1990, с. 51 – 93].

Ряд исследователей пытаются объединить эквивалентность функции текста и производимого им коммуникативного эффекта с эквивалентностью отдельных его единиц путем введения понятия адекватности перевода. В концепции Ю.В. Ванникова адекватность предполагает воспроизведение в максимально возможной степени доминантной функции текста, которая формируется на основе коммуникативной интенции отправителя и нацелена на обеспечение определенного коммуникативного эффекта [Ванников, 1988, с. 34 – 38]. Другие исследователи, противопоставляя адекватный и неадекватный переводы, неадекватным считают, с одной стороны, буквалистский перевод, искажающий содержание исходящего текста (ИТ) и/или нарушений нормы

переводящего языка (ПЯ), и, с другой стороны, вольный перевод, который не нарушает нормы ПЯ, но искажает содержание ИТ, в том числе за счет неоправданных сокращений и добавлений [Семко, Калмыков, Дубинко, 1988, с. 72]. В.В. Сдобников и О.В. Петрова, принимая за основу уже упомянутую теорию пяти уровней В.Н. Комиссарова, предполагают для оценки качества перевода объединить понятия адекватности и эквивалентности. Они отмечают, что в зависимости от вида перевода возможны разные соотношения адекватности и эквивалентности. Понимая адекватность так же, как и Ю.В. Ванников, авторы считают ее базовым критерием оценки качества перевода: «о степени адекватности говорить не приходится: перевод либо адекватен, либо неадекватен» [Сдобников, Петрова, 2006, с. 212]. Эквивалентность может быть показана по-разному, в котором близость двух текстов зависит от ситуации. Соответственно, выделяются четыре основных случая: 1) перевод является адекватным в целом и эквивалентным на уровне всех отдельных сегментов текста; 2) перевод является адекватным, но не эквивалентным на уровне отдельных сегментов текста; 3) перевод эквивалентный, но не адекватный (из-за стремления переводчика точно передать отдельные сегменты не понята коммуникативная интенция автора); 4) перевод не эквивалентный и не адекватный.

По мнению В.В. Сдобникова и О.В. Петровой, первые два случая следует рассматривать как примеры качественных переводов, два последние – как некачественных. Наиболее качественным признается первый вид [Сдобников, Петрова, 2006, с. 213 – 215].

Как отмечает А.Г. Минченков, важнейшим и ключевым критерием оценки качества перевода является успешность объективации всей совокупности концептов, потенциально образуемых исходным текстом, в связи с объективно существующей возможностью сделать это в данном контексте. Степень успешности объективации всей концептуальной структуры может различаться, при этом большинство концептов могут быть вполне успешно объективированы различными способами [Минченков, 2008, с. 257 – 258]. Под

объективацией концепта понимается выражение (вербализация) в системе языковых знаков, прежде всего слов, сочетаний фраз, синтаксических структур, ведущих к образованию значений языковых единиц [Стешина [и др.], 2014, с. 18].

Качество перевода неизбежно зависит прежде всего от личности переводчика и его мастерства, что приобретает особую актуальность в наше время, когда происходит постоянное развитие автоматизированных систем перевода. Мы согласны с мнением О.И. Максименко о том, что естественный язык в принципе представляет собой плохо формализуемую систему, ввиду чего при задействовании интеллектуальных лингвистических систем и входные условия, и, соответственно, ответы-результаты могут быть только приближенными [Максименко, 2011, с. 45], и с мнением И.А. Улиткина о том, что никакие электронные средства не смогут заменить переводчика [Улиткин, 2012, с. 105], особенно в работе с художественными текстами. Также нельзя не согласиться с мнением польской исследовательницы Е. Kościalkowska-Okońska о том, что профессионализм переводчика основан прежде всего на владении как лингвистическими, так и экстралингвистическими компетенциями, на эффективном применении когнитивных способностей в соответствии с выполнением тех или иных конкретных задач перевода [Kościalkowska-Okońska, 2011, р. 23 – 24].

В рамках нашего исследования машинный перевод анализу не подвергается, а оценка степени адекватности и эквивалентности разных передач (на русский и немецкий языки), выполненных известными переводчиками в разное время, демонстрирует множество удачных переводческих решений, раскрывающих читателям концептосферу автора в системе британской языковой картины мира.

Особенно важно достижение качества перевода при передаче языковых выражений, которые в ряде случаев имеют соответствие в обоих языках (оригинала и перевода). Задача переводчика усложняется, если соответствующие единицы ИЯ и ПЯ имеют коннотационные отличия, не

совпадая в отношении сигнификативной или экспрессивной составляющей значения. Значительную трудность представляют также реалии, которые представляя фрагмент национальной или исторической картины мира одной лингвокультуры, в языковом фонде лингвокультуры ПЯ не имеют никаких соответствий, поэтому относятся к безэквивалентной лексике. Поэтому «языковые выражения оказываются крайне «чувствительными» к используемым приемам перевода, так как неверный выбор может исказить как языковую, так и концептуальную картины мира» [Пшёнкина, 2005, с. 168].

Это особенно ярко проявляется на примерах передачи интертекстов, которые будут рассмотрены ниже. Понятие «интертекст» находило и продолжает находить теоретическое осмысление у разных литературоведов и лингвистов, находясь во взаимосвязи с такими терминами, как «интертекстуальность», «контент-анализ» и др., а также с проблемами адекватности и эквивалентности перевода.

Интертекстуальность представляет собой присутствие в одном тексте двух и более текстов и, согласно классификации французского литературоведа Ж. Женетта, является одним из видов взаимодействия текстов наряду с такими, как паратекстуальность (основанная на отношении текста к своему заглавию, эпиграфу и т.п.), метатекстуальность (основанная на комментирующей ссылки на предшествующий текст), гипертекстуальность (основанная на понимании текста через предшествующий текст), архитектекстуальность (основанная на жанровой связи нескольких текстов) [Денисова, 2019, с. 45].

Одно из свойств интертекста заключается в том, что он «пронизан стрелой времени», не имеет начала и конца [Кузьмина, 1999, с. 27], что отличает его от текста, в который он инкорпорирован.

В самом широком смысле интертекст понимается как вербально или невербально выраженная «базовая единица национальной культуры» [Денисова, 2019, с. 6], связанная не только с собственно словарными единицами, но и связанными с ними образами и эмоциями. Интертекстуальность рассматривается как «формообразующий и

смыслообразующий механизм взаимодействия вербальных и невербальных знаков в языковой картине мира» [Денисова, 2019, с. 6].

Исследователи выделяют много видов интертекста, используя различные критерии. Мы в качестве критерия классификации интертекстов используем совокупность характерных особенностей содержания и построения текста анализируемого произведения художественной литературы, в который по тем или иным причинам архитектурно внедряется фрагмент другого (хронологически более раннего) текста. В этом случае к наиболее распространенным видам интертекста относятся цитаты, аллюзии, заглавия, эпиграфы, пересказы, вариации, стилистические фигуры, фразы-речевые стереотипы (в том числе речевые штампы, крылатые фразы, поговорки и т.п.) [Денисова, 2019, с. 72 – 74]. Цитаты, к которым относятся стихи, в том числе считалочки, представляют собой самую очевидную интертекстуальную форму в литературе [Еременко, 2012, с. 134].

Применительно к объекту и предмету нашего исследования под понятием интертекст мы подразумеваем вербально выраженный текст цитаты в форме считалочки и жанрово близкие к ним стишки, встречающиеся в анализируемых романах А. Кристи. При этом интертексты-считалочки или жанрово близкие к ним стишки, будучи по всей сути одним из основных элементов игры, мастерски используются «королевой детектива» как некая иллюстрация, как своего рода намек на интригу детектива.

Мы разделяем точку зрения И.И. Валуйцевой и Н.А. Солуяновой о том, что зачастую «интертекстуальные включения воспринимаются только после ознакомления со всем произведением, а иногда и с его продолжением» [Валуйцева, Солуянова, 2014, с. 23]. Это в полной мере относится к романам А. Кристи. Более подробно вопрос значимости интертекста в авторской стилистике А. Кристи и ее адекватной передачи на язык перевода будет рассмотрен ниже. Проблемы межъязыковой и межкультурной передачи форм интертекста близки по своей методологической основе и технике решения переводческой задачи к трансляции реалий как фрагментов лингвокультуры

ИЯ. Интертекст можно рассматривать как особого рода реалию, которая в процессе перевода художественного произведения передается прежде всего средствами принимающей лингвокультуры, иными словами, «путем поиска функционально-адекватного эквивалента», а также дословно с комментарием или без такового [Денисова, 2019, с. 250].

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что под качеством перевода применительно к цели и задачам настоящего диссертационного исследования понимается совокупность системообразующих характеристик перевода, обеспечивающих максимально возможное достижение его адекватности и эквивалентности, удовлетворяющих запросам потенциальных читателей ПТ в заданных условиях коммуникации (межъязыковой, межкультурной, асинхронной, диахронной, осуществляемой в письменной форме). К таким системообразующим характеристикам, на наш взгляд, относятся:

- 1) максимальная точность перевода;
- 2) максимально возможное использование языковых средств языка перевода, соответствующих языку оригинала;
- 3) использование стиля ПЯ, воспринимаемого читателем как стиль родного ему языка, но в то же время максимально соответствующего стилю оригинального текста (особенно, стиля художественного текста, поэтики, и т.п.);
- 4) максимально точная передача художественных образов, темпорального (исторического), политического, географического и т.п. колорита ИТ средствами лингвокультуры ПЯ.

Подводя краткий итог вышесказанному, при оценке качества перевода анализируемых текстов А. Кристи на рассматриваемые языки в условиях диахронии мы принимаем во внимание следующие аспекты передачи оригиналов через языковой, культурный и временной барьеры:

- передача реалий (различной типологии и функций);
- передача интертекста.

Несомненное влияние на степень адекватности межъязыковой передачи оказывают лингвистические (объективные, т.е. заданные самой системой ПЯ, а также ее нормой и узусом), которые будут подвергнуты более подробному анализу ниже.

1.3. Лингвистические объективные факторы адекватности перевода

Перевод как коммуникативный процесс представляет собой системное взаимодействие различных факторов – объективных и субъективных. Это связано с участием в процессе перевода не только автора и читателя (как в одноязычной коммуникации), но и переводчика (выполняющего миссию посредника между указанными выше коммуникантами). Кроме того, следует принять во внимание и различие во времени написания оригинала и выполнения перевода, а также прочие обстоятельства, так или иначе оказывающие влияние на перевод (как продукт межъязыковой передачи).

В целом обстоятельств, обуславливающих качество перевода (степень его адекватности и эквивалентности), в передаче произведений художественной литературы достаточно много, и их ранжирование не входит в непосредственные задачи нашего исследования. Однако дифференциация объективных и субъективных факторов видится необходимым условием выявления успешности межъязыковой и межкультурной диахронической передачи детективов А. Кристи.

В философском аспекте объективность и субъективность представляют сложные феномены коммуникации, в языковом (и межъязыковом) масштабе могут пониматься более утилитарно, имея некоторые предметные характеристики.

Объективностью обладает различие / сходство контактирующих языков ИЯ и ПЯ, их алло- и изоморфизм на различных уровнях языковой системы, а также их языковых и речевых норм. В значительной степени это

обстоятельство формирует условия степени асимметрии ИТ и ПТ [Гарбовский, 2004, с. 243 – 245].

Обстоятельство непреодолимого характера представляет собой и асинхронность перевода художественного произведения. Диахронический аспект межъязыковой передачи анализируемых романов А. Кристи – один из многих возможных форм разновременного перевода, каждый из которых требует отдельного анализа и может составить предмет самостоятельного исследования.

В контексте проводимого нами исследования к основным лингвистическим объективным факторам адекватности перевода целесообразно отнести следующие.

1) Близость грамматического строя языка оригинала языку перевода. Типологическое сходство языков в аспекте морфологии и синтаксиса значительно облегчает работу переводчика [Нелюбин, 2006, с. 6 – 8; Филиппова, 2012, с. 110, 119], минимизируя трудозатраты и временные затраты на передачу оригинала на язык перевода. Фактический материал исследования охватывает британский и американский английский, немецкий и русский языки. Из них наибольшими чертами сходства – как типологическими, так и обусловленными генетическим родством – обладают два национальных варианта английского языка. Несмотря на существующие в современном языкознании идеи признания американского варианта самостоятельным языком ввиду многочисленных (закономерно тенденционных, а не разрозненных) отступлений американского английского от британского канона [Городова, 2016; Городецкая, 2001; Томахин, 1988; Venuti, 1995], мы считаем возможным говорить о переводе с британского английского на американский английский только как о внутриязыковом. В аспекте межъязыкового контакта наибольшую типологическую близость демонстрируют – при высокой степени генетического родства – английский и немецкий языки. Соответственно, перевод с английского языка на немецкий язык объективно выполнить в известной мере легче, чем с английского языка на русский язык, т.к. английский и немецкий

относятся к германской группе языков, грамматически, лексически и семантически ближе друг к другу, чем английский и русский, который относится к славянской группе. Одним из наиболее характерных примеров является передача английского Present Perfect немецким Perfekt, а также передача других английских времен их немецкими аналогами. В то же время, перевод с английского языка на языки, не относящиеся к индоевропейской семье языков, объективно выполняется сложнее, нежели межъязыковые переводы в рамках индоевропейской семьи, в том числе ввиду большей разницы в системе времен глагола, нежели внутри германской ветви.

2) Близость семантического строя языков. Генетическое родство английского и немецкого языков обеспечивает их достаточно высокую схожесть концептов [Кашлева, 2016, с. 5], репрезентированную тождеством (или состоянием близким к тождеству) семантического ядра лексических единиц. Так, в английском и немецком языке заметно больше семантического единства между исторически однокоренными и гомогенными по смыслу лексическими и фразеологическими единицами, чем между английскими и русскими. Естественно, что в немецком языке лексических единиц, близких к английским по значению, намного больше, чем в русском, т.к. в силу внелингвистических причин (исторических, социально-экономических, культурных, религиозных, мировоззренческих и т.п.) английская и немецкая нация обладают большим совместным историко-культурным и социально-психологическим опытом, находящим отражение в лексиконе этих языков.

3) Динамика языка. В условиях диахронии участникам коммуникации приходится считаться с динамикой языка, которая проявляется главным образом в смене активной части лексикона. Восприятие произведения художественной литературы (даже в одноязычной коммуникации в одной лингвокультуре) современниками автора значительно отличается от восприятия наследниками языка и культуры [Филиппова, 2019, с. 435 – 450]. Дистанция во времени усиливает разницу авторского видения мира и языковой и концептуальной картины реципиентов. В зависимости от темпоральных

атрибутов прочтение носителями того же языка или перевода (внутриязыкового и /или межъязыкового) имеет различную степень успешности. С одной стороны, чем больше амплитуда диахронии, тем выше вероятность снижения адекватности и эквивалентности ПТ. С другой стороны, мастерство переводчика может свести к минимуму утрату меры адекватности и эквивалентности даже в условиях неизбежно становящейся все более заметной с течением времени диахронической дистанции между оригиналом и переводом. Важность диахронии как одного из ключевых факторов, воздействующих на переводчика, подтверждается разработкой в современном российском языкознании подхода, предлагающего выделять диахроническое переводоведение в особый раздел лингвистики [Хухуни, Беляева, 2015, с. 8].

Краткая дескрипция собственно лингвистических факторов адекватности перевода, носящих объективный характер в межъязыковой коммуникации, позволяет перейти к анализу лингвокультурологических факторов, среди которых возможно выделить объективные и субъективные.

1.4. Лингвокультурологические объективные и субъективные факторы адекватности перевода

Решение проблемы адекватности перевода в значительной мере зависит от комплекса объективных и субъективных лингвокультурологических факторов. Практические способы разрешения этой проблемы заключаются в использовании тех или иных переводческих решений.

Разновидностью переводческого решения нам представляется правомерным считать переводческие трансформации, под которыми Е.Н. Белая понимает перестройку какого-либо элемента исходного текста, осуществляемую в процессе перевода [Белая, 2005, с. 5]. По мнению Н.К. Гарбовского, межкультурные столкновения в процессе перевода отражены в теории межъязыковых преобразований. Все межъязыковые преобразования, совершаемые в процессе перевода, могут быть определены как трансформации

либо как деформации. Трансформации – это положительные, развивающие изменения, преобразующие состояние объекта, а деформации – отрицательные, пагубные преобразования, обезображивающие, уродующие, искажающие первоначальный объект [Гарбовский, 2010, с. 360]. Основопологающим принято считать определение Л.С. Бархударова, поскольку оно наиболее точно отражает сущность вопроса: переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков.

Обусловленность переводческих трансформаций лежит в плоскости не только объективных, но и субъективных – антропогенных детерминант. В контексте межъязыкового общения, предполагающем большее число коммуникантов (чем в условиях одноязычия), вопрос о месте личности в диалоге автора и читателя (через посредство переводчика) встает особенно остро.

В гомогенном процессе одноязычной коммуникации языковая личность рассматривается как носитель языкового сознания, существующий в языковом пространстве, включающим в себя стереотипы, значения языковых единиц, смыслов текстов и т.п. [Карасик, 2002, с. 11]. В то же время в масштабе полиязычия и поликультурности (в гетерогенной системе) одной из магистральных проблем языкознания становится изучение человека как языковой личности во взаимосвязи с культурой [Попова, 2012, с. 27] в самом широком смысле этого слова, которая, в свою очередь, находится в контакте с другими культурами в целом и лингвокультурами в частности; и этот контакт обеспечивается во многом трудом переводчика.

В 90-е гг. XX в. термин «лингвокультурология» стали употреблять в своих работах отечественные лингвисты Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и другие исследователи, что стало важным признаком интегративных процессов, происходящих в отечественном

гуманитарном знании в контексте постоянно набирающих силу процессов междисциплинарного синтеза. Американский исследователь E. Gentzler отмечает, что междисциплинарность в языкознании начала активно развиваться с начала 1990-х гг., что привело к изменениям исследовательского инструментария [Gentzler, 2014, p. 18]. В.И. Карасик характеризует лингвокультурологию как комплексную область научного знания, раскрывающую взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры [Карасик, 2002, с. 106]. По мнению А.Т. Хроленко, лингвокультурология направлена на поиск связей между языком, культурой и этническим менталитетом, причем началом анализа может быть любой из этих феноменов, «на выбор влияет профессиональная ориентированность исследователя» [Хроленко, 2006, с. 28]. С.Г. Воркачев в своей концепции отмечает, что лингвокультурологию отличает от всех прочих областей научного знания и научных дисциплин ее атомарный состав и валентностные связи: пропорции «частей» культурологии и лингвистики, их иерархия. По его мнению, задачи данной науки заключаются в изучении и описании взаимосвязей языка и культуры этноса, языка и менталитета народа [Воркачев, 2001, с. 65]. Известны и другие определения лингвокультурологии, примеры, описывающие специфику данного направления, но во всех них лингвокультурология понимается как комплексная лингвистическая наука, направленная на описание «проявлений культуры, отразившихся и закрепившихся в языке» [Маслова, 2001, с. 9] и ориентированная на человеческий фактор в языке и на языковой фактор в человеке [Кошарная, 1999; Телия, 1996].

Е.А. Юрина во многих своих работах рассматривает образный строй языка в лингвокультурологическом русле, ею проведен анализ как минимальных единиц языка, эксплицирующих типовые образные представления языковой культуры – собственно образных слов, метафор, устойчивых сравнений, фразеологизмов, так и комплексных единиц, интерпретируемых в виде образных или метафорических полей [Юрина, 1992, 1994, 1996, 2004, 2005]. Интересным материалом для

лингвокультурологического анализа являются образные слова; любой индивидуально-авторский образ может ассоциироваться с устоявшимися в той или иной лингвокультуре типовыми образами [Юрина, 2004, с. 22].

Е.А. Юрина считает, что, описывая собственно образные слова как лингвокультурный феномен, мы тем самым исследуем их системную организацию. На основании этого предпочтение отдается полевому методу анализа. Исследование собственно образных слов, сформированных в лексико-семантическое поле, дает возможность полно и последовательно показать способ образного языкового представления какого-либо отрезка внеязыковой реальности, и в следствие этого, представить фрагмент языковой картины мира, который отражен в семантике единиц поля. Как можно сделать вывод, ряд собственно образных слов, называющий человека и присущие ему различные определения, представленный как образное поле «Человек» способен показать отрезок языковой картины мира, т. е. то, какие качества человека оцениваются и с какими образами они ассоциируются, а также посредством каких образов данные качества выражаются.

Исследование фразеологических единиц в любой лингвокультуре представляется по своей сути неисчерпаемым. При этом следует иметь в виду, что одним из их наиболее важных элементов являются устоявшиеся поговорки (паремии), которыми богата британская лингвокультура [Закирова, 2015, с. 117 – 118, Закирова, 2016, с. 57] и которые в заметной мере текстуально пересекаются с распространенными в данной языковой культуре считалочками.

В современной лингвистике теоретические доказательства национальной самобытности языков отражены в трудах отечественных ученых: Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, А.А. Киприяновой, Л.В. Лукиной, Е.А. Маклаковой, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, А.А. Уфимцевой, Т.А. Чубур и многих других. Авторы в своих работах подчеркивают и подтверждают конкретными примерами тот факт, что «культурная самобытность народа, отраженная в языке, определена рядом исторических, географических, психологических

факторов и заключена, в большей степени, в различиях представления и понимания объективного и субъективного мира» [Киприянова, 1999, с. 39].

В науке о языке сформирована особая лингвокультурологическая модель, «объединяющая достижения как смежных лингвистических, так и комплекс других гуманитарных наук при рассмотрении структуры языка как кумуляции особенностей мировосприятия определенной лингвокультурной общности» [Житникова, 2006, с. 3].

Совокупность разнообразных лингвокультурных составляющих оригинального ИТ создает его неповторимую авторскую стилистику, которая при переходе через языковой и культурный барьеры претерпевает неизбежные изменения, вызванные культурно-исторической асимметрией ИЯ и ПЯ и их культур.

На наш взгляд, к наиболее значимым лингвокультурологическим объективным факторам относятся следующие.

1) «Амплитуда диахронии» («диапазон диахронии») перевода, понимаемая как временной интервал между моментом появления (точнее, введения в оборот, публикации) текста оригинала и моментом осуществления перевода как внутриязыкового, так и межъязыкового. Известно, что чем дальше по времени переводчик отстоит от автора, тем труднее ему осуществлять перевод, т.к. помимо языковых реалий ему необходимо вникать и в историко-культурные реалии времени, в которое жил и творил переводимый им автор. А если автор описывал иные времена, (отличные от жизнедеятельности языкового посредника), то задача переводчика становится еще более сложной, т.к. он должен помимо реалий времени жизни и творчества автора углубиться в понимание реалий той эпохи, которую переводимый им автор описывает через призму собственного мировоззрения, не всегда адекватно воспринимая прошлое, о котором он пишет.

Адаптация к культурно-историческому опыту реципиентов (отличному от авторского) становится частью миссии переводчика, а степень преобразования оригинала в процессе осовременивания или стилизации предопределяет

предпочтение той или иной стратегии перевода. В отношении культурно маркированных единиц переводчик может использовать фореизацию или доместикацию, для передачи временного колорита – прибегать к архаизации или модернизации.

Ориентация на читателя нередко провоцирует переводчика на уподобление современной ему (и читателю) культуры в целом (реализуемой в концептуальной и языковой картине мира) и отстранению от оригинала в интересах издательской политики, моды (в том числе и литературной), чтобы повысить читательский спрос и удовлетворить текущие потребности аудитории. Так перевод превращается в свободную интерпретацию с коммерческими детерминантами, нацеленную на апроприацию (присвоение – в терминах психолингвистической теории деятельности) произведения литературы.

2) Степень культурной специфичности языка оригинала зависит от ряда факторов, прежде всего от присутствия в ИТ непереводаемой лексики, безэквивалентных слов, выражений, оборотов и т.п., от специфики исторического момента формирования ИТ и т.д. В основе безэквивалентности лежат разного рода различия языковых категорий [Taylor, 1995, p. 115], а также лингвокультур.

Наличие безэквивалентной лексики в языке оригинала возможно передать посредством следующих приемов: а) использование близкой по значению, но не эквивалентной лексики; б) описательная передача; в) отсутствие передачи или использование «нулевого перевода» (не передавать совсем).

Наличие безэквивалентных и непереводаемых социокультурных явлений и фактов, которые практически невозможно игнорировать в силу их смысловой значимости, переводятся описательно (например, «канонник» в англиканской церкви передан на немецкий как «Kirchenmann», что явно повысило статус персонажа по сравнению с английским оригиналом; при этом «канонник» в англиканской церкви часто является фигурой более значимой, чем его «аналог»

«Stiftsherr» или «Chorherr» в католической или протестантской церкви в Германии).

К наиболее значимым лингвокультурологическим субъективным факторам мы бы отнесли следующие:

1) Влияние языковой картины мира родного языка переводчика, субъективно воспринимаемой им самим через призму его личного мировоззрения, на передачу текста оригинала; в связи с этим есть случаи интерпретации переводчиком авторского текста с помощью фразеологизмов, пословиц, поговорок и иных речевых конструкций родного для него языка.

2) Наличие личностных стилистических предпочтений переводчика, что при переводе текста оригинала в тех или иных случаях в некоторой мере снижает эквивалентность перевода. Так, в ряде мест Л.Г. Беспалова переводит английские существительные-эпитеты как прилагательные (например, «миссис Хамилтон была так добра к ней»), в то время как Н.В. Екимова переводит максимально близко к оригиналу – именно через существительное-эпитет («миссис Хэмилтон была с ней сама доброта»).

3) Наличие личностно обусловленных «манер» передачи текста оригинала в тех или иных случаях, в которых допустимы как буквальный перевод (например, мили в час при обозначении скорости), так и искаженный в языковом плане, но точный по смыслу перевод (например, мили в час, понятные англоязычному читателю / километры в час, легко воспринимаемые русскоязычным читателем при обозначении скорости).

4) Видение переводчиком своей задачи в межкультурной и межъязыковой коммуникации. В различные исторические эпохи миссия перевода и роль переводчика воспринимались самими языковыми посредниками по-разному: и как сотворчество, и как соперничество. В нашем понимании сотворчество – это максимально возможная адаптация исходного текста к лингвокультуре читателя с теми или иными допущениями и подчас несколько вольными дополнениями, не искажающими смысл оригинала и передающими его стилистику, художественный замысел, языковые, культурно-

исторические и иные нюансы. В этом смысле, как мы полагаем, корректно говорить о сотворчестве переводчика автору, благодаря которому автор становится ближе и понятнее иностранному читателю.

Вместе с тем, переводчик, руководствуясь теми или иными соображениями, могущими быть обусловленными как личностно, так и политически, иногда намеренно искажает исходный текст и даже в некоторой мере замысел оригинала. Так, христианский мотив сказки Г.Х. Андерсена «Русалочка» был искажен в передаче на русский язык в советскую эпоху по внелингвистическим причинам (в связи с антирелигиозной политикой государства) [Максименко, 2012, с. 481 – 490]. Наиболее показательный пример – замена «негритят» в ИТ “Ten Little Niggers” на «индейцев» из соображений политкорректности сначала в США, а затем в Европе. В этом же ряду стоит передача исходного заглавия романа, преобразованного в “And Then There Were None” в рамках внутриязыкового перевода на американский английский и – позже – на британский английский в диахронии, а также в межкультурном пространстве “Und dann gabs keines mehr” в переводе на немецкий язык.

Другими примерами подобного рода, правда, обусловленными не резонами политкорректности, а художественными предпочтениями переводчиков, являются названия романов, переводы которых далеки от оригинала. Исходное («Загадочное происшествие в Стайлзе») передано N. Schindler (Н. Шиндлер) на немецкий как “Das fehlende Glied in der Kette” («Недостающее звено в цепи»). Опосредуя богатое наследие А. Кристи на разные языки, переводчики создали немало новых вариантов заглавий оригинальных детективов, при этом не ограничивая свою фантазию и создавая ненужную множественность [Филиппова, 2017, с. 246].

Завершая краткий обзор лингвокультурологических факторов, отметим, что представленные выше тенденции получают более подробное изложение в соответствующих параграфах диссертационного текста и подтверждаются многочисленными языковыми фактами и количественно характеризуемыми тенденциями перевода в эмпирической базе исследования.

Выводы по главе 1

В связи с целями и задачами исследования предпринят краткий историографический анализ проблемы адекватности/эквивалентности художественного перевода, охватывающий лингвистический, интерпретативный подход к переводу, «скопос»-теорию, разнородные и разноаспектные стратегии перевода и новейшие концепции, проявляет тенденцию к диверсификации полномочий переводчика в межкультурной коммуникации.

1. Переводоведение демонстрирует широкое разнообразие концепций, моделей, стратегий межкультурного посредничества. Выявляемые разногласия определяются различной аспектуацией и методологическими основами переводческой деятельности, что позволяет нам сформулировать собственное понимание, наиболее тесно коррелирующее с темой и проблематикой настоящего исследования.

2. Тексты художественной литературы обнаруживают тесное взаимодействие объективных лингвистических и лингвокультурологических – объективных и субъективных – факторов, предопределяющих трудности в достижении адекватного перевода.

3. В философском аспекте объективность и субъективность представляют сложные феномены коммуникации, в языковом (и межкультурном) масштабе могут пониматься более утилитарно, имея некоторые предметные характеристики. Объективностью обладает различие / сходство контактирующих языков ИЯ и ПЯ, их алло- и изоморфизм на различных уровнях языковой системы, а также их языковых и речевых норм. В значительной степени это обстоятельство формирует условия степени асимметрии ИТ и ПТ.

4. Лингвистические факторы носят объективный характер и способствуют достижению адекватности межкультурного перевода, среди них

наибольшую значимость для минимизации труда переводчика и оптимизации качества перевода (как продукта переводческой деятельности в виде ПТ) имеют типологическая близость и генетическое родство языка оригинала и перевода и временной диапазон, обуславливающий языковую динамику ИЯ и ПЯ.

5. Лингвокультурологические факторы могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Объективную природу имеет амплитуда диахронии, вызывающая к жизни изменения языковой картины мира, значимой в межкультурном и внутриязыковом переводе, а также степень культурной специфичности языка оригинала. Субъективными факторами лингвокультурологии в переводе можно считать неизбежное, но персонализированное влияние языковой картины мира переводчика и его переводческую манеру, его видение своей задачи в межкультурной и межкультурной коммуникации.

6. Учет взаимодействия различных объективных и субъективных факторов в переводе приводит к неизбежности трансформаций в поиске переводческого решения. Разнообразие переводческих трансформаций при передаче произведения художественной литературы достигает максимума (по сравнению с переводом текстов других функциональных стилей). Различные подходы к типологии переводческих трансформаций не облегчают задачи переводчика, принимающего решение в каждом акте межкультурной коммуникации и отдающего приоритет тому или иному варианту из потенциально возможных.

Представленные аспекты теоретического рассмотрения проблематики адекватности / эквивалентности, степени переводимости и качества перевода служат базой для дальнейшей работы над исходными текстами и текстами переводов.

Глава 2. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты перевода романов А. Кристи

Достижение цели настоящего исследования предполагает оценку степени адекватности перевода, а эта оценка не может быть в должной мере объективной без учета лингвистических и лингвокультурологических особенностей оригинала, служащего фактическим материалом анализа. Выявить на уровне предпереводческого анализа главные свойства ИТ необходимо для его успешной межъязыковой и межкультурной передачи в аспекте диахронии. Изучению идиостилистики как лингвистической проблеме и как совокупности характеристик творчества различных авторов посвящено много работ, коллективного и индивидуального авторства [Лысенкова, Чайковский, 2012; Хухуни, Валуйцева, 2003; Максименко, 2012; Жирова, 2013; Филиппова, 2016, 2017, 2019; Епифанцева, 2017; Завьялова, 2014; Карасик, 2002].

В настоящей работе анализ жанрово-стилистических свойств романов «королевы детектива» обеспечивает обнаружение наиболее сложных для перевода единиц ИТ, передача которых на разные языки в разное время носит дискуссионный характер. Ввиду комплексности проблем межъязыкового диалога через художественную литературу мы остановимся на наиболее значимых чертах идиостилистики А. Кристи и средствах ее языковой реализации в романах “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.

Центральное внимание уделено в настоящей главе определению объектов перевода, функционально-семантические характеристики которых во многом определяют переводческие трансформации, используемые для их межъязыковой передачи. По результатам сопоставительного анализа оригинала и текстов перевода главными объектами трансформаций в романах А. Кристи являются названия, антропонимы, реалии и интертекст (или прецедентные

тексты считалочек и детских стишков). В соответствии с этим строится структура настоящей главы.

2.1. Авторская идиостилика романов А. Кристи

Понятие «детектив», как термин литературоведения и как жанр развлекательной литературы в бытовом дискурсе, имеет несколько значений, зафиксированных в лексикографических источниках, прежде всего в следующих фундаментальных словарях:

- Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.;
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Издание 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии; 2006. 944 с.;
- Русский орфографический словарь: около 180 000 слов [Электронная версия] / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2004. 960 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
- Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков. М.: «Аделант», 2013. 800 с.

В соответствии с целью исследования представляется необходимым учитывать следующие его содержательные аспекты. В аспекте семантики – это особый жанр литературы, отличающийся от остальных жанров тем, что в его основе лежит преступление и расследование с элементами интриги, загадки, недосказанности. Прагматический аспект различается у разных авторов и представляет предмет отдельного рассмотрения.

Обычно в качестве основы сюжета выступает преступление, а детектив описывает его расследование и определяет виновных [Вольский, 2006], в таком случае конфликт строится на столкновении справедливости с беззаконием, завершающимся победой справедливости. Необходимо отметить, что существенной особенностью детектива является то, что действительные обстоятельства происшествия не сообщаются читателю до завершения расследования. Вместо этого читатель проводится автором через процесс расследования, получая возможность на каждом его этапе строить собственные версии и оценивать известные факты. Создание детективного жанра является результатом форм взаимодействия внутри социума и языковой общности, это результат отражения культурных ориентиров и ценностей через призму данной языковой общности.

В связи с этим, на наш взгляд, весьма важно описать индивидуально-авторские, идиостилистические приемы создания детективного жанра. Во-первых, исследуемые нами романы созданы женщиной-автором, которая относится к числу самых известных в мире авторов детективной прозы. Во-вторых, она всеобщая любимица не только в Британии, но и по всему миру, получила титул «королева детективов», творила свои самые популярные романы в период «золотого века детектива» (1920-е – 1930-е гг.) [Storm, 2012, p. 31], и ее произведения стали одними из самых публикуемых за всю историю человечества. «По данным ЮНЕСКО, опубликованным к 100-летию со дня рождения писательницы, она – самый читаемый и переводимый автор XX в. Теперь уже общепризнано, что она довела до совершенства жанр классического детектива, введя в него элементы романа нравов, а дар воображения и математические способности, проявившиеся у А. Кристи еще в детстве, сказались на изобретательности ее сюжетов и логической выстроенности композиции» [Красавченко, 2019, с. 179].

Мы согласны с мнением Е.В. Приказчиковой и Е.П. Савченко о том, что для переводчика важно учитывать индивидуальный стиль автора включая выразительные приемы, стилистику, эстетику текста и т.п. [Приказчикова,

Савченко, 2013, с. 74 – 75]. При этом художественно-эстетическая функция является доминантной по сравнению с остальными функциями перевода художественного текста [Приказчикова, 2011, с. 164].

Оценка творчества А. Кристи с литературоведческой точки зрения не входит в задачи настоящего исследования. Однако выделить черты ее авторской манеры в лингвистическом аспекте необходимо для полноценного анализа перевода ее романов на другие языки. Принимая во внимание богатую литературу, посвященную феномену А. Кристи в британской литературной школе детектива, мы лишь кратко резюмируем основные отличительные черты лингвостилистики ее произведений.

Авторский стиль, уникальная манера отбора языковых средств для изложения своих нравственно-мировоззренческих позиций через художественную идею, подчиняет себе ткань произведения на всех уровнях. Эта лингвистическая реализация внелингвистического замысла распространяется на вербализацию названия произведения, на его сюжет и персонажный состав, на различные формы интертекстуальности и т.д. Отдельные вопросы идиостилистики представляют в литературоведении и опыте литературной критики самостоятельный объект изучения, в области языкознания – служат эмпирической базой и предметом научных дискуссий, но в теории и практике перевода они получают новую интерпретацию и высокую актуальность, особенно в связи с диахроническим характером межкультурной передачи произведений художественной литературы.

Объективность оценки переводческих трансформаций идиостиля достижима лишь в результате тщательного предпереводческого анализа оригинала, в нашем случае – оригиналов, двух детективных романов А. Кристи. Для этого эксплицируем из названных произведений (“Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”) и привлекаемых к анализу иных детективов, принадлежащих ее перу (“Five little pigs”, “One, Two, Buckle My Shoe”, “Crooked house”, “By the Pricking of My Thumbs”, “Mrs McGinty’s Dead”, “A

Pocket Full of Rye”, “The Mirror Crack’d from Side to Side”, “Hickory Dickory Dock”), основные особенности творческой манеры:

- запоминающееся эффектное название;
- остросюжетное повествование с непредсказуемой развязкой;
- психологически точные и емкие портреты персонажей;
- многочисленные интертекстуальные отсылки к Библии, произведениям британской литературы, считалочкам и детским стишкам;
- поэтизация и рефлексия английского быта;
- ирония и самоирония.

Название детектива – всех романов и рассказов А. Кристи – ярко реализует аттрактивную функцию языка. Названия не только привлекают читателя, иницируя асинхронный диалог с автором, они намекают на интригу, которая впоследствии развернется в тексте. Динамичное повествование с чередой непрогнозируемых событий воплощает информационную и эстетическую функции, а также объединяет когнитивную и волюнтаривную функции. Цель этого синтеза двояка. С одной стороны, такое конструктивное решение заставляет читателя искать разгадку сюжета, с другой – дать ему возможность понять мотив преступника и вынести нравственную оценку его поступкам. Портреты персонажей, которые своими действиями осуществляют интеллектуальный поединок детектива с преступником, и олицетворяют торжество справедливости (в философском понимании) в ходе сюжета. Неожиданный финал (уподобляющийся исповедимому пути – христианского миропонимания) служит реализации катартической функции художественной литературы. Различные формы интертекста, так же, как и ирония (и часто – самоирония) и романтизация британского мира воплощают кумулятивную и эмотивную функции, погружая читателя в культуру Британии и создавая иллюзию реальности описываемых событий.

Исследуемый нами роман “Mysterious Affair at Styles” о приключениях бельгийского сыщика Пуаро А. Кристи написала в 1920 г., а самый известный ее роман “Ten Little Niggers” вышел в свет 1939 г. Британская писательница с

ранних лет увлекалась «Приключениями Шерлока Холмса», и творчество А.К. Дойла, очевидно, укрепило ее желание стать писательницей детективного жанра. Главное влияние творчества А.К. Дойла на А. Кристи выразилось в разработке захватывающих неординарных сюжетных линий. Это позволяет ей надолго удерживать внимание читателя. Необходимо отметить, что заполнение такого широкого пространства загадочными событиями требовало изобретательности и таланта. А. Кристи пришла в литературу вскоре после Первой мировой войны, в своих романах “*Mysterious Affair at Styles*” и “*Ten Little Niggers*” она неоднократно указывает на связь изображаемых событий с реальной исторической обстановкой.

Завершая рассмотрение значимых для перевода аспектов идиостилистики А. Кристи, мы можем приступить к анализу центральных объектов межкультурных трансформаций.

2.2. Объекты переводческих трансформаций при передаче романов

А. Кристи

Художественный перевод считается самым интересным и востребованным направлением современного переводоведения. Как отмечают Е.Л. Лысенкова и Р.Р. Чайковский, художественный перевод – это особая форма движения: движения от языка к языку, от этноса к этносу, движение во времени и в пространстве [Лысенкова, Чайковский, 2012, с. 148]. С другой стороны, художественный перевод представляет собой «высшую форму понимания иного языка, иной культуры и иной жизни ..., важнейшее средство межкультурной коммуникации и самый благородный вид межлитературного и межнационального сотрудничества» [Чайковский, 2013, с. 240]. Ведь помимо блестящего владения родным и иностранным языками, переводчик должен иметь солидную общую гуманитарную подготовку, глубоко понимать

эстетическую природу слова. В России именно такое гуманитарное образование предусматривает большинство переводческих специальностей, поскольку без хорошего литературного языка переводчик не может состояться в принципе. В.Н. Комиссаров, классик переводоведения, писал, что коммуникативная способность владеющих языком включает, помимо языкового знания, умение интерпретировать языковое содержание высказывания и выводить из него контекстуальный и имплицитный смысл [Комиссаров, 2002, с. 452]. Действительно, как сложно понять глубинные языковые пласты высокого литературного текста, для того чтобы соотнести их в разных языковых реалиях. Именно поэтому настоящий литературный перевод – это отдельное произведение искусства.

Перевод текста может быть художественно адекватным лишь в случае рассмотрения его как двухуровневого монолита с обязательным выделением кодово-схематичного макета и его разложения на линии авторского ракурса по микротеме, теме, макротеме и гипертеме [Свиридова, 2013, с. 86], что и будет далее подвергнуто анализу на материале исследуемых произведений художественной литературы – детективов А. Кристи.

На основе проведенного нами диссертационного исследования на примерах анализируемых романов А. Кристи был подтвержден исходный тезис о том, что художественный перевод объективирует все переводческие трансформации, поэтому может служить материалом для создания переводческих навыков. В.Н. Комиссаров в своей работе «Слово о переводе» отмечает, что художественный перевод – это перевод произведений художественной литературы, и основная цель произведения этого типа заключается в достижении эстетического воздействия, создании художественного образа; такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации [Комиссаров, 1973, с. 216]. Не можем не согласиться с мнениями Е.Л. Лысенковой и Р.Р. Чайковского о том, что пространство художественного перевода ненасытно, оно поглощает всю мировую литературу с ее затаенными смыслами, просеивая

сквозь ячеи переводов с языка на язык неостановимое, на первый взгляд, время [Лысенкова, Чайковский, 2012, с. 155].

В настоящее время существует множество работ по переводоведению, посвященных переводческим трансформациям, проблематика которых занимает центральное место в теории перевода, и знание его теоретических основ чрезвычайно важно в работе любого переводчика. Однако следует отметить, что специалисты в области теории перевода до сих пор не пришли к общему мнению относительно самой сущности понятия трансформации. Об этом свидетельствует большое количество классификаций, предложенных учеными, которые существенно отличаются друг от друга. Сравнивая текст оригинала и текст перевода можно наблюдать явление, когда некоторые фразы переведены дословно, а другие представлены в отличном от оригинала виде. Это явление объясняется необходимостью преобразования исходного сообщения в соответствии с теми или иными нормами языка перевода. Согласно Л.Л. Нелюбину, переводческие трансформации являются основой большинства приемов перевода, которая заключается в изменении формальных (лексические или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи [Нелюбин, 2003, с. 230]. Переводческие трансформации могут наблюдаться на всех уровнях языка. В связи с этим выделяется несколько групп таких трансформаций: грамматические, морфологические, синтаксические, лексические, семантические и стилистические [Княжева, 2006, с. 21].

Давая определения переводческим трансформациям А.Д. Швейцер пишет: «На самом деле речь идет об отношении между исходным и конечным языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другою, о замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией» [Швейцер, 1973, с. 118]. Ссылаясь на труды А.Д. Швейцера, Г.К. Гарбовский в своей работе «Теория перевода» отмечает: «Переводческая трансформация – это такой процесс перевода, в ходе которого система

смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [Гарбовский, 2004, с. 336].

Вопросами трансформационной теории перевода и переводческих трансформаций занимались многие известные лингвисты, в частности: В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер и др. Следует отметить, что не существует абсолютного согласия относительно самого понятия «переводческой трансформации» между лингвистами, изучающими вопросы трансформационного перевода. В нашем исследовании мы ограничимся лишь переводческими трансформациями Л.С. Бархударова и В.Н. Комиссарова. Перейдем к более подробному рассмотрению классификации переводческих трансформаций.

Л.С. Бархударов дает следующее определение переводческой трансформации: «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования – так называемые переводческие трансформации – с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм переводящего языка» [Бархударов, 1975, с. 190]. По мнению Л.С. Бархударова, в классификации трансформаций существует четыре типа переводческих трансформаций: перестановки, замены, добавления и опущения [Бархударов, 1975, с. 190].

К перестановкам относятся: изменение порядка слов и словосочетаний в структуре предложения, изменение порядка следования частей сложного предложения и изменение порядка самостоятельных предложений в строе текста. К заменам Л.С. Бархударов относит: грамматические замены, например, форм слова, частей речи, членов предложения – перестройку синтаксической структуры предложения, синтаксические замены в сложном предложении – замену простого предложения сложным, замену сложного предложения

простым, замену главного предложения придаточным и наоборот, замену подчинения сочинением и наоборот, замену союзного типа связи бессоюзным и наоборот; лексические замены, к которым относятся конкретизация, генерализация, и замену, основанную на причинно-следственных отношениях; лексико-грамматические замены, к которым относятся: антонимический перевод и прием компенсации [Бархударов, 1975, с. 190]. Под добавлением Л.С. Бархударов подразумевает добавление элементов, восполняющих недостаточность информации необходимой для понимания смысла сообщения. Под опущением понимается противоположное явление – опущение элементов, несущих избыточную информацию.

Следующее определение переводческой трансформации выводит В.Н. Комиссаров. По его мнению, это «ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц исходного языка к единицам переводящего языка, устанавливая между ними отношения эквивалентности» [Комиссаров, 1990, с. 164]. В отличие от Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссаров выделяет три группы переводческих трансформаций: лексические, грамматические и комплексные [Комиссаров, 1990, с. 172]. Следует отметить, что к лексическим трансформациям В.Н. Комиссаров относит: транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). К грамматическим трансформациям относятся: дословный перевод (синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Согласно классификации В.Н. Комиссарова, к комплексным (лексико-грамматическим) трансформациям относятся: экспликация (описательный перевод), антонимический перевод и компенсация [Комиссаров, 1990, с. 172].

В.Г. Гак понимает под переводческой трансформацией «отход от использования изоморфных средств, наличных в обоих языках» [Гак, 1988, с. 63]. Изоморфными средствами являются системные эквиваленты, которые характеризуются одинаковым денотативным значением и грамматической

однотипностью. По мнению В.Г. Гака, «переводческая трансформация очень часто предопределяется использованием слов или грамматических форм во вторичных функциях (генерализация, транспозиция, десемантизация) либо в условиях контекстуальной или ситуативной избыточности» [Гак, 1988, с. 69]. Если языковой элемент используется в первичной функции, т.е. в своем прямом значении, то при наличии межъязыкового системного эквивалента следует дословный перевод.

Я.И. Рецкер в своей статье «Что же такое лексические трансформации» называет два типа трансформаций:

- грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения,
- лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании.

Под грамматическими трансформациями Я.И. Рецкер понимает замены частей речи или членов предложения [Рецкер, 1980, с. 72 – 84].

В нашем исследовании использовались классификации трансформаций, предложенные Я.И. Рецкером, В.Н. Комиссаровым и Л.Л. Нелюбиным.

Переводческая транслитерация и транскрипция – это способы перевода, которые применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований и названий разного рода компаний, фирм, пароходов, гостиниц, газет, журналов. Эти же способы широко применяются при передаче реалий.

Вопросы типологии и функциональности переводческих трансформаций в настоящее время остаются дискуссионными. Подробному анализу приемов перевода в отношении вышеперечисленных центральных объектов трансформаций посвящена третья глава настоящего диссертационного текста.

2.3. Названия детективов А. Кристи как переводческая проблема

В нашем исследовании в качестве основных анализируемых единиц перевода используются названия, антропонимы, реалии, формы интертекста, представленные в текстах детективных романов А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” (1920 г.) и “Ten Little Niggers” (1939 г.). Для проведения исследования мы используем переводы романов на русский и немецкие языки: “Mysterious Affair at Styles” / пер. А.Д. Смолянского (1990 г.), М.Ю. Юркан (2015 г.); перевод на немецкий язык “Das fehlende Glied in der Kette” / N. Schindler (Н. Шиндлер, 2015 г.) и “Ten Little Niggers” / пер. Л.Г. Беспаловой (1990 г.), Н.В. Екимовой (2016 г.), а также немецкий перевод “Und dann gabs keines mehr” / S. Deitmer (С. Дайтмер, 2017 г.).

Перевод названия представляет собой особую проблему, поскольку перед переводчиком стоит серьезная задача: емко и предпочтительно кратко выразить основную мысль произведения, его суть, квинтэссенцию его содержания, иногда даже не выраженную эксплицитно в тексте самого произведения [Максименко, Подлегаева, 2019, с. 170].

Не можем не согласиться с мнением Л.К. Свиридовой, что поскольку наибольшая сложность, с которой сталкивается переводчик, начинается с перевода названия текста, то решение этого вопроса наряду с интуитивным подходом требует глубокого научного филологического понимания. Название, как показали исследования последних лет, является бифункциональной единицей, входящей в состав не только поверхностного, но и глубинного уровня языка, не учитывать которые переводчик не имеет права, поскольку в противном случае нарушается адекватность исходного и переводного текста [Свиридова, 2013, с. 81]. Название произведения любого жанра — художественного, публицистического и пр. — представляет собой «текст в тексте», наиболее сильную позицию текста, отражающую основной смысл произведения [Максименко, Подлегаева, 2019, с. 167].

Популярность многочисленных произведений А. Кристи, написанных в детективном жанре, во многом объясняется тем, что писательница не боялась экспериментировать и нарушать некоторые правила построения детектива [Тернопол, 2019, с.106]. Примером такого эксперимента было многократное использование ею детских считалочек в названии ее произведений. Действительно, использование песенок и считалочек в тексте романа и в заголовке считается любимым приемом автора, нашедшим широкий отклик у аудитории.

Однако «успех А. Кристи среди поклонников детективного жанра сыграл злую шутку с ее литературной репутацией: ее творчество не привлекало внимания литературоведов. В тех же редких случаях, когда произведения писательницы становились предметом серьезного литературоведческого анализа, интертекст объявлялся способом развлечь читателей» [Тернопол, 2019, с. 106].

Аналогичное мнение также высказывалось R. Barnard, который отдавал должное удачному использованию этого приема в “Ten Little Niggers”, но резко негативно отзывался о его уместности в более поздних текстах “Hickory Dickory Dock” [Barnard, 1980, p. 95].

Попытка глубокого исследования роли прецедентных текстов в детективах А. Кристи была предпринята Г.А. Завьяловой. В своем диссертационном исследовании, выполненном в рамках лингвокультурологического подхода, она анализирует некоторые романы А. Кристи (в том числе “Ten Little Niggers” и “One, Two, Buckle My Shoe”) методом когнитивно-дискурсивного анализа и приходит к выводу о том, что песенки, считалочки и прочие стишки в произведениях А. Кристи представляют собой прецедентные феномены, функционирующие как полипредикативные единицы и обладающие популярностью ввиду сочетания шутливо-несерьезной формы и страшной развязки, что, в свою очередь, способствует восприятию детективного текста как игрового [Завьялова, 2014, с. 83 – 84].

В 1939 году был написан знаменитый роман “Ten Little Niggers”, известный русскому читателю под названием «Десять негритят», но позже название было изменено самим автором (на основе этого романа А. Кристи написала пьесу с иным финалом, что дало повод к дальнейшему вольному обращению с названием).

За ним последовали другие романы, в которых название представляло собой фрагмент прецедентного текста британской лингвокультуры.

“One, Two, Buckle My Shoe” (1940 г.) был опубликован в издательстве Collins Crime Club. В США – в лингвокультуре, близко родственной оригиналу – роман выходил под названием “The Patriotic Murders” («Патриотические убийства») в 1941 г. и “An Overdose of Death” («Передозировка смертью») в 1953 г. При этом стоит подчеркнуть, что такие формулировки названия в некоторой степени раскрывают сюжет. В родственной немецкой лингвокультуре – в Германии – он увидел свет под названием “Das Geheimnis der Schnallenschuhe” («Тайна ботинка с пряжкой») в 1951 г. Переводы на русский язык многочисленны и демонстрируют большую вариативность. Некоторые варианты предпринимают попытку сохранить интертекст в названии романа – с большей или меньшей степенью успеха: «Раз, раз, гость сидит у нас» (пер. В. Владимирова, М.: Интерпринт, 1991 г.), «Тайна оторванной пряжки / Раз, два, три, пряжку застегни» (пер. Э. Кардонской, Рига: Полярис, 1995 г.), «Два, один – туфлю застегни» (пер. А. Астапенкова, М.: Центрполиграф, 1997 г.), «Раз, два, пряжка держится едва...» (пер. И. Шевченко, М.: Артикул, 1998 г.), «Раз, два – пряжку застегни / Раз, два, три, пряжку застегни» (пер. В. Тирдатова, М.: Центрполиграф, 2000 г.), «Раз, два – пряжку застегни» (пер. А. Соловьева, М.: Эксмо, 2015 г.). Однако представлен и вариант, принципиально отклоняющийся от авторской стратегии названия: «Преступление могло остаться нераскрытым» (пер. Т. Левич, Днепропетровск: Днепркнига, 1991 г.),

Роман начинается с популярной детской считалочки, части которой повторяются по отдельности по ходу произведения, маркируя кульминационные моменты сюжета (см. табл. 1).

Таблица 1 – Считалочка из романа А. Кристи “One, Two, Buckle My Shoe”

Оригинал (ИЯ – английский)	ПТ (ПЯ – русский)
One, two, buckle my shoe, Three, four, shut the door, Five, six, picking up sticks, Seven, eight, lay them straight, Nine, ten, a good fat hen, Eleven, twelve, men must delve, Thirteen, fourteen, maids are courting, Fifteen, sixteen, maids in the kitchen, Seventeen, eighteen, maids in waiting, Nineteen, twenty, my plate's empty... [Christie, 2005, p. 1]	Раз, два – пряжку застегни, Три, четыре – дверь притяни, Пять, шесть – ветки собери, Семь, восемь – по порядку разложи, Девять, десять – курица, цыплятки, Одиннадцать, двенадцать – пора копать грядки, Тринадцать, четырнадцать – девушки-кокетки, Пятнадцать, шестнадцать – снесли на кухню ветки, Семнадцать, восемнадцать – ждут они в кустах, Девятнадцать, двадцать – тарелочка пуста. [пер. Тирдатова, 2014, с. 5].

Детективный роман “Five little pigs“ (1942), опубликованный в издательстве “Dodd, Mead and Company” под названием “Murder in Retrospect”, только в 1943 году издательством Collins Crime Club вышел под оригинальным названием. На немецкий язык роман был переведен в 1957 г. под названием “Das unvollendete Bildnis” («Неоконченный портрет»), обнаруживая явное отклонение от названия в ИТ. На русский язык этот роман был переведен под названиями «Шестнадцать лет спустя» (пер. В. Тригоровой, Томск: Томское кн. Изд-во, 1990 г.), «Пять поросят» (пер. Н. Емельянниковой, М.: Радуга, 1990 г.; А. Ставиской, Л.: Лениздат, 1991г.; С. Никоненко, М.: Новости, 1992 г.; М. Макаровой, А. Титова, М.: Артикул-принт, 2002 г.), «Пять свинок» (пер. А. Креснина, Харьков: Интербук-Украина, 1993 г.).

В тексте романа использован стишок о пяти поросятах, который не встроен в текст целиком, а фрагментированно (отдельными строфами и строками) охватывает произведение. При этом четвертая строка приведенного стишка является названием девятой главы, а пятая и шестая строки – названием

десятой главы. В результате стишок выступает архитектурным средством, маркирующим целостность текста романа (см. табл. 2).

Таблица 2 – Считалочка из романа А. Кристи “Five little pigs”

Оригинал (ИЯ – английский)	ПТ (ПЯ – русский)
This little pig went to market. This little pig stayed at home. [Christie, 2013, p.22] This little pig has roast beef. [Christie, 2013, p.22] This little pig had none. [Christie, 2013, p.130] This little pig cried – ‘Wee Wee Wee’ [Christie, 2013, p.148]	Один поросенок пошел на базар. Один поросенок остался дома... [пер. Никоненко, 2018, с. 25] Кто-то жаркое третьему дал, [пер. Никоненко, 2018, с. 25] Ничего не досталось другому. [пер. Никоненко, 2018, с. 129] Пятый с плачем куда-то бежал — не найду я дорогу к дому! [пер. Никоненко, 2018, с. 144; последняя строка добавлена переводчиком исходя из текста стишка в сборнике Матушки Гусыни].

Отметим, что несмотря на передачу через лингвистический и культурный барьер, перевод названия соответствует требованиям адекватности. Даже самая вольная передача названия («Шестнадцать лет спустя») не искажает авторского замысла, не раскрывает сюжет, а лишь утрачивает часть прагматики (связи стишка с архитектурой романа), что не может быть оценено как серьезная ошибка перевода.

“Crooked House” (1949 г.) опубликованный в издательстве “Dodd, Mead and Company”. В Германии роман вышел в 1951 г. под названием “Das krumme Haus” («Кривой дом») в полной эквивалентности ИТ. В России он печатался под разными названиями: «Скрюченный домишко» (пер. И. Матвеева, Минск: Эридан, 1990 г.), «Смерть в странном доме / Станный дом» (пер. М. Тарховой, И. Кулаковская-Ершовой, М.: Подиум, 1990 г.), «Нелепый домишко» (пер. В. Матюшиной, М.: ДЭМ, 1991 г.), «Кривой дом» (пер. О. Кучерова, М.: ВААП; ВААП-информ, 1991 г.), «Кривой домишко / Скрюченный домишко» (пер. Н. Емельяниковой, Днепрпетровск: Днепркнига, 1991 г.), «Смертельное лекарство» (пер. Н. Рахмановой, А. Ставиской, Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991 г.), «Злой дом» (пер. А. Креснина, Харьков:

Интербук-Украина, 1993 г.), «Скрюченный домишко» (пер. Н. Ибрагимовой, М.: Эксмо, 2015 г.).

Следует отметить, что история освоения этого британского стишка русскоязычной культурой достаточно богата и дает возможность использовать ту или иную версию в процессе трансляции детектива с английского языка на русский. В представленной ниже таблице приводятся только два русскоязычных ПТ этого стишка. Согласованность передачи названия с тем или иным вариантом перевода стишка, лежащего в основе сюжета, приводит к множественности переводов названия романа (см. табл. 3).

Таблица 3 – Считалочка из романа А. Кристи “Crooked House”

Оригинал (ИЯ – английский)	ПТ (ПЯ – русский)	
There was a crooked man and he went a crooked mile, He found a crooked sixpence beside a crooked stile. He had a crooked cat which caught a crooked mouse, And they all lived together in a little crooked house [Christie, 1949, 11p.].	Жил был нелепый человек. Он пошел по нелепой дорожке. И нашел нелепую монетку около нелепой сторожки. У него была нелепая кошка, что поймала нелепую мышку. И все они жили вместе в маленьком нелепом домишке [пер. Матюшиной, 1991, с.129].	Жил на свете человек, Скрюченные ножки, И гулял он целый век По скрюченной дорожке. А за скрюченной рекой В скрюченном домишке Жили летом и зимой Скрюченные мышки. И стояли у ворот Скрюченные елки, Там гуляли без забот Скрюченные волки... [пер. Чуковского, 2019, с. 2 – 6].

Подчеркнем, что различные семантические оттенки (*скрюченный* – *кривой* – *нелепый* – *странный*) не исказили прагматику оригинала, передав авторское название адекватно, хотя и с некоторыми отступлениями от строгой эквивалентности, вполне достижимой в данном случае.

Роман “A Pocket Full of Rye” (1953 г.) впервые опубликован британским издательством “Collins Crime Club”. Здесь необходимо подчеркнуть, что представленная в названии аллюзия на стишок (служащий архитектурным средством в ИТ) является продуктом британской лингвокультуры, и поэтому представляет трудность для межъязыковой и межкультурной трансляции. В

Германии роман впервые был издан в 1956 г. под названием “Das Geheimnis der Goldmine” («Тайна золотого прииска»), что разрушает целостность интертекста и сюжетной линии, а также указывает на одного из персонажей романа как преступника, т.е. отчасти лишает историю интриги. На русском языке этот роман выходил неоднократно под названиями «Зернышки в кармане» (пер. М. Загота, М.: Художественная литература, 1992 г.), «Карман, полный ржи» (пер. А. Креснина, Харьков: Интербук-Украина, 1992 г.; пер. Л. Васиной, Новосибирск: Гермес, 1994 г.; пер. В. Тирдатов, М.: Центрполиграф, 1998 г.).

В романе “A Pocket Full of Rye” («Карман полный ржи») приводится стишок о кармане, полном ржи, и дроздах, который декламирует главная героиня – мисс Марпл инспектору Нилу, с которым ей довелось общаться в процессе раскрытия очередного преступления – убийства делового человека, в кармане которого при осмотре места происшествия были найдены зерна ржи. При этом серия убийств происходит с намеками на образы детской считалки «Спой за шесть пенсов» (см. табл. 4).

Таблица 4 – Считалочка из романа А. Кристи “A Pocket Full of Rye”

Оригинал (ИЯ – английский)	ПТ (ПЯ – русский)	
“Sing a song of sixpence, a pocket ful of rye, Four and twenty blackbirds baked in a pie. When the pie was opened the birds began to sing. Wasn't that a dainty dish to set before the king? The king was in his counting house, counting out his money, The queen was in the parlour eating bread and honey, The maid was in the garden hanging out the clothes, When there came a little dicky bird and nipped off her nose.” [Christie, 1953, P. 96].	Зернышки в кармане Кто найти готов? В торт запек кондитер Двадцать пять дроздов. Вырвалось из торта Птичье тюр-лю-лю, Снилось ли такое Блюдо королю? Был король в конторе, Вел доходам счет. Королева в зале Ела бутерброд. За дворцом служанка Вешала белье, Дрозд — туда и сразу Хвать за нос ее. [пер. Лунина. Цит. по: Кристи А., 1953, С. 62].	Много, много птичек Запекли в пирог: Семьдесят синичек, Сорок семь сорок. Трудно непоседам В тесте усидеть — Птицы за обедом Громко стали петь. Побежали люди В золотой чертог, Королю на блюде Понесли пирог. Где король? На троне Пишет манифест. Королева в спальне Хлеб с вареньем ест. Фрейлина стирает Ленту для волос. У нее сорока Отщипнула нос... [пер. Маршака, 2015, с. 4 – 8].

В русскоязычной лингвокультуре стихок, использованный А. Кристи, не представлен как культурный феномен. Несмотря на несколько версий его передачи на русский язык, он остается чуждым элементом, в результате чего аллюзивный характер реминисценции при переводе сохранить невозможно. Здесь не может быть достигнута адекватность, т.к. диалог автора и читателя разрывается из-за культурного диссонанса, однако при этом русскоязычные варианты названия следует считать эквивалентными в лексико-семантическом плане.

Роман А.Кристи “The Mirror Crack’d from Side to Side” (1962 г.) впервые опубликован в издательстве “Collins Crime Club”. В его названии представлена прямая цитата из поэмы “The Lady of Shalott” А. Теннисона. В романе стих не модифицируется действующими лицами и передается в своем изначальном виде. Третья и четвертая строки четверостишия еще четыре раза произносятся персонажами романа в разных ситуациях; крылатая фраза предстает в виде поэтического (и эмоционального) эха, воплощенного архитектурным повтором (см. табл. 5).

На русский язык эта поэма А. Тениссона переводилась неоднократно (К.Д. Бальмонтом, М. Виноградовой, В. Луниным), что создает почву для вариативности передачи названия романа (при замещении строки оригинала строкой его принятого перевода на ПЯ).

Таблица 5 – Считалочка из романа А. Кристи “The Mirror Crack’d from Side to Side”

Оригинал (ИЯ – английский)	ПТ (ПЯ – русский)
Out flew the web and floated wide; The mirror crack'd from side to side: "The curse is come upon me," cried The Lady of Shalott (Alfred Tennyson) [Christie, 1962, P.2, 104].	На паутине взмыл паук, И в трещинах зеркальный круг. Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг Леди из Шалотта. [пер. Лунина. Цит. по: Кристи, 1962, с. 51]

В русском переводе роман выходил под названиями «Разбитое зеркало» (А. Креснин, 1991), «Треснувшее зеркало» (Т. Плешакова, 1991), «Зеркало треснуло» (П.В. Рубцов, 1999), «Разбилось зеркало, звеня» (С.Н. Шпак, 1991), «... И в трещинах зеркальный круг» (М.А. Загот, 1992), «И в трещинах зеркальный круг» (А. Титов, 1999), «И треснув зеркало звенит» (Г. Усова, 2001).

Как видим, стратегии передачи названия у разных переводчиков различаются. Первые три варианта названия не содержат цитаты, лишь передают семантическую идею (отказываясь от трансляции прагматической задачи). Прочие варианты используют различные варианты перевода первоисточника А. Теннисона, выполненные в русскоязычной лингвокультуре, т.е. соответствуют адекватности перевода, осуществляя полноценную передачу авторской интенции и выполняя прагматическую задачу равноценными средствами ПЯ.

Мы разделяем мнение Т.В. Тернопол о том, что именно жанровая особенность считалочки, заключающаяся в ритмике стиха, четко ограниченном количестве участников действия и заранее заданного результата повлияла на то, что А. Кристи воспользовалась некими параллелями формульности считалочки и формульности детектива [Тернопол, 2019, с. 106].

Перевод стихотворений, к которым относятся считалочки, требует особого мастерства переводчика, который должен найти оптимально для своей лингвокультуры соотношение между стихотворной формой как таковой и содержанием стиха. При этом, как отмечал советский лингвист Е.Г. Эткинд, «вербальная точность» может быть губительной для поэтического перевода [Эткинд, 1963, с. 62], и в поэзии для детей любой пересказ оригинала в принципе невозможен [Эткинд, 1963, с. 345].

Как отмечают И.Г. Кошечая, Е.Л. Кузьменко, В.А. Макарова, название, само являясь составляющим компонентом художественного времени, в своем декодировании строится на последовательно пошаговом раскрытии позиционных связей с текстом [Кошечая, Кузьменко, Макарова, 2018, с. 61].

Межъязыковая и межкультурная передача названий представляет таким образом значительную трудность в связи с несколькими обстоятельствами, к числу которых по результатам анализа фактического материала мы относим:

- высокую коммуникативную значимость названия;
- полифункциональность названия;
- сюжетообразующую роль, определенную жанровой спецификой детектива;
- интертекстуальную связь с сюжетом (без раскрытия интриги), определенную авторской идиостилистикой А. Кристи;
- интертекстуальную связь с прецедентными текстами британской лингвокультуры.

Таким образом, на примере проанализированных фрагментов текстов оригиналов и переводов рассматриваемых романов, которые представляются нам одними из наиболее показательных из множества других подобных примеров, можно сделать вывод о том, что стопроцентная эквивалентность перевода в принципе и в ряде случаев достижима, но в значительной мере переводы имеют те или иные, меньшие или большие отклонения от абсолютной эквивалентности. На наш взгляд, это объясняемо, обосновываемо и оправдываемо главной целью перевода художественного текста – сделать переводимый текст понятным, приятным и увлекательным для читателя исходя из его лингвокультуры и языковой картины мира.

2.4. Антропони́мы в детективах А. Кристи в прагматическом и переводческом аспектах

Основными объектами перевода и вместе с тем переводческих трансформаций в исследуемых романах А. Кристи являются имена собственные. Антропони́мы и топонимы являются, с одной стороны,

отражением специфической языковой картины мира, с другой – отражением авторской стилистики. По словам Е.А. Красиной, в качестве средств выражения образности художественный текст использует разнообразные языковые ресурсы, в том числе и имена собственные [Красина, 2018, с. 237].

Антропоним имеет знаковые (структурные) и значащие (смысловые) стороны компоненты [Свиридова, Чыонг Тхи Суан Хыонг, 2017, с. 171]. Одновременно авторское начало в выборе антропонимов часто соотносимо с прагматической задачей адресанта: нарекая вымышленного персонажа именем, автор не только придает правдоподобности своему герою, но и строит его образ, наделяя определенными чертами (например, Скотинин Д.И. Фонвизина [Фонвизин, 2016], Держиморда Н.В. Гоголя [Гоголь, 2019], Штольц И.А. Гончарова [Гончаров, 2019], Кабаниха А.Н. Островского [Островский, 2018] или капитан Врунгель А.С. Некрасова [Некрасов, 2017] и др.).

Следует отметить, что задача переводчика заключается не только в том, чтобы донести мысли и идеи, но также погрузить читателя в атмосферу, мироощущение, передать интонацию и переживания автора в момент написания текста. Для этого переводчик должен использовать все знания, умения и навыки переводческой деятельности, переводческие компетенции в самом широком их спектре, используя в том числе и фоновые социокультурные знания об изображаемой в ИТ культуре. Подчеркнем, что формирование социокультурных компетенций в настоящее время является одной из главных составляющих в подготовке переводчиков [Шатилова, Леонова, 2018, с. 87].

Английский писатель, поэт, переводчик, лингвист, филолог J. Tolkien говорил: «Верно подобранное имя доставляет мне большое удовольствие. Когда я пишу, я всегда начинаю с имени. Вначале имя – потом история, а не наоборот» [Tolkien, 1981].

Уже в первом романе А. Кристи Эркюль Пуаро был пожилым человеком и прожил после того еще десятилетия. Тем не менее, сама А. Кристи ни разу ни в произведениях, ни в комментариях не высказывала никаких намеков на точный возраст или же дату рождения Пуаро. События романов писательницы

происходят в то же время, в которое они были написаны, если другое специально не оговорено. Таким образом получилось, что Пуаро очень медленно стареет, формально прожив более ста лет. А. Кристи отметила: «Почему бы моему детективу не стать бельгийцем?» – подумала я. Среди беженцев можно было встретить кого угодно. Как насчет бывшего полицейского офицера? В отставке. Не слишком молодого. Какую же я ошибку совершила тогда! В результате моему сыщику теперь перевалило за сто лет» [Кристи, 1977].

Фигура сыщика-иностранца позволяет взглянуть на британское общество со стороны, с позиций другой культуры, представляет собой некое зеркало, в котором своеобразно отражается Англия, в котором можно увидеть то, что обычно скрыто от посторонних, но открывается в критических ситуациях [Белозерова, 2006, с. 28, 30].

Рассмотрим переводы на русский и немецкий языки имени известного сыщика:

1) *And, for the rest of the way home, I recited to them the various exploits and triumphs of **Hercule Poirot*** [Christie, 1920, p. 30].

2) *И весь остаток пути я рассказывал им о былых подвигах моего друга* [пер. Смолянского, 1990, с. 10].

3) *Остаток поездки до дома я пересказывал моим спутникам разнообразные подвиги и триумфальные расследования **Эркюля Пуаро*** [пер. Юркан, 2015, с. 13].

4) *Dann erzählte ich ihnen auf dem Rest des Heimwegs von den verschiedenen Heldentaten und Triumphen **Hercule Poirots*** [Schindler, 2015, S. 27].

Из выше приведенных примеров видно, что имя *Hercule Poirot* переводчики передают по-разному. А.Д. Смолянский в своем переводе заменяет антропоним на нарицательное слово *друг*, при этом показывая близкие отношения героев, не столь очевидные в оригинале. Действительно, весьма заметное различие между двумя культурами, русской и английской, предполагает возможность использования в русском языке слова *друг* в тех

случаях, когда между людьми установились хорошие и в некоторой мере доверительные отношения, которые в русской языковой культуре пусть и с оговорками, но могут называться дружбой. Вместе с тем в английской культуре, в которой дистанция между людьми больше и человек обособлен более, чем в русской культуре, в таких случаях понятия *друг* и *дружба* не употребляются. В переводе М.Ю. Юркан оним передается при помощи транскрипции, тогда как N. Schindler (Н. Шиндлер) передает его при помощи транслитерации.

Необходимо отметить интересный факт: имя *Эркюль* происходит от античного героя Геркулеса (Геракла), но, если первый совершает свои подвиги благодаря невероятной физической силе, то Пуаро с помощью «маленьких серых клеточек» мозга. Известно, что А. Кристи хотела, чтобы у ее главного героя было звучное имя – как у членов семьи Шерлока Холмса. Вот так педантичный и очень аккуратный герой автора стал Эркюлем, а не Геркулесом.

Интересна этимология имени *Эркюль*. Французское *Hercule* восходит к латинскому *Hercules*, которое, в свою очередь, восходит к древнегреческому *Heracles* / *Ἡρακλῆς*. Геракл – один из наиболее значимых персонажей древнегреческой мифологии, прославившийся прежде всего своими знаменитыми подвигами, принесшими много благ людям. Возможно, А. Кристи, выбрав это имя для главного героя своих детективов, аллюзивно указывала на античного героя-полубога, сына Зевса, которому удастся одерживать верх над злом или иного рода несправедливостями, что не под силу «простым смертным». В то же время имя сыщика в сопоставлении с его обликом представляется явно диссонансным. Как отмечает М.М. Конколь, сама А. Кристи относится к созданному ею образу Пуаро с иронией: он невысокого роста, с лысиной, чрезмерно ухоженными усами [Конколь, 2017, с. 96]. Тем не менее, реминисценция на античного героя ярко проявилась в сборнике рассказов о расследованиях Эркюля Пуаро “The labours of Hercules” («Подвиги Геракла») (1947 г.), где каждый рассказ иронично (если даже не пародийно) представляет негероические дела великого сыщика в параллели с античными сюжетами о легендарном сыне Эллады. Так прецедентное имя получает новую

прагматическую нагрузку в детективах А. Кристи. Подчеркнем также, что передача имени на русский язык с помощью транскрипции не дает читателям столь очевидной интертекстуальной связи с древнегреческим персонажем, как это имеет место в оригинале и немецком переводе. До издания одного из рассказов («Стадо Гериона») в журнале «Вокруг света» в 1985 г. русскоязычная аудитория могла не догадываться об авторской идее экспликации характера в имени Пуаро.

Имена собственных в романах А. Кристи имеют и менее очевидные аллюзии. К таковым можно отнести реминисценции на произведения британской художественной литературы, которые в большинстве случаев не могут быть распознаны читателями, носителями иноязычной культуры, например, если ПЯ – русский, или читателями, в силу принадлежности к иному поколению отделенными от упоминаемого прецедентного имени значительным временным интервалом.

1) *I recalled her as an energetic, autocratic personality, somewhat inclined to charitable and social notoriety, with a fondness for opening bazaars and playing the **Lady Bountiful** [Christie, 1920, p. 5].*

2) *Я помнил, что она была натурой энергичной, властной, но весьма щедрой и к тому же обладала довольно большим личным состоянием. Постоянная помощь бедным и участие в многочисленных благотворительных базарах даже принесли ей определенную известность [пер. Смолянского, 1990, с. 1].*

3) *Она запомнилась мне как эмоциональная, властная особа, склонная к благотворительности и стремящаяся добиться признания своих заслуг в обществе, принадлежащая к той категории светских дам, которые обожают открывать благотворительные базары и выступать в роли леди **Баунтифул** [пер. Юркан, 2015, с. 5].*

4) *Ich erinnerte mich an sie als eine energische, befehlsgewohnte Persönlichkeit mit einer gewissen Neigung zu wohltätigen und gesellschaftlichen*

Verpflichtungen, die gern Basare eröffnete und die Wohltäterin spielte [Schindler, 2015, S. 8].

Имя *леди Баунтифул* – персонаж пьесы Фаркера, XVII в., иронический тип дамы-благотворительницы. В русских переводах этот антропоним передается по-разному. В первом переводе переводчик А.Д. Смолянский опускает антропоним, полагая, что его сохранение в ПТ не является необходимым в связи с контекстной определенностью и отсутствием у русскоязычных читателей фоновой информации о значении имени собственного и его литературном происхождении [Максименко, 2016, с. 111–116]. Переводчик М.Ю. Юркан передает оним с помощью транскрипции, скрывая коннотативное значение. В словаре В.К. Мюллера переводятся и прямые и переносные значения существительного, омонимичного антропониму в романе А. Кристи: *Bountiful* – *изобильный, обильный*; *Lady Bountiful* переводится как «*Леди Благотворительность*»; исходное *Bounty* имеет следующие значения: 1) щедрость; 2) щедрый подарок; 3) правительственная премия для поощрения промышленности, торговли и сельского хозяйства; 4) премия при добровольном поступлении на службу; 5) призовая премия; 6) достаточный. А в немецком переводе N. Schindler (Н. Шиндлер) переводит антропоним при помощи кальки *Wohltäterin* (*благодетельница* или *благотворительница*), что семантически близко к единице *Lady Bountiful* [Мюллер, 2013, с. 73], но все же представляет собой генерализацию и не может быть расценено как полный эквивалент. Адекватность перевода при такой передачи достигается путем устранения частно-видового в культурно-маркированном ониме.

В подтверждение вышесформулированного тезиса о значимости антропонимов в романах А. Кристи и особенностях их межъязыковой передачи рассмотрим способы их перевода в романе “Ten Little Niggers”. Этот роман является хорошей иллюстративной базой, так как здесь много антропонимов, обладающих дополнительным значением – на уровне интерпретатора. Для межъязыковой передачи ономастических единиц, экстрагированных в

результате наблюдения над фактическим материалом из ИТ и ПТ, использованы транскрипция, транслитерация и калькирование.

Интересен и репрезентативен следующий пример:

1) *Then came the first bald statement that it had been bought – by a **Mr. Owen*** [Christie, 1939, p. 3].

2) *Затем последовало сообщение: остров купил некий мистер **Оним*** [пер. Беспаловой, 1990, с. 183].

3) *Затем последовало скупое сообщение о покупке дома неким мистером **Оуэнном*** [пер. Екимовой, 2016, с. 1].

4) *Dann folgte die erstenüchterne Mitteilung, die Insel sei gekauft worden – von einem **Mr. Owen*** [Deitmer, 2017, S. 7].

М.Н. Левченко и А.В. Скрыльник отмечают, что сложнее всего передать смысл «говорящих» имен, ведь если имя собственное – реальное, то пишется его точный эквивалент; если нет, то максимально близкая по произношению калька; если есть дополнительный смысл, то смысл раскрывается только в сноске [Левченко, Скрыльник, 2015, с. 68]. В данном примере переводчики по-разному подошли к решению своей задачи. В переводе Л.Г. Беспаловой антропоним передан при помощи кальки, тогда как переводчики Н.В. Екимова и S. Deitmer (С. Дайтмер) передают при помощи транслитерации. Расхождение систем [Хухуни, Осипова, 2014, с. 53 – 61] русского, немецкого и английского языков полнее компенсируется в переводе Л.Г. Беспаловой, апеллирующей к *анониму*. Такое решение находится в русле адекватности оригинального и переводного текстов, т.к. полностью реализует авторскую интенцию в тексте перевода. Решения, предложенные Н.В. Екимовой и S. Deitmer (С. Дайтмер) соответствует требованиям эквивалентности, но дополнительная функция характеристики персонажа (и сюжетной линии детектива) не получает отражения в тексте перевода [Нелюбин, 2007, с. 23], остается нереализованной авторская идея.

Среди подвергнутых анализу антропонимов в романах А. Кристи выявлены такие, которые имеют дополнительные коннотации, представляющие

сложный объект перевода. Раскрытие внутреннего содержания онима – содержания на уровне интерпретатора, эксплуатирующего внутриязыковые отношения между лексическими единицами и отношения полисемии и омонимии – трудная задача, требующая не только высокой языковой и компетенции, но и большого объема фоновой информации, составляющей наследие контактирующих лингвокультур. Только большой багаж знаний о культуре и истории нации, являющейся носителем языка, позволяет переводчику верно дешифровать многослойные (в семантическом и коннотативном аспектах) имена собственные в произведениях художественной литературы.

1) *Having no near relations or friends, I was trying to make up my mind what to do, when I ran across **John Cavendish*** [Christie, 1920, p. 5].

2) *И вот, когда я раздумывал, где его провести (поскольку не имел ни друзей, ни близких знакомых), случай свел меня с **Джоном Кавендишем*** [пер. Смолянского, 1990, с. 1].

3) *Не имея в ближайшей округе ни родственников, ни друзей, я как раз раздумывал, куда бы мне отправиться, когда вдруг случайно встретил **Джона Кавендиша*** [пер. Юркан, 2015, с. 2].

4) *Da ich weder Freunde noch nahe Anverwandte besaß, war ich unschlüssig, was ich tun sollte, als ich eines Tages zufällig **John Cavendish** begegnete* [Schnidler, 2015, S. 7].

При передаче имя *John* все три переводчика использовали транскрипцию в соответствии с переводческой традицией, а фамилию *Cavendish* передали при помощи транслитерации, которая используется для воссоздания в переводе формы иностранного слова, в основном для передачи имен собственных [Нелюбин, 2009, с. 96]. Исследователи отмечают, что автору и переводчику иногда приходится подстраиваться под уровень восприятия, эмоциональное состояние, интеллектуальные возможности адресата, и текст получает некоторую потребительскую окраску [Левченко, 2016, с. 103]. Так, в анализируемом примере в отрыве от вербального контекста единицы *John* и

Cavendish имеют следующие значения в виде словарных соответствий в двуязычных лексикографических источниках: *John*: 1) Джон (мужское имя); 2) библ.: Иоанн; 3) ист.: Иоанн; 4) разг.: полицейский; сыщик; 5) разг.: сортир, туалет, уборная. *Cavendish* – плиточный табак (сдобренный патокой). Анализ исходных предложений показал, что автор – принимая во внимание вышеупомянутые семантические оттенки – хотела, по-видимому, показать такие внешние черты персонажа, как *нерешительность* и *мягкость*, демонстрируя его в начале сюжета непримечательным человеком (без яркой индивидуальности) и жертвой предвзятого общественного мнения (неспособного противостоять давлению социума), а в финале романа разоблачая в нем жестокого, хладнокровного и расчетливого убийцу.

Переводчик обязан довести до адресата (читателя) все мысли, высказанные адресантом (автором) [Нелюбин, 2009, с. 85]. Мы считаем, что при переводе антропонимов, переводчики должны быть крайне внимательны, так как определить и передать имена с ИЯ на ПЯ очень сложно. В нашем исследовании было выявлено, что использовалась три основных метода передачи антропонимов в романах – транслитерирование, транскрибирование, калькирование.

Рассмотрим следующий яркий пример:

- 1) *Badger* was rather good at nosing people like that out [Christie, 1939, p. 14]
- 2) У *Рыжика* нюх на таких людей [пер. Беспаловой, 1990, с. 190]
- 3) У *Бэдджер* на таких нюх [пер. Екимовой, 2016, с. 3].
- 4) *Biber* hatten einen guten Riecher für solche Leute [Deitmer, 2017, S. 17].

Представленный выше пример ИТ и нескольких ПТ очень показателен в аспекте множественности вариантов перевода. В оригинальном тексте представлено прозвище одного из персонажей *Bager* – барсук [Мюллер, 2013, с. 24]. Такой оним герой получил за ярко-рыжий цвет волос, т.е. внешнее сходство с соответствующим представителем фауны, и за черты характера, схожие с теми, что демонстрирует этот мелкий всеядный хищник: ловкость, пронырливость, хватка, жадность. Примечательно, что варианты,

представленные всеми переводчиками, различны. Н.В. Екимова использует транскрипцию для передачи антропонима, подчеркивая его принадлежность к англоязычной (в данном случае – британской) лингвокультуре и оставляя читателя перевода в неведении относительно сигнификативных коннотаций, вложенных автором в номинацию. Л.Г. Беспалова и S. Deitmer (С. Дайтмер), в отличие от своей коллеги, считают важным сохранить дополнительное содержание анализируемой единицы, видя в ней «говорящий» антропоним, как это обычно бывает с прозвищами. Однако приемы передачи все же разнятся. Л.Г. Беспалова привлекает к передаче один из элементов семантики (рыжий цвет) и калькирование, уподобляя имя принимающей лингвокультуре, где прозвище Рыжик обладает большой популярностью и часто встречается в обиходе и в художественной литературе. В то же время S. Deitmer (С. Дайтмер) использует лишенную коннотаций тематически близкую единицу, но не являющуюся словарным эквивалентом лексемы ИТ, т.к. *Biber* – не *барсук*, а *бобер*, принципиально отличный зверь (с иными внешними характеристиками, ареалом обитания, рационом, поведением и т.п.).

Ярким примером вариативности (как результат применения различных приемов перевода) при передаче имен собственных послужили антропонимы из романа “Ten Little Niggers”:

1) **Mr. Isaac Morris** had shaken his little bald head very positively [Christie, 1939, p. 6].

2) *Мистер Айзек Моррис* решительно помотал лысой головенкой [пер. Беспаловой, 1990, с. 186].

3) *Мистер Исаак Моррис* решительно покачал маленькой плешивой головой [пер. Екимовой, 2016, с. 2].

При переводе данного примера на русский язык переводчики по-разному подошли к переводу имени собственного *Isaac Morris*. Л.Г. Беспалова переводит при помощи транскрипции как *Айзек Моррис*, тогда как Н.В. Екимова переводит при помощи транслитерации *Исаак Моррис*. Отсюда следует, что при письменном переводе имен собственных и названий с английского языка на

русский возникают трудности, так как английский язык использует латинский алфавит, а русский – кириллицу. Это служит объяснением тому, что одно и тоже английское имя собственное, два переводчика передали на русский язык по-разному. Однако причины выбора приема трансформации остаются вне поля зрения читателя и/или исследователя. Очевидно, переводчики, интерпретируя прагматику это имени собственного в контексте романа, приняли во внимание разные факторы. Л.Г. Беспалова, следуя стратегии стандартизации, уподобляет имя британскому ономастикону и маркирует его принадлежность английской лингвокультуре. Н.В. Екимова во внешности и психологических характеристиках персонажа усматривает его принадлежность к еврейской нации и этот аспект подчеркивает с помощью транслитерации.

4) *Mr. Isaac Morris hatte entschieden einen kleinen, kahlen Kopf geschüttelt* [Deitmer, 2017, S. 11].

В немецком переводе S. Deitmer (С. Дайтмер) использует для передачи имени собственного транслитерацию, так же, как и Н.В. Екимова.

На наш взгляд, можно считать адекватными переводами варианты, представленные Н.В. Екимовой и S. Deitmer (С. Дайтмер), т.к. они обнаруживают сходство с прагматикой автора: в сюжетной линии романа и чертах внешности описываемого персонажа определенно угадываются указания на национальную идентификацию. Таким образом, переводчики сохраняют авторский замысел и могут надеяться на создание у читателей коммуникативного эффекта, равноценного заложенному в ИТ.

Рассмотрим следующий показательный пример:

1) *There had been that nice middleaged woman-Mrs.-Mrs. now what was her name? ... And there had been a Miss Olton – Ormen – No, surely it was Oliver! Yes – Oliver* [Christie, 1939, p. 6].

2) *Там жила та симпатичная пожилая женщина – миссис, миссис – как бишь ее фамилия? ... И еще там была мисс Олтон или Оден. Нет, нет, ее фамилия была Оньон! Ну конечно же Оньон!* [пер. Беспаловой, 1990, с. 187].

Л.Г. Беспалова передает имена собственные при помощи транслитерации *Олтон* – *Olton*. При этом единицы *Оден* (в оригинале *Ormen*) и *Оньюн* (в оригинале *Oliver*) не имеют никакой детерминирующей связи с аутентичным текстом. Причины изменения переводческой стратегии в данном случае остаются неясными. Перевод Л.Г. Беспаловой отличается от текста оригинала, это демонстрирует пример (1) и говорит о том, что переводчица увлекается добавлением деталей, вводя реалии, отсутствующие в оригинальном произведении.

3) *Была там одна милая дама средних лет... мисс... мисс... ну как же ее звали?... И еще некая мисс **Олтон**... **Ормен**... Да нет же, **Оливер**! Ну, конечно, **Оливер**.* [пер. Екимовой, 2016, с. 2].

4) *Da war diese nette Dame mittleren Alters - Miss - Miss – wie hieß sie den bloß?... Und dann hatte es dort noch eine Mrs. **Olten** gegeben. **Olten** – **Ormen** – nein, jetzt hatte sie es. **Oliver**. Ja - **Oliver*** [Deitmer, 2017, S. 13].

Как считает И.П. Липовский, не подлежит сомнению, что незнакомые имена из другого языка лучше брать в их оригинальной форме» [Липовский, 2010, с. 11]. В ходе нашего исследования было выявлено, что переводчики Н.В. Екимова и S. Deitmer (С. Дайтмер) передают имена при помощи транслитерации: *Олтон*, *Ормен*, *Оливер*, на наш взгляд представляют именно тот вариант, который можно характеризовать как адекватный перевод.

Здесь следует отметить и интертекстуальную связь этого романа А. Кристи с прочими ее произведениями, где одним из главных персонажей выступает именно миссис Оливер, результат авторской самоиронии и пародии на феминисток “Cards on the Table” (1936), “Mrs McGinty's Dead” (1952), “Dead Man's Folly” (1956), “The Pale Horse” (1961), “Third Girl” (1966), “Hallowe'en Party” (1969), “Elephants Can Remember” (1972). В изображении А. Кристи это непоследовательная, взбалмошная, неорганизованная, но очень симпатичная особа, и именно такая дама могла вдохновить персонажей романа “Ten Little Niggers” посетить остров. Поскольку дата издания первого романа с миссис Оливер в качестве главного действующего лица – 1936 г. – предшествует

публикации романа “Ten Little Niggers” – 1939 г., небезосновательна идея о том, что в данном случае имеет место самоаллюзия, и для сохранения в переводе интертекстуальной связи с прагматикой произведения следует передавать имя этого персонажа в соответствии со сложившейся традицией – с помощью транслитерации *Оливер*. В этом смысле передача *Онъон* (Onion – лук [Мюллер, 2013, с.439]), обнаруживаемая в работе Л.Г. Беспаловой, представляется крайне неудачной, т.к. Ариадна Оливер отмечена патологической зависимостью от яблок, поглощаемых ею в невероятных количествах, особенно в момент написания очередного детектива, в соответствии с чем перевод *Онъон* может быть оценен как искажение авторской идеи. Этот факт тоже подтверждает, что Н.В. Екимова и S. Deitmer (С. Дайтмер) создали более адекватные переводы романа.

Исходя из этого, отметим, что правильно и точно передавать имена собственные с английского языка на русский – весьма трудная задача для переводчика. Здесь важно уметь выбрать наиболее подходящий способ передачи реалий, помнить, что они зависят от многих условий и обстоятельств [Хухуни, Осипова, 2014, с. 53 – 61]. В зависимости от характера текста переводчики должны сделать выбор с учетом жанровых особенностей литературы. Совмещая все означенные принципы к отбору варианта ПТ из возможного множества альтернативных решений, можно добиться оптимального перевода в заданных условиях акта межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, можно с уверенностью сделать вывод, что весьма сложным объектом перевода и вместе с тем переводческих трансформаций в исследуемых романах А. Кристи являются имена собственные – антропонимы, агномены, прецедентные имена, что обусловлено несколькими причинами (нередко взаимодействующими). Среди таких причин сопоставительный и контекстуальный анализ наблюдаемых языковых фактов позволяет выделить следующие:

- полифункциональность имен собственных;

- интертекстуальная связь с сюжетом, определенную авторской идиостилистикой А. Кристи;
- интертекстуальная связь с прецедентными именами британской лингвокультуры;
- различная степень мотивированности антропонимов;
- прагматическая задача экспликации характера именуемого персонажа;
- корреляция между типом онима и способом его межкультурной передачи.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что перевод имен собственных, имеющих дополнительную прагматическую нагрузку, сопряжен известными трудностями и предполагает решение ряда вопросов (приоритетности переводческих задач в отношении степени близости оригиналу, функциональной адекватности, соответствии идиостилистике автора аутентичного произведения) с осознанной стратегией перевода при расхождении контактирующих языков и культур.

2.5. Реалии в романах А. Кристи в аспекте прагматики и перевода

В любом произведении художественной литературы реалии различного рода, реализуя различные функции, играют важную роль, поэтому неудивительно, что в процессе межкультурной и межкультурной коммуникации они представляют значительную трудность для перевода и дают широкое поле для исследования. Как отмечает Н.Г. Епифанцева, использование реалий в художественном тексте позволяет подчеркнуть специфику и самобытность жизни и сознания народа. Они отражают этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические процессы, факты, не имеющие эквивалентов в других языках. В качестве средств художественного изображения они применяются как писателями, авторами оригинальных художественных текстов,

так и переводчиками [Епифанцева, 2018, с.190]. Анализируемые романы А. Кристи не составляют исключения, автор активно использует реалии, внедряя их в ткань произведения и придавая тем самым значительную правдоподобность изображаемым лицам и событиям.

В ходе исследования нами выделены в романах “Ten Little Niggers” и “Mysterious Affair at Styles” реалии, которые называют предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, передают социальный и исторический колорит народа.

Н.Г. Епифанцева считает, что если строго следовать логике определения реалий как слов, обозначающих национально-специфические особенности жизни и быта, или слов или выражений, обозначающих предметы, понятия, ситуации, которые не существуют в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, то транскрипция и транслитерация и их разновидности должны были бы оставаться единственными средствами перевода реалий на другой язык [Епифанцева, 2018, с. 191].

Попытаемся проиллюстрировать сказанное выше о значимости адекватного перевода реалий различной семантики и функций.

Под термином «реалии», к пониманию которого в языкознании есть различные подходы, мы подразумеваем лексические единицы (слова и словосочетания), которые не имеют точных соответствий в других языках [Влахов, Флорин, 1980, с. 47]. К реалиям относится как безэквивалентная лексика, так и лексика, имеющая полные смысловые эквиваленты, но вместе с тем имеющая коннотативную или ситуативную уникальность и не передающая своего коннотативного или ситуативного значения на другой язык [Томахин 1997, с. 134 – 137; Пшёнкина, 2005, с. 36 – 37]. К реалиям в переводоведении принято относить названия присущих только определенным нациям и народам предметы материальной культуры, исторические события, имена литературных и фольклорных героев и т.п. [Томахин, 1988, с. 5]; при этом реалия рассматривается как носитель «национального колорита» [Томахин, 1988, с. 22; Ромова, 2010, с. 60] и обозначает предметы, понятия и т.п., присущие одному

народу и отсутствующие в жизни народа, на язык которого осуществляется перевод оригинала [Россельс, 1953, с. 169].

Значительную долю реалий составляет ономастическая типология, к которой относятся антропонимы (фамилии, имена, отчества, прозвища и т.п.), топонимы (названия географических объектов), урбанонимы (названия городских объектов, в том числе улиц, площадей, районов и т.п.), прагматонимы (названия товаров), порейонимы (названия транспортных средств), гемеронимы (названия средств массовой информации), геортонимы (названия мероприятий), фалеронимы (названия наград, орденов, премий), артионимы (названия произведений искусства), эргонимы (названия профессиональных и иных деловых объединений людей) и т.д. [Тортунова, 2012, с. 124 – 125].

В нашей диссертации из разных видов реалий исследуемых романов особое внимание уделяется антропонимам и топонимам. Антропонимы как составляющая часть лингвокультуры должны быть отнесены к реалиям. Однако ввиду их особой роли в детективах А. Кристи они рассмотрены выше в предшествующем параграфе диссертационного текста. Прочие ономастические реалии анализируются в отношении их функций и переводимости в настоящем разделе.

Полный перечень реалий, экстрагированных в микроконтекстах из оригиналов, представлен в приложениях. Приложение А содержит реалии из романа “Mysterious Affair at Styles”, каждый пример сопровождается соответствующими фрагментами анализируемых ПТ (А.Д. Смолянского, М.Ю. Юркан и N. Schindler), аналогично реалии из романа “Ten Little Niggers” и их эквиваленты в ПТ (Л.Г. Беспаловой, Н.В. Екимовой и S. Deitmer) приводятся в таблице приложения Б. Предметно-тематическая классификация реалий, отобранных методом сплошной выборки из анализируемых романов “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” представлена в приложении В. Там же отражены в форме списка и диаграммы результаты количественного

анализа частотности использования каждого выявленного вида реалий в совокупной оценке по текстам двух романов.

Следует согласиться с мнением Н.С. Автономовой и М.Л. Гаспарова, что различия между переводами могут быть объяснены тем, что «ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным – это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [Автономова, Гаспаров, 1969, с. 111].

Топонимы, даже не обремененные реализацией дополнительных прагматических функций в ИТ, передаются на ПЯ различными приемами. Здесь можно усмотреть индивидуальность переводчиков, осуществляющих межкультурную передачу произведения художественной литературы. Топонимы, именующие реальные географические объекты, придают большую убедительность сюжету, моделируют восприятие читателя и убеждают его в подлинности событий романа.

Рассмотрим примеры из романа “Mysterious Affair at Styles”:

1) *Oh, Sherlock Holmes by all means. But really, seriously, I am awfully drawn to it. I came across a man in **Belgium** once, a very famous detective, and he quite inflamed me. He was a marvellous little fellow* [Christie, 1920, p. 15].

2) *Да, да, как Шерлок Холмс! Нет, правда, меня все это очень привлекает. Однажды в **Бельгии** я познакомился с одним знаменитым сыщиком и благодаря ему буквально воспылал страстью к расследованиям. Я искренне восхищался этим славным человеком* [пер. Смолянского, 1990, с. 4].

3) *О, безусловно, только Шерлоком Холмсом. Но право, говоря серьезно, меня ужасно привлекает такое занятие. Однажды я случайно познакомился с одним **бельгийцем**, знаменитым сыщиком, и он необычайно воодушевил меня. Удивительный малый* [пер. Юркан, 2015, с. 6].

В ПТ, выполненном М.Ю. Юркан, можно заметить, что имя собственное – топоним *Бельгия* – переводчик заменяет на нарицательное именование,

замещая топоним нарицательным именованием национальности *бельгиец*. Одновременно с этим происходит семантический сдвиг: указание на место встречи (обозначенное в ИТ) исчезает из перевода, в результате чего читатель может быть введен в заблуждение о месте знакомства двух героев сыска: у читателя может возникнуть мысль о том, что эта встреча состоялась в Англии, которая служила местом действия большинства романов А. Кристи.

4) *Oh, am liebsten wie Sherlock Holmes. Aber ganz im Ernst – das fasziniert mich ungemein. Ich habe einmal in **Belgien** einen Mann kennengelernt, einen sehr berühmten Detektiv, und der hat mich richtig gehend angesteckt. Er war ein bewundernswerter kleiner Bursche* [Schindler, 2015, S. 14]

В немецком варианте ПТ, так же, как и в переводах на русский язык, топоним передан при помощи транскрипции, при этом характер имени не претерпевает изменения, оставаясь собственным, в результате чего удастся избежать семантического сдвига (отмеченного в вербализации ПТ М.Ю. Юркан).

Вымышленные топонимы в значительной степени создают иллюзию правдоподобия, насыщая текст подробностями о месте описываемых событий.

1) ***Nigger Island!** Why, there had been nothing else in the papers lately! All sorts of hints and interesting rumours* [Christie, 1939, p. 5]

2) ***Негритянский остров!** В последнее время газеты только о нем и писали! Репортеры рассыпали многозначительные намеки, сообщали занятные сплетни и слухи* [пер. Беспаловой, 1990, с. 184]

3) ***Негритянский остров!** В газетах в последнее время только о нем и пишут. И все слухи и домыслы...* [пер. Екимовой, 2016, с. 4].

4) ***Nigger Island!** Die Zeitungen hatten in der letzten Zeit von nichts anderem berichtet. Alle möglichen Vermutungen und interessanten Gerüchte* [Deitmer, 2017, S. 9].

В представленных ПТ и на русском, и на немецком языке топоним оригинала передан полными словарными эквивалентами, точно транслируя

авторскую идею и отражая функцию топонима равноценно представленной в ИТ.

Рассмотрим следующий яркий пример:

1) ***Busy Bee** had hinted delicately that it was to be an abode for Royalty??!*
*Mr. **Merry weather** had had it whispered to him that it had been bought for a*
*honeymoon-Young Lord L - had surrendered to **Cupid** at last! **Jonas** knew for a fact*
that it had been purchased by the Admiralty with a view to carrying out some very
hush hush experiments! [Christie, 1939, p. 3]

2) «**Бизи Би**» деликатно намекала: остров будет летней резиденцией королевской семьи. До мистера **Мерриуэдера** дошли слухи: остров купил молодой лорд Л. – он, наконец, пал жертвой **Купидона** и намерен провести на острове медовый месяц. «**Джонасу**» было доподлинно известно – остров приобрело Адмиралтейство для проведения неких весьма секретных экспериментов! [пер. Беспаловой, 1990, с. 183]

3) «**Трудовая пчела**» деликатно намекала, что острову предстояло стать обителью члена королевской семьи?! Мистеру **Мерриуэзеру** шепнули, что там намерен провести свой медовый месяц молодой лорд Л., наконец-то сраженный стрелой **Купидона**. А **Джонасу** было достоверно известно, что остров приобретен Адмиралтейством с целью проведения на нем каких-то невероятно секретных испытаний [пер. Екимовой, 2016, с. 1].

В переводе реалий в (1) примере Л.Г. Беспалова название газеты «*Busy Bee*» переводит при помощи транслитерации как «**Бизи Би**», преобразуя модальность предложения с вопросительной на утвердительную, а имя собственное *Мерриуэдера* и реалии *Купидона*, *Джонас* переданы при помощи транскрипции. Переводчица Н.В. Екимова также переводит реалии при помощи транслитерации, но название газеты передает при помощи кальки «**Трудовая пчела**». Как отмечает Л.И. Борисова, нередко переводчику приходится выбирать между тем или иным способом перевода вследствие того, что любая реалия допускает это [Борисова, 2016, с. 73]. В данном случае отступление от традиции формальной передачи наименования газеты (с помощью транскрипции и

транслитерации) позволяет переводчику полно раскрыть перед читателями авторский замысел. Такой точки зрения на переводческую задачу придерживается и А.А. Лебедева, отмечая, что единственный способ наиболее точной передачи содержания текста средствами другого языка – это поиск иноязычных эквивалентов, адекватных культурно-семантическим реалиям оригинала [Лебедева, 2016, с. 156].

4) ***Busy Bee** hatte diskret angedeutet, vielleicht solle die Insel eine Zuflucht für königliche Hoheiten werden. **Mr. Merryweather** behauptete, ihm sei zug eflüstert worden, die Insel wäre gekauft worden, um dort Flitterwochen zu machen - der junge Lord L. habe sich endlich **Amor** ergeben! **Jonas** kannte die wahren Fakten: Die Insel sei vom Marineministerium gekauft worden, um dort hoch geheime Experimente durch zu führen!* [Deitmer, 2017, S. 7 – 8].

В переводе на немецкий язык S. Deitmer использует транслитерацию, в строгом соответствии с традиционной технологией перевода. Необходимость вскрытия внутренней семантики имени собственного в данном случае может быть связана с постоянным языковым контактом между гражданами Германии и Великобритании и высоким уровнем владения английским языком, демонстрируемым современными жителями Германии (что подтверждает трансляция некоторых телепередач на английском языке на территории ФРГ без перевода и регулярном вещании нескольких беспереводных англоязычных каналов на телевидении Германии).

Изучение опыта передачи единиц перевода, в том числе антропонимов и топонимов, с различными функциями, использованных в романах А. Кристи, на русский и немецкий языки имеет большое лингводидактическое значение в практике переводчиков, снабжая их знаниями о различной степени качества перевода, диахронии перевода, переводческой традиции. Однако, на наш взгляд, по сравнению с передачей имен собственных с английского на русский перевод антропонимов и топонимов сложнее, чем с английского на немецкий. Как отмечает Л.И. Борисова, перевод реалий иностранной действительности, представляют наибольшую трудность, поскольку правильный перевод не может

быть сделан без тщательного, иногда даже этимологического анализа его компонентов [Борисова, 2016, с. 151].

Анализируя тексты рассматриваемых романов, необходимо иметь в виду, что особое место в передаче профессиональной лексики романов А. Кристи занимает юридическая лексика [Безуглова, 2013, с. 29], прежде всего, английские юридические термины-реалии, не имеющие прямых аналогов в ПЯ (немецком и русском). Одним из наиболее показательных в этом отношении примеров выступает передача термина *coroner* (коронер), и лучшим способом его передачи, как и в других подобных случаях перевода юридической лексики (*solicitor*, *barrister* и т.д.), является именно транслитерация [Безуглова, 2013, с. 29]. Действительно, профессия *коронер* – ‘следователь, ведущий дела о скропостижной смерти с подозрением на насильственную ее причину и имеющий судебное полномочие по принятию решения относительно подтверждения или опровержения указанной причины’ [Большой юридический словарь, 2007, с. 858], присущая именно английской системе правосудия, в принципе непереводаема ни на русский язык (в переводе А.Д. Смолянского *судья*), ни на немецкий (в переводе N. Schindler *Untersuchungsrichter*, который в зависимости от принадлежности к английской, немецкой или швейцарской системы правосудия толкуется по-разному и переводится контекстуально).

Приведем соответствующий пример:

1) *Then came the sensation of the day. **The Coroner** called Albert Mace, chemist's assistant* [Christie, 1920, p. 129].

2) *Теперь настала очередь рассказать о подлинной сенсации, случившейся в тот день. **Судья** вызвал Альберта Мэйса, помощника аптекаря* [пер. Смолянского, 1990, с. 43].

3) *Следующее выступление стало сенсацией дня. **Коронер** вызвал Альберта Мэйса, помощника аптекаря* [пер. Юркан, 2015, с. 54].

4) *Dann kam die Sensation des Tages. Der **Untersuchungsrichter** rief Mr. Mace auf, den Verkäufer in der Apotheke* [Schindler, 2015, S. 105].

В передаче на русский прослеживается не только разная стратегия переводчика (у А.Д. Смолянского – генерализация *судья*, у М.Ю. Юркан – транслитерация – *коронер*), но и выявляется тенденция, значимая для настоящего исследования. Перевод А.Д. Смолянского осуществлен в первые годы после падения «железного занавеса» и бурного поглощения культурного вакуума в России (стремительного роста межкультурных контактов и переводческой практики в разных областях деятельности). К моменту выполнения перевода этого же ИТ М.Ю. Юркан освоение реалий британской культуры шло семимильными шагами, и читателей не могло удивить понятие *коронер*, запаса фоновой информации у носителей РЯ – русского языка – в этом отношении пополнился, и дополнительных пояснений к транслитерированной реалии для полноценного восприятия изображаемых событий английской жизни не требовалось. Амплитуда диахронии и большее знакомство русскоязычных читателей (через произведения художественной литературы и кино) с реалиями британского правосудия в 2015 г., чем в 1990 г. обусловило использование разных переводческих приемов.

Профессионализмы, также принадлежащие к реалиям и отражающие принадлежность к историческому и культурному опыту определенной нации, становятся объектами перевода и переводческих трансформаций (а также переводческих экспериментов). В исследуемых романах А. Кристи понятия, характеризующие социальный статус и профессиональную деятельность персонажей, неотъемлемы для выполнения прагматической задачи автора – живописания британского быта.

1) No, **Captain** Lombard, the matter rests there [Christie, 1939, p. 6].

2) Нет, **мистер** Ломбард, тут я должен поставить точку [пер. Беспаловой, 1990, с. 186].

3) Нет, **капитан** Ломбард, это все, что мне позволено вам сообщить [пер. Екимовой, 2016, с. 2].

4) Nein, **Captain** Lombard, das sind die Konditionen [Deitmer, 2017, S. 11].

Рассматривая данный пример, необходимо отметить, что в ИТ “Ten Little Niggers” оригинальное *Captain Lombard* используется как профессионализм – единица, номинирующая воинское звание – чин офицера [Англо-русский военный словарь, 1987, с. 226]. Л.Г. Беспалова передает единицу ИТ как *мистер Ломбард*, лишая ее принадлежности к определенному дискурсу и сводя офицерский статус до обычного вежливого обращения практически к любому мужчине. Такой прием нельзя идентифицировать как генерализацию, а можно считать лишь ошибкой перевода, которая разрушает образ персонажа и искажает авторскую интенцию. В то же время в переводе Н.В. Екимовой также обнаруживается неточность: звание гвардии *капитан* в системе российской армии – на момент описываемых в романе событий – соответствует чину подполковника, поэтому данная единица ПТ не может быть признана эквивалентом единицы ИТ. S. Deitmer передает реалию транслитерацией *Captain*, также без должного учета различия воинских званий в армии Британии и Германии, ее вариант перевода – не эквивалентен ИТ и может ввести читателя ПЯ (немецкого) в заблуждение относительно профессионального статуса персонажа. Таким образом, факты свидетельствуют о неполном понимании анализируемой единицы ИТ переводчиками (очевидно, в силу их гендерной принадлежности) и неверном выборе приема передачи реалии на ПЯ (русский и немецкий).

Профессионализмы представляют значительную трудность в межкультурной передаче даже для близкородственных лингвокультур. Рассмотрим пример, ярко иллюстрирующий эту тенденцию.

- 1) *There had been that nice middleaged woman-Mrs.-Mrs. now what was her name? – her father had been a **Canon*** [Christie, 1939, p. 6].
- 2) *Там жила та симпатичная пожилая женщина – миссис, миссис – как бишь ее фамилия? Ее отец был **каноником*** [пер. Беспаловой, 1990, с. 187].
- 3) *Была там одна милая дама средних лет... мисс... мисс... ну как же ее звали?.. у нее еще отец был **каноником*** [пер. Екимовой, 2016, с. 2].

4) *Da war diese nette Dame mittleren Alters - Miss - Miss – wie hieß sie den bloß? Ihr Vater war ein **Kirchenmann** gewesen* [Deitmer, 2017, S. 13].

Русскоязычные варианты перевода едины в отношении трансляции анализируемой единицы – используя транслитерацию, Л.Г. Беспалова и Н.В. Екимова, сохраняют языковые маркеры принадлежности к национальной культуре. S. Deitmer повышает статус отца мисс Олтон от *Canon* (канонника) до *Kirchenmann* (церковный деятель) или искажая реалию (которая в ряде контекстов может быть интерпретирована как *церковный староста*) при полной возможности передать этот статус церковнослужителя словарными эквивалентами немецкого языка *Stiftsherr* или *Chorherr*.

Рассмотрим следующий яркий пример из романа “Ten Little Niggers”:

1) *Should he stop here for a drink, or push on? Heaps of time! Only another hundred miles and a bit to go. He'd have a **gin and gingerbeer**. Fizzing hot day!* [Christie, 1939, p. 14]

2) *Остановиться здесь выпить или ехать дальше? Времени у него вагон. Осталось проехать всего какие-нибудь полторы сотни километров. Он, пожалуй, выпьет **джину с имбирным лимонадом**. Жара просто невыносимая!* [пер. Беспаловой, 1990, с. 190]

3) *Остановиться здесь, пропустить стаканчик, что ли? Все равно времени море. Ехать осталось всего каких-то сто миль. Да, пожалуй, можно выпить **джина с имбирным пивом**. День сегодня чертовски жаркий!* [пер. Екимовой, 2016, с. 3].

4) *Sollte er hier für einen Drink anhalten oder weiterfahren? Er hatte noch massenhaft Zeit. Nur noch hundert Meilen, wenig mehr. Er würde sich einen **Gin** und ein **Gingerale** genehmigen. Was für ein glühend heißer Tag* [Deitmer, 2017, S. 17].

В данном предложении название напитка “*gin and gingerbeer*” переводчики по-разному передали на русский и немецкий языки. Для русской культуры под словом пиво подразумевает практически исключительно алкогольный напиток на основе хмеля, и поэтому у носителей русской речевой культуры понятие «имбирное пиво» устойчиво ассоциируется прежде всего, а у

подавляющего большинства исключительно, с привычным россиянину хмельным пивом с соответствующим эффектом. Имбирное же пиво по вкусовым качествам, по рецептуре и по воздействию на организм ближе к лимонаду, хотя и не тождественно ему. Поэтому Л.Г. Беспалова облегчает понятие «*имбирное пиво*» и переводит как «*джину с имбирным лимонадом*», которое на наш взгляд, вполне можем считать адекватным переводом в контексте русской лингвокультуры и с учетом русской пищевой культуры. Что касается немецкого перевода, то S. Deitmer переводит как «*имбирный эль*» (*Gingerale*) созвучно немецкой культуре. Таким образом, ввиду несовпадения исходных текстов для различных версий соответствующая реалия окажется наличествующей в одних переводах и отсутствующей в других [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2019, с. 492].

Рассмотрим следующий пример:

1) *With a devastating ear-splitting blast on the horn an enormous **Super Sports Dalmain** car rushed past him at eighty miles an hour* [Christie, 1939, p. 13]

2) *Его оглушил пронзительный автомобильный гудок – мимо со скоростью **километров сто тридцать** как минимум промчался огромный «**супер спортедалмейн**»* [пер. Беспаловой, 1990, с. 190]

3) *Тут мимо него, оглушительно сигналя, на скорости восемьдесят миль в час промчался роскошный автомобиль, «**Суперспортс Далмейн**»* [пер. Екимовой, 2016, с. 3].

4) *Mit ohrenbetäubendem Hupenbrausteeinriesiger **Dalmain Sportwagen** mit achtzig Meilen pro Stunde an ihm vorbei* [Deitmer, 2017, S. 16].

По словам С. Влахова и С. Флорина, понятие «перевод реалий» дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки как правило, она передается (в контексте) не путем перевода. И тем не менее, вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, как ее перевести [Влахов, Флорин, 1986, с. 88 – 89]. Обращаем внимание на особенности передачи реалий, где при передаче название автомобиля “*Super Sports Dalmain*” и в русских переводах «*супер спортедалмейн*»

(Л.Г. Беспаловой), «*Суперспортс Далмейн*» (Н.В. Екимовой), и в немецком переводе “*Dalmain Sportwagen*” (S. Deitmer), переводчики обратились к помощи транслитерации, на наш взгляд, эти варианты перевода можно считать адекватными. Лексические единицы, обозначающие принятые в каком-либо обществе фрагменты системы мер (веса, расстояния, скорости, температуры и т.п.), также входят в состав национальной языковой картины мира и отражают принадлежность к определенной стране, культуре и т.п. В переводе Л.Г. Беспаловой оригинальное *eighty miles*, имеющее национальный маркер, передано как «километров сто тридцать», что представляет собой приблизительный, но не точный пересчет миль в привычные русскоязычному читателю *километры*. Отсюда следует согласиться с мнением Л.И. Борисовой, что адекватный перевод таких реалий достигается путем подбора соответствующих русских аналогов и путем адекватной замены [Борисова, 2016, с. 151]. Функциональный аналог дает иноязычному читателю представление о скорости движения автомобиля (в соответствии с его лингвокультурой), а при переводе с помощью транслитерации (как в ПТ Н.В. Екимовой) этот аспект содержания утрачивается.

Анализ функций и перевода реалий, иллюстративные примеры которого были представлены выше, позволяет нам утверждать, что проблема их перевода не исчерпывается только лингвистическими вопросами, но в значительной степени сопряжена с лингвокультурологией. В подвергнутых анализу романах А. Кристи передача национально-маркированных единиц в условиях диахронии вариативна и зависит от:

- типа и функции реалии;
- от наличия функциональных аналогов (или словарных эквивалентов) реалиям ИТ в ПЯ;
- от индивидуальных предпочтений переводчика, избирающего один из нескольких возможных приемов в соответствии с разной стратегией;
- от прогноза переводчиком лингвокультурной компетенции аудитории (наличия большего или меньшего запаса фоновой информации).

Делая вывод из вышесказанного, отметим, что анализ особенностей перевода реалий в романах А. Кристи на русский и немецкий языки выявил важные характеристики передачи маркированной лексики. Переводческие приемы у различных языковых посредников (даже при условии принадлежности их к одной лингвокультуре) различаются, воплощая феномен переводной множественности, в значительной степени определенной диахроническим характером межъязыковой передачи.

2.6. Функционирование интертекста и его передача во внутриязыковом и межъязыковом пространстве перевода

Интертекст как объект перевода представляет, с одной стороны, большой исследовательский интерес, с другой, дает возможность переводчикам проявить свое мастерство. В анализируемом романе “Ten Little Niggers” интертекст связан с названием романа и является одной из версий известной английской детской считалочки, многократно переведенной на русский язык. Вокруг этого интертекста развернулись многочисленные и весьма жаркие дискуссии переводоведов и издателей.

Проживая на территории практически любого многонационального государства, в той или иной мере в зависимости от конкретной страны и эпохи так или иначе, в той или иной мере приходится сталкиваться с теми или иными формальными и неформальными, возведенными в ранг закона или незаконными проявлениями расовой и этнической дискриминации. В связи с этим усилия политкорректности были и остаются направленными на исключение любых проявлений дискриминации для мирного сосуществования представителей различных народов и культур как в рамках одного какого-либо государства, так и на межрегиональном и международном уровнях.

Весь XX в. прошел под знаком борьбы за то, чтобы в конце века появилось устоявшееся в политике и культуре многоаспектное понятие «политкорректность»: борьба за то, чтобы люди обращались друг к другу с уважением независимо от пола, национальности, принадлежности к той или иной культуре, приверженности тем или иным мировоззренческим устоям [Хроменков, 2014, с. 191 – 193]. Одним из аспектов политкорректности является наименование представителей того или иного этноса со стороны людей, принадлежащих другой этнической (расовой, национальной) группе. Следует признать, что борьба за этически приемлемые наименования народов в разных странах началась задолго до того, как на Западе появился сам термин *political correctness* (политкорректность).

В нашем исследовании анализируются проявления политкорректности в художественной литературе, в которой наряду с таковыми нередко можно встретить невежливость, злую иронию, надменность по отношению к другим расам и народам.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что сторонники политкорректности настаивают на запрете большого количества прозвищ, которые признаются оскорбительными для представителей той или иной национальности и служат разжиганию межэтнической вражды. Понятие расизм нам хорошо известно, как и англоязычным странам. Поэтому перевод в контексте следования принципам политкорректности играет значимую роль в диалоге культур, трактуется как фактор межкультурной коммуникации [Хроменков, 2013, с. 114 – 119]. Благодаря переводу с английского в русский язык проникли тенденции расовой политкорректности, например: *Black, Negro*, или по-русски *черный* и *негр* давно не употребляются, их заменяет *Afro American* или *афроамериканец*, а также *Indian (индеец)*, вместо которого предпочтительней употребить (*коренной американец, native american*). Однако, значение того или иного слова часто определяется контекстом и зависит от собеседника, особенно от принадлежности человека к той или иной группе. Иногда даже безобидные слова могут быть восприняты как оскорбление,

поскольку, по мнению Л.А. Городецкой, язык не может быть нейтральным в обществе, в котором в той или иной мере, в тех или иных проявлениях присутствует расизм [Городецкая, 2001, с. 78 – 86]. Соображения политкорректности в ряде случаев приобретают крайнюю степень, из-за чего происходит не перевод, а изменение исходного текста уже другого рода, подчас именуемое «обновлением», но фактически являющееся его искажением [Хухуни, Осипова, 2012, с. 55].

А.Д. Швейцер пишет: «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [Швейцер, 1988, с. 4]. Отсюда следует вопрос о том, каким должен быть перевод, но на этот вопрос мы можем получить много ответов. Среди них чаще всего на первое место ставятся такие характеристики, как адекватность, точность, полнота, грамотность. Однако редко можно услышать о «вежливости» перевода в отношении людей с иными внешними признаками, или, другими словами, о политкорректности. Но это немаловажно, особенно при переводе с одного языка на другой, поскольку языковая вежливость очень важна в межкультурной и межъязыковой коммуникации. Нами было проведено исследование о политкорректности при внутриязыковом и межъязыковом переводах на материале романа британской писательницы А. Кристи “Ten Little Niggers”, написанном в 1939 г.

В 1978 г. Р. Якобсон обратил внимание на то, что, кроме собственно межъязыкового перевода, выделяются еще и внутриязыковой перевод (переименование), при котором переводчик интерпретирует сообщения в другие знаки того же языка [Якобсон, 1978, с. 17]. Прежде чем обратиться к анализу примеров, рассмотрим несколько определений внутриязыкового перевода.

Понятие внутриязыкового перевода традиционно связывают с известной статьей Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода», в которой они определяются следующим образом: 1) Внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка ... [Якобсон, 1985, с. 362]. Внутриязыковой перевод – это и перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой [Максименко, 2016, с. 112], пересказ на том же языке, изложение, адаптация текста. Внутриязыковые переводы, представляя собой особые явления, в ряде моментов соприкасаются с межъязыковым переводом и позволяют лучше понимать присущие последнему закономерности [Нелюбин, 2007, с. 19].

В условиях диахронии оригинал может подвергаться трансформациям для адаптации к актуальным лингвистическим особенностям и внелингвистическим реалиям. Соответствующий фактический материал представляет примеры внутриязыкового перевода (в английском языке):

1) *She had pictured it differently, close to shore, crowned with a beautiful white house. But there was no house visible, only the boldly silhouetted rock with its faint resemblance to a giant **negro`s head*** [Christie, 1939, p. 18].

2) *She had pictured it differently, close to shore, crowned with a beautiful white house. But there was no house visible, only the boldly silhouetted rock with its faint resemblance to a giant **Indian`s head*** [Christie, 1940, p. 22].

Подчеркивая сказанное выше, отметим, что действительно, А. Кристи, хотя и не была расисткой, в своем романе не придерживалась политкорректности: это ярко демонстрирует пример 1) первом предложении (из оригинала романа).

При публикации романа в США словосочетание “*negro`s head*” (голова негра), заменили на “*Indian`s head*” (голова индейца), так как в англоязычном мире слово «негр» воспринимается чернокожими людьми, как оскорбление. Такая лексическая замена эвфемизмом при внутриязыковом переводе

позволила избежать ситуации коммуникативной неудачи из-за возможного негативного эффекта, не задуманного автором произведения.

Обратимся к анализу примеров межъязыкового перевода:

3) *Остров представлялся ей иначе – ближе к берегу, с прекрасной белой виллой на вершине. Но никакой виллы не было, только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая **человеческую голову с толстыми губами и носом*** (пер. с англ. Екимовой) [Кристи, 2016, с.34].

4) *Остров представлялся ей иначе – ближе к берегу, с прекрасной белой виллой на вершине. Но никакой виллы не было, только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая **человеческую голову с толстыми губами и носом*** [пер. с англ. Екимовой, 2016, с. 34].

Включение перевода в сферу межкультурной коммуникации позволяет поставить вопрос о возможности применения межкультурного подхода к переводу художественной литературы для обеспечения адекватной передачи социокультурного компонента исходного текста [Епифанцева, 2017, с. 40].

Хронологически первая передача на русский язык не затронула этот сегмент трансформациями, перевод выполнен в русле строгой словарной эквивалентности. Позже Н.В. Екимова во избежание употребления слово *негр* и придерживаясь политкорректности, подробно описала остров: *человеческая голова с толстыми губами и носом*. Переводчику пришлось прибегнуть к описательному переводу, чтобы дать читателю представление об авторской идее. В данном случае лексическая единица, которая могла бы быть понята как дисфемизм, замещается семантически нейтральным вариантом. Лексема, имеющая устойчивое словарное соответствие в языке перевода, трансформируется, эквивалентный перевод превращается в прагматическую адаптацию нормам современной лингвокультуры.

5) *Sie hatte sich die Insel anders vorgestellt. Nah an der Küste, gekrönt von einem schönen weißen Haus. Aber es war kein Haus zu sehen, nur die kühnen Umrisse des Felsens, der an einen **gigantischen Männerkopf** erinnerte. Er sah irgend wie finster aus. Sie erschauerte leicht* [Deitmer, 2017, S. 24].

Как можно заметить, при переводе романа на немецкий язык – для публикации его в Германии, Австрии и Швейцарии – переводчики строго придерживаются политкорректности. Как демонстрирует пример 5 выше, S. Deitmer, как и Н.В. Екимова, заменяет слова *negro's head* на *gigantischen Männerkopf* (гигантская человеческая голова), что сужает идею автора ввиду стремления переводчика к политкорректности.

Таким образом, исходный образ «головы негра» в рассмотренных примерах переводов на русский и немецкий трансформируется хотя и в одном политкорректном русле, но двояко (в первом случае в описательный образ, во втором – в некую абстрагированную гигантскую голову), что обусловливается идиостилем каждого переводчика.

Различия в ПТ романа (внутриязыкового и межкультурного) объясняются протяженностью во времени, диахронией. Важно отметить, что рецепция романа в поликультурном англоговорящем мире и в немецкой лингвокультуре охватывает период свыше 70 лет со значительными изменениями в экономике, политике, культуре, литературе.

Талант автора заставляет читателя не только поверить в реальность вымысла, но и привлечь его на авторскую сторону, убедить читателя в обоснованности и правоте взгляда писателя на мир и социально значимые проблемы общества [Епифанцева, 2017, с. 41]. Автор и читатель должны «найти друг друга» и «пережить» содержание текста [Левченко, 2016, с. 103].

В исследуемом романе встречаются случаи, когда в языке оригинала автор использует вежливые слова, например: *natives* (*уроженец или коренной житель какой-нибудь местности или страны*), но при передаче на русский язык переводчик использует более грубую версию этого слова *дикарь*. Это можно объяснить тем, что в сюжете романа неизвестный человек по имени А.Н. Оним (т.е. АНОНИМ) собирает на Негритянском острове убийц, которым удалось избежать наказания. В ходе исследования нами было выявлено, что этих нехороших людей автор сравнивает с неграми. Ни для кого не секрет, что раньше негров считали дикарями, не принимали за людей, априори приписывая

им склонность к насилию. В связи с этим в русском переводе многократно встречаются дисфемизмы на протяжении всего ПТ. Рассмотрим на следующем примере разговор Веры и Эмили Брент:

1) *Vera said: "They were only **natives**..."*

*Emily Brent said sharply: "**Black or white**, they are our brothers."*

*Vera thought: "**Our black brothers – our black brothers**. Oh, I'm going to laugh. I'm hysterical. I'm not myself..."* [Christie, 1939, p. 71].

2) *Vera said: "They were only **natives**..."*

*Emily Brent said sharply: "**Black or white**, they are our brothers"*

*Vera thought: "**Our black brothers – our black brothers**. Oh, I'm going to laugh. I'm hysterical. I'm not myself..."* [Christie, 1940, p. 69].

3) – Но ведь то были **дикари** ... - возразила мисс Клейторн.

Эмили Брент резко бросила:

- **Белые** или **черные**, все они наши братья.

- **Черные братья** ... наши **черные братья** ... - подумала Вера. – Ой, не могу, сейчас расхожусь. У меня истерика. Я не в себе ... [пер. Екимовой, 2016, с. 121].

4) *"Das waren nur Eingeborene," sagte Vera.*

*Emily Brent entgegnete scharf: „**Schwarz oder weiß**, sie sind unsere Brüder.“*

*„Unsere **schwarzen Brüder**,“ dachte Vera, „unsere **schwarzen Brüder**. Gleich fange ich an zu lachen. Ich bin hysterisch. Ich bin nicht mehr ich selbst ...“* [Deitmer, 2017, S. 84].

Необходимо отметить один важный момент, имеющий особое значение в нашем исследовании. В измененной версии (американской) появилось одно странное несоответствие. Оно бросается в глаза при обращении к тексту внутриязыкового перевода, и полностью отсутствует в межъязыковом переводе (в текстах на русском и немецком языках). Речь идет об эпизоде, где Вера говорит о *наших черных братьях*. Когда в русско- и немецкоязычном тексте фигурируют *негры*, вопросов не возникает. А вот в измененной при внутриязыковом переводе американской версии про *индейцев* возникает

коммуникативный диссонанс: появление *черных братьев* не имеет тут контекстной связи и вызывает сбой в восприятии читателя. Следует отметить, что в рассматриваемом аспекте текстовой целостности русский и немецкий переводы представляются более удачными, чем американская англоязычная версия романа. Н.Г. Епифанцева считает, что в художественном переводе важно определить взаимосвязь между национальной языковой картиной мира (объективного мира, отраженного в сознании конкретного языкового сообщества) и индивидуальной национальной языковой картиной мира (как результата отражения объективного мира сознанием отдельного индивида – носителя того или иного национального языка) [Епифанцева, 2017, с. 46].

Рассмотрим следующий яркий пример:

1) *Lombard said: "I mean - it explains **Nigger Island**. There are crimes that cannot be brought home to their perpetrators. Instance, the Rogers'. Another instance, old Wargrave, who committed his murder strictly within the law"* [Christie, 1939, p. 74].

2) *Lombard said: "I mean - it explains **Indian Island**. There are crimes that cannot be brought home to their perpetrators. Instance, the Rogerses'. Another instance, old Wargrave, who committed his murder strictly within the law"* [Christie, 1940, p. 72].

3) *Ломбард сказал: «Я хочу сказать – **Негритянский остров**. Есть убийства, когда доказать вину просто невозможно. Взять хотя бы Роджерсов. Или старину Уоргрейва, который убил строго в рамках закона ...»* [пер. Екимовой, 2016, с. 126].

4) *„Ich meine - das erklärt **Nigger Island**,“ sagte Lombard. „Es sind alles Verbrechen, die den Tätern nicht nachgewiesen werden können. Zum Beispiel die Rogers'. Ein anderes Beispiel der alte Wargrave, der seinen Mord im Rahmen der Gesetze verübte“* [Deitmer, 2017, S. 87].

Из вышеприведенных нами примеров можно сделать следующие выводы.

1. В измененной (американской) версии романа все воспринимаемые издателями (и вероятно, читателями) дисфемизмы «негритята» заменили

нейтральной лексемой «индейцы». С точки зрения политкорректности, американскую версию можно считать адекватной благодаря ее прагматической установке на реципиента. Но, следует отметить, что в американской версии в рассматриваемом случае искажается идея автора и нарушается сюжетная целостность романа.

2. При межъязыковом переводе мы выявили частичное применение политкорректной передачи. Они получили выражение в изменении названия романа в хронологически последнем издании произведения на немецком языке и некоторых внутритекстовых преобразованиях в русскоязычном издании 2016 г., где для дисфемизмов использованы переводческие приемы лексико-семантических замен.

Проанализировав тексты оригинала романа А. Кристи “Ten Little Niggers” на британском и американском английском, мы коснемся лишь некоторых моментов внутриязыкового перевода в условиях поликультурности, диахронии и синхронии.

Роман А. Кристи “Ten Little Niggers” вышел в свет в начале второй трети XX в. т.е. в ноябре 1939 г., через два месяца после начала Второй Мировой войны. По словам У. Оделотта, «детектив является историческим источником культурных значений и заслуживает доверия» [Белозерова, 2006, с. 12]. С первых строк романа “Ten Little Niggers” чувствуется английский стиль отражения внешней действительности в языке: сдержанность, замкнутость, неразговорчивость героев, стремление к самостоятельному переживанию чувств, неявная эмоциональность. Эти особенности мировосприятия и английской культуры старалась передать читателю А. Кристи. В начале романа автор раскрывает, каким образом заманили всех героев на этот остров. Повествование так же ведется частично от каждого героя. Поэтому в течение всего романа мы можем знать, что чувствует каждый герой в этой жуткой ситуации, а именно – когда они заперты в мышеловке среди людей, которых по одному убивает убийца.

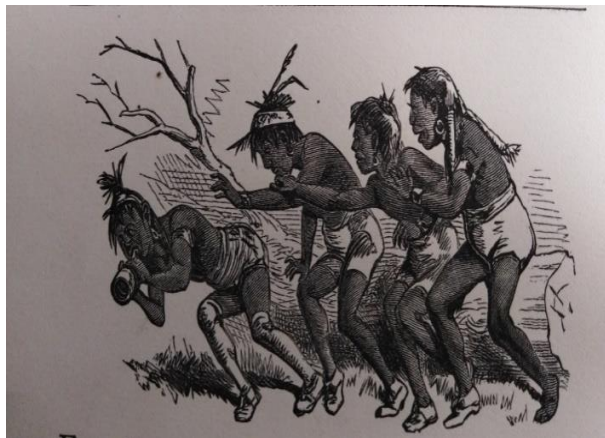
Десять незнакомцев прибывают на остров, приглашенные неизвестным хозяином, при этом каждый из них хранит тайну своего преступления, и каждый должен за него заплатить собственной смертью. Роман “Ten Little Niggers” сделал А. Кристи самым продаваемым романистом всех времен, он читается во всем мире, переведен более чем на 50 языков, издается огромными тиражами. А. Кристи пишет: *“so difficult to do that the idea had fascinated me”* («так трудно было сделать, что эта идея меня увлекла») [Bunson, 2000, p.19]. Эта идея теперь является основой для многих голливудских фильмов ужасов и стала клише для современной аудитории, но именно А. Кристи сделала это так успешно, что роман стал наиболее известным из всех ее произведений. В газете «Нью-Йорк Таймс» (New York Times), опубликованной в 1939 году, сказано: *“utterly impossible and utterly fascinating ... the most baffling mystery Agatha Christie has ever written”* («Все это совершенно невозможно и совершенно увлекательно. Это самая загадочная загадка, которую когда-либо писала Агата Кристи») [And then there were none, 2015, Электронный ресурс].

Название произведения и интертекстуальная форма считалочки являются сюжетообразующими элементами авторской манеры А. Кристи. Во многих ее произведениях роль считалочки аналогична и сопровождает все повествование (“A Pocket Full of Rye”, “One, two, Buckle my Shoe”, “Mrs. McGinty’s Dead” и др.). Именно поэтому основное внимание в нашем исследовании направлено на выявление причин и последствий изменений этих элементов.

Любой художественный перевод в принципе, а особенно перевод интертекста в самых разных его формах, в том числе в рассматриваемых в нашем исследовании формах стихков и считалочек, является делом весьма сложным. Интертекстуальные элементы, как подчеркивают М.В. Вербицкая и А.А. Гусева, имеют двоякую природу: с одной стороны, он является только компонентом другого – полноформатного – высказывания; с другой стороны, это достаточно самостоятельный элемент, заключающий в себе отдельный смысл [Вербицкая, Гусева, 2009, с. 13].

Анализ фактического материала нужно, на наш взгляд, начинать с рассмотрения истории считалочки, являющейся сюжетным стержнем романа. Источником этого текста считалочки послужил сборник детских стихов “Mother Goose Rhymes” («Сказки Матушки Гусыни») [Heineman, 1913, p. 28]. Это самая знаменитая, самая читаемая книга в странах, где говорят по-английски. В этой книге есть стихи, песенки, сказки, пословицы, загадки, считалки, и даже дразнилки. Впервые все это было собрано и напечатано в Англии более чем 200 лет назад, затем в Голландии (1913 г.), в Дании (1922 г.), в Исландии (1922 г.), в Финляндии (1940 г.), в Бельгии (1941 г.) и вдохновлял детишек по всему миру. С тех пор «Матушка Гусыня» издается каждый год. Важным моментом, на который необходимо, на наш взгляд обратить внимание – это то, что в оригинале считалочки никаких негритят нет. Изначально, считалочка было комической песней и хором, называлась “Ten Little Injuns” (Десять маленьких индейцев) и было опубликовано в Лондоне в июле 1868 г., автором которым был С. Виннер (S. Winner). Обратимся к оригиналу считалочки (см. табл. 6):

Таблица 6 – Оригинал считалочки из сборника “Mother Goose Rhymes”

S. Winner, 1868	McLoughlin brothers, 1941
Ten little Injuns standin` in a line,  One toddled home and then there were nine;  <b>Nine little Injuns</b> swingin` on a gate, One tumbled off and then there were eight. One little, two little, three little, four little, five little Injun boys, Six little, seven little, eight little, nine little, ten little Injun boys. Eight little Injuns gayest under heav`n, One went to sleep and then there were seven; Seven little Injuns cutting up their tricks, One broke his neck and then there were six.	

Six little Injuns kickin` all alive,
 One kick`d the bucket and then there were five;
Five little Injuns on a cellar door,
 One tumbled in and then there were four.
Four little Injuns up on a spree,
 One he got fuddled and then there were three;
Three little Injuns out in a canoe,
 One tumbled overboard and then there were two.
Two little Injuns foolin` with a gun,
 One shot t`other and then there was one;
One little Injun livin` all alone,
 He got married and then there were none.

[McLoughlin brothers, 1941, p. 198]

Когда А. Кристи в 1939 г. опубликовала свой детектив, известный под названием “Ten Little Niggers”, она и представить не могла, какие связанные с политкорректностью проблемы возникнут в дальнейшем. Стоит отметить, что британская писательница не раз в качестве заглавия своих произведений использовала строчки детских стишков, развивая потом в сюжете детектива основу стихотворения. Примерами являются романы “Five little pigs”, “One, Two, Buckle My Shoe”, “Crooked House”, “A Pocket Full of Rye”, “Hickory Dickory Dock”, “By the Pricking of My Thumbs”, “Mrs McGinty`s Dead”, “The Mirror Crack`d from Side to Side”.

На этот раз мы говорим о десяти негритятах, которые погибали один за другим. Герои детектива поочередно умирают в точном соответствии с ее текстом. В первоначальном англоязычном варианте заглавия (*Ten Little Niggers*) присутствовало оскорбительное слово, которое А. Кристи перенесла из стишка. События в детективе развивались на острове, также носившем название *Nigger Island* (Негритянский остров). Вспоминается стишок в переводе: «Десять негритят пошли купаться в море. / Десять негритят резвились на просторе. / Один из них утон, ему купили гроб. / И вот вам результат – девять негритят» [КабакчиURL: vorto.ru/statyi/oshibka-agaty-kristi]. Необходимо отметить, что королева детектива не была расисткой. Она просто выросла с этим детским

стишком, не имевшим в то время негативной коннотации, и не обратила внимания на «нехорошее слово».

Действительно, в старину песенки, известные теперь под названиями «детских», называли «песнями матушки Гусыни», а порой «стишками матушки Гусыни» (*Mother Goose`s songs, Mother Goose`s ditties, Mother Goose`s rhymes* – притяжательная форма нередко опускалась). Загадочная фигура «матушки Гусыни» давно уже занимает историков литературы и фольклористов. Высказывались самые различные предположения относительно того, кем она была [Heineman, 1913], однако с уверенностью можно сейчас утверждать лишь немного. В Англию «матушка Гусыня» проникла благодаря сказкам Ш. Перро (*Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités or Contes de ma mère l'Oye* – «Истории или сказки былых времен, с поучениями Матушки Гусыни», опубликованные в Париже в 1697 г.). Во французском издании на фронтисписе была изображена старуха у камина, рассказывающая сказки детям. В середине XVII в. «сказка матушки Гусыни», было весьма распространено во Франции. Возможно, своим происхождением оно обязано тому, что традиционной сказительницей в те времена была старуха-крестьянка, пасшая деревенских гусей.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в немецком языке существует аналогичная фигура – *Frau Gans / Mutter Gans*, которая ассоциируется со всевозможными народными приметами и сказками. Она напоминает героиню английского фольклора матушку Хаббард (*old Mother Hubbard*). Слово «матушка», поставленное перед собственным именем (а точнее: фамилией), в те времена свидетельствовало о простонародном происхождении героини. Отсюда и следует отметить появление стихотворений «Матушки гусыни» в романах А. Кристи, так как автор родилась в 1890 г., ее поколение полностью выросло под влиянием этих стихотворений. Во всех случаях название, предваряя содержание озаглавленного им текста, не несет в себе семы тождества с определенной психологической временной зоной. Такая отнесенность, безусловно, существует, но не как время, зафиксированное в названиях, а как

время, конкретно совпадающее с содержанием произведения, внутренне связанного с описанием эпохи, на фоне которой оно развивается [Кошечкина, Кузьменко, Макарова, 2018, с. 62].

Название как единица текстологии и как составной компонент произведения – это еще и форма художественного времени [Кошечкина, Кузьменко, Макарова, 2018, с. 60]. Следует отметить, что с оригинальным названием в Британии книга вышла лишь раз, издавать детектив в первоначальной редакции названия впоследствии стало невозможно. В США из-за политкорректности, в качестве названия взяли последнюю строчку стишка: “And Then There Were None” («И тогда никого не стало»), а негритят в стишке, приводимом в начале детектива, поменяли: в одних изданиях на индейцев “Ten Little Indians”, в других – на солдатиков “Ten Little Soldiers”. Безобидная считалочка приобрела зловещий смысл в контексте детектива, с существенными различиями в его британской и американской версиях издания (см. табл. 7):

Таблица 7 – Сравнение британской и американской версий издания романа “Ten Little Niggers”

Британский английский, 1939г.	Американский английский, 1940г.
Ten little nigger boys went out to dine; One choked his little self and then there were Nine. Nine little nigger boys sat up very late; One overslept himself and then there were Eight. <...> Two little nigger boys sitting in the sun; One got frizzled up and then there was One. One little nigger boy left all alone; He went and hanged himself and then there were None.	Ten little Indian Boys went out to dine; One choked his little self and then there were nine. Nine little Indian Boys sat up very late; One overslept himself and then there were eight. <...> Two little Indian Boys sitting in the sun; One got frizzled up and then there was one. One little Indian Boy left all alone; He went out and hanged himself and then there were none.

[Nelson and Sons, 1982, p.90]

[Loughlin brothers, 1941, p.198]

Однако, если обратиться к рассмотрению вопроса о происхождении самой считалочки, удастся обнаружить любопытный факт: в книгах таких авторов как F. Green, D.Tucker, T. Kennick, W. Notley, W. Shepherd, J. Crow обыгрывается и даже переделывается стихотворение. Рассмотрим первый куплет считалочки в разные годы и в книгах разных авторов (см. табл. 8):

Таблица 8 – Первый куплет считалочки в разные годы и в книгах разных авторов

Авторы	Название, год	Отрывок считалочки
F. Green (music by M. Mason)	“Ten Little Niggers”, Feb. 1869 – «Десять маленьких ниггеров », февраль 1869 г.	Nine little niggers crying at his fate, One cried himself away, and then there were eight. Eight little niggers slept until eleven, One over-slept himself then there were seven... Девять маленьких негров , думали о судьбе; Один вскрикнул – их осталось восемь. Восемь маленьких негров проспали до одиннадцати, Один не встал – их осталось семь... (пер. А.А. Касымбековой)
D.Tucker	“Ten Little Negroes ”, Mar.1869 – «Десять маленьких негров », март 1869 г.	Ten little Negroes climbing up a pine, One fell and broke his neck and then there were nine... Десять маленьких негров , поднимались по сосне, Один упал и сломал шею – их осталось девять (пер. А.А. Касымбековой)
T.Kennick	“Ten Little Darkies ”,	Ten little Darkies stood all in a line,

(arranged W. Notley)	June 1869 – «Десять Маленьких Темных », июнь 1869 г.	One ran away and then there were nine Десять маленьких Темных , стояли на крючке, Один из них убежал – их осталось девять (пер. А.А. Касымбековой)
W. Shepherd	“Ten Youthful Africans ”, Sept. 1869 – «Десять юных африканцев», сентябрь 1869 г.	Ten youthful Africans sailing up the Rhine, One tumbled over board and then there were nine... Десять юных африканцев , плывущих по Рейну, Один упал за борт – их осталось девять... (пер. А.А. Касымбековой)
A. Graduate (ранняя пародия)	“Ten Undergraduates ”, May 1869 – «Десять студентов », май 1869 г.	Ten Undergraduates going out to wine, One got proctorized then there were nine... Десять студентов , собрались пить вино, Один был отчислен - их осталось девять... (пер. А.А. Касымбековой)
D. Tucker	“Ten Little Darkies ”, 1870 – «Десять Маленьких Темных », сентябрь 1870 г.	Ten little Negroes sitting on a line, One tumbled on his head and then there were nine... Десять маленьких негров , сидели на крючке, Один из них упал – их осталось девять... (пер. А.А. Касымбековой)
J. Crow	“Ten Little Negro Boys ”, Dec. 1874 – «Десять Маленьких Негритянских Мальчиков », декабрь 1874 г.	Ten little Negroes drinking Sherry wine, One swallowed glass and all then there were nine ... Десять маленьких негров пили по бокалу вина, Один проглотил стекло – их осталось девять... (пер. А.А. Касымбековой)

Популярность романа А. Кристи, сюжет которого построен на считалочке с разными интерпретациями, предопределяет возможность и различных трактовок при переходе через языковой и культурный барьер. Можно с уверенностью утверждать, что процесс перевода будет всегда разным у каждого отдельно взятого переводчика, и никакие два перевода одного оригинала никогда не будут одинаковыми. Процесс перевода всегда носит креативный характер. Переводчик интерпретирует оригинал на основе собственного понимания, так или иначе привнося в него частицу своего собственного «я», что может выражаться в различных модификациях подлинника, хотя любой текст и любое высказывание являются культурно обусловленными, принадлежащими к определенной культуре [Нелюбин, 2009,

с. 63]. Считается, что в 1869 г. F. Green изменил название на «Десять маленьких ниггеров», в этой версии стишок стал широко известен в Европе и использовался в романе А. Кристи с этим же названием.

Привлекает внимание судьба считалочки и названия романа в других европейских переводах. Полноценное знакомство с любой культурой предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической, экономической детерминанты и других параметров, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителя языка этой культуры. [Нелюбин, 2009, с. 65]. Русскоязычное издание детектива “Ten Little Niggers” оказалось, в известном смысле, уникальным, поскольку там оставили исходных негритят и обошлись без подмены их индейцами или солдатами. Необходимо отметить, что отечественные переводчики подошли к заглавию деликатно: они воспользовались суффиксальным богатством русского языка и заменили грубое слово «негр» нейтральным – «негритята», в одной лексеме совокупно воплотив значение словосочетания *little niggers*. Эта модуляция позволила соблюсти этику межкультурного общения. Немецкое название романа в переводе U. Gail (“Zehn kleine Negerlein”) максимально соответствует оригиналу; переводчица отказалась от политкорректности и передала анализируемые сегменты полными эквивалентами соответствующих сегментов авторского аутентичного текста А. Кристи.

В переводе S. Deitmer название романа хотя и отвечает принципам политкорректности (“Und dann gab’s keines mehr”), но в переводе считалочки текст максимально соответствует оригиналу и не принимает в расчет требований политкорректности (см. табл. 9):

Таблица 9 – Сравнение переводов считалочки на русский и немецкий языки

ПЯ – русский	ПЯ – немецкий
Десять негритят решили пообедать, Один внезапно подавился – и осталось девять.	Zehn kleine Negerlein , die zechten in der Scheun’. Eins verschluckte sich dabei, da waren's nur

Девять негритят уселись под откосом, Один заснул и не проснулся – их осталось восемь. <...> Последний негритенок, вздыхая тяжело, Пошел, повесился – и вот не стало никого. [пер.Екимовой, 2016, с.23]	noch neun. Neun kleine Negerlein, die blieben nachts lang wach. Eins schlief fest für immer ein, da waren's nur noch acht. <...> Ein kleines Negerlein, ganz für sich allein, das seufzte tief und schwer. Es ging ins Haus und hängte sich auf. Jetzt gab es keines mehr. [Deitmer, 2017, S.31]
---	---

Следует отметить также очень интересный факт: потомки А. Кристи заставили эстонское книжное издательство “Varrak” изменить название романа “Ten Little Niggers”. Это считается первым случаем, когда в Эстонии заменили слово «негр» в авторском названии произведения. Требование наследников А. Кристи было твердым и непреклонным: «негров» в названии романа быть не должно. Эстонские издатели были вынуждены вынести на обложку книги новое название – «И никого не стало» [Роман Агаты Кристи ..., 2008, Электронный ресурс].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, отметим несколько особенностей стишка-считалочки в романе А. Кристи в межкультурном и межкультурном аспектах:

1. Варианты этой песни широко публиковались как детские книги в европейском лингвокультурном пространстве с широкой амплитудой диахронии;

2. Суть этой песни не имела связи с дисфемичным именованием расовых групп: она была о темнокожих мальчиках, которые всегда оставались детьми, и была в равной степени любима детьми разных европейских языков и культур.

3. Популярная считалочка служит благодатной почвой для приложения творческих сил переводчиков, но одновременно исходная обилие версий считалочки провоцирует переводчиков на обращение к разным интерпретациям и формирует множественность перевода и стишка, и романа.

Завершая анализ фактического материала, можно сделать ряд выводов и обобщений, с новой стороны раскрывающих проблему внутриязыкового перевода, идиостилистики автора, прагматической адаптации текста.

1. Говорить об искажении авторской воли в данном случае можно с известной долей допущения. А. Кристи не выразила протеста в связи с изменением названия и отдельных сегментов романа в американском издании. Нарушения авторского права в данном случае не усматривается. Однако искажение авторского замысла однозначно характеризуется текстовыми несоответствиями, которые – в свою очередь, по причине их очевидности – подрывают читательское доверие. В рамках исследованного материала можно ставить вопрос о границах вторжения языковой динамики (в нашем случае – расовой политкорректности) в реализованное в тексте авторское произведение.

2. Изменения названия романа и отдельных текстовых сегментов, предпринятые в американском издании, могут быть идентифицированы как внутриязыковой перевод, т.к. представляют собой трансляцию авторского текста (на британском английском) в иную культуру, характеризующуюся иным видением мира.

3. Диахрония внутриязыкового перевода определяет изменения авторского текста в родной британской лингвокультуре и представляет собой удачный эмпирический материал для разработки отдельных вопросов прагматической адаптации (при межъязыковом и внутриязыковом переводе).

Все сказанное позволяет заключить, что внутриязыковой перевод при участии в процессе коммуникации различных лингвокультур, даже связанных общим языком, и в процессе временного удаления от оригинального текста приближается по основным характеристикам к межкультурной коммуникации, и может быть рассмотрен с новой точки зрения – как перевод в рамках традиционных понятий межъязыкового посредничества: «адекватны/неадекватный», или «перевод-интерпретация, перевод-адаптация/эквивалентный перевод», или «вольный/буквальный».

Выводы по главе 2

В целях объективной оценки степени адекватности перевода в рамках выше представленной главы проведен учет лингвистических и лингвокультурологических особенностей оригинала, составляющих идиостилистику А. Кристи, и средств ее языковой реализации в романах “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.

1. Анализ жанрово-стилистических свойств романов «королевы детектива» обеспечивает обнаружение наиболее сложных для перевода единиц ИТ, передача которых на разные языки в разное время носит дискуссионный характер. Ввиду комплексности проблем межкультурного диалога через художественную литературу мы остановимся на наиболее значимых чертах идиостилистики А. Кристи.

2. По результатам сопоставительного анализа оригинала и текстов перевода главными объектами перевода в романах А. Кристи, функционально-семантические характеристики которых во многом определяют переводческие трансформации при их межкультурной передаче, являются названия, антропонимы, реалии и интертекст (или прецедентные тексты считалочек и детских стишков).

3. Межкультурная и межкультурная передача названий представляет значительную трудность в связи с их высокой коммуникативной значимостью, их полифункциональностью, их сюжетообразующей ролью (в соответствии с жанровой спецификой детектива) или интертекстуальной связью с сюжетом (в соответствии с авторской идиостилистикой А. Кристи), интертекстуальной связью с прецедентными текстами британской лингвокультуры.

4. Передача имен собственных – антропонимов, агноменов, прецедентных имен в исследуемых романах А. Кристи определяется несколькими, нередко взаимодействующими, причинами: полифункциональностью имен собственных, их интертекстуальной связью с сюжетом (в рамках авторской идиостилистики А. Кристи) и с прецедентными

именами британской лингвокультуры. Прагматическая задача экспликации характера именуемого персонажа и различная степень мотивированности антропонимов обуславливают корреляцию между типом онима и способом его межъязыковой передачи.

5. Проблема перевода реалий не исчерпывается только лингвистическими вопросами, но в значительной степени сопряжена с лингвокультурологией. В подвергнутых анализу романах А. Кристи их передача в условиях диахронии вариативна и зависит от типа и функции реалии, от наличия функциональных аналогов (или словарных эквивалентов) реалиям ИТ в ПЯ, от индивидуальных предпочтений переводчика (выбирающего одну из альтернатив для реализации той или иной стратегии), от прогноза переводчиком лингвокультурной компетенции аудитории.

6. Интертекст как объект перевода в анализируемом романе “Ten Little Niggers” связан с названием романа и является одной из версий известной английской детской считалочки, многократно переведенной на русский язык.

7. Переводческие приемы передачи интертекста и маркированной лексики у различных языковых посредников при межъязыковой и внутриязыковой коммуникации различаются, воплощая феномен переводной множественности, в значительной степени определенной диахроническим характером межъязыковой передачи, требующей изменения стратегии передачи в соответствии с меняющимися речевыми стереотипами в пользу политкорректности.

8. Внутриязыковой перевод при участии в процессе коммуникации различных лингвокультур, даже связанных общим языком, и в процессе временного удаления от оригинального текста приближается по основным характеристикам к межкультурной коммуникации, и может быть рассмотрен с новой точки зрения – как перевод в рамках традиционных понятий межъязыкового посредничества: «адекватны/неадекватный», или «перевод-интерпретация, перевод-адаптация/эквивалентный перевод», или «вольный/буквальный».

Глава 3. Проблемы достижения адекватности перевода в диахронии

Вопрос о том, какими способами может быть достигнута адекватность перевода, остается открытым, т.к. каждый раз в переводе как коммуникативном акте переводчик принимает решение о лучшем приеме трансформации или об отказе от трансформации. Перед лицом выбора из нескольких альтернативных вариантов переводчики, работающие с одним ИТ, нередко расходятся во мнениях о том, какое решение можно считать оптимальным.

На выборе того или иного варианта сказывается множество факторов, роль которых охарактеризована в первой главе диссертационного текста. В настоящей главе следует подробнее остановиться на том, какую роль в данном вопросе играет диахронический характер асинхронного письменного перевода художественной литературы. Круг более частных вопросов, требующих внимательного анализа, в данном случае достаточно широк.

Диахрония перевода определяется тем временным диапазоном, который разделяет переводчиков и формирует амплитуду диахронии. История перевода как практики межъязыковых и межкультурных контактов знала много различных подходов к осуществлению передачи ИТ на ПЯ. С момента становления переводоведения самостоятельной наукой эти подходы тщательно изучались, сопоставлялись, развивались (количественно и качественно) и к нынешнему моменту представляют собой такую широкую гамму, которая не исключает и противоположных взглядов. В отношении передачи произведений одного автора, конечно, это расхождение количественно уменьшается, но все же отражает феномен переводной множественности.

В связи с вышеобозначенными особенностями диахронии перевода – в контексте настоящего исследования – далее подвергаются анализу история рецепции романов А. Кристи в родной британской лингвокультуре (с учетом временного диапазона), родственной американской, отдаленно родственной (немецкой) и неродственной русскоязычной. Объективность анализа требует

тщательного количественного анализа приемов перевода, использованных разными языковыми посредниками. Это позволяет проверить гипотезу исследования и обнаружить (на основе эмпирических данных) собственно лингвистические причины тех или иных трансформаций, влияние личности переводчика и внелингвистических тенденций (общественно-политического развития и стереотипов вербального поведения).

3.1. Рецепция романов А. Кристи в русской, немецкой, британской и американской лингвокультурах

Рецептивная эстетика воспринимает существование художественного произведения только через призму общения автора с читателем, в результате которого формируется смысл произведения. Один из основателей школы рецептивной эстетики В. Изер подчеркивал, что на протяжении многих веков люди испытывали и продолжают испытывать настойчивую потребность в литературном вымысле и руководствуются желанием не воспроизводить то, что уже было, а найти подход к тому, что недоступно [Изер, 2008, с. 7 – 8]. Теория рецептивной эстетики способна ответить на вопрос, почему возникает интерес к какому-либо произведению на другом языке, произведению «другой» культуры. Для нас не менее важен вопрос, при каких культурных условиях «чужой текст делается необходимым», когда и при каких обстоятельствах наступает момент возникновения необходимости «чужого» текста для творческого развития «своего» [Лотман, 1992, с. 110 – 121]. Первыми читают художественное произведение иноязычной культуры – переводчики [Олейник, 2013].

А. Кристи – одна из самых популярных и переводимых авторов. Роман А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” является первым произведением литературного творчества писателя, одним из величайших образцов мировой

детективной литературы XX века, который был написан в 1916 г. и опубликован в 1920 г. А. Кристи посвятила первую книгу своей матери, и уже в этом произведении содержались все элементы классического детектива [Ившин, 2004]. Рассматривая специфику этого произведения, следует однозначно отнести этот роман к поджанру герметичного детектива.

Упоминание о романе “*Mysterious Affair at Styles*” появляется в газете *The Times* (*The Times Literary Supplement*) 3 февраля 1921 г., где опубликована восторженная рецензия на роман, в которой утверждается, что «единственным недостатком романа можно назвать то, что он несколько чересчур замысловатый». Также в заключении сказано: «Говорят, что это первый роман автора, написанный ею на спор, что она сможет придумать детективную историю, в которой читатель до конца не сможет угадать преступника. Каждый читатель должен признать, что пари выиграно» [*The Mysterious Affair at Styles*, 2018, Электронный ресурс].

Переводы этого произведения, ставшего первым (и сразу удачным!) опытом создания ее идиостилистики, появились в более чем тридцати странах мира. Роман был переведен практически на 100 языков. В России роман впервые был представлен читательской аудитории в переводе А.Д. Смолянского в 1990 г. В скором времени появились переводы А. Васильчика в 1992 г., С. Шпака в 1994 г., А. Ващенко в 2002 г. Хронологически последний перевод выполнен переводчицей М.Ю. Юркан в 2015 г.

Первый немецкий перевод романа “*Mysterious Affair at Styles*” выполнен переводчицей А. Драве (A. Drawe) и опубликован в Германии издательством “*Georg Müller*” в 1929 г. под названием “*Das geheimnisvolle Verbrechen in Styles*”. Этот период определил особое восприятие творчества английской писательницы и ее многогранное влияние на интеллектуальную жизнь Германии [Barbian, 1995, S. 56].

Вторым переводчиком романа стала D. Gotfurt (Д. Готфурт), назвавшая его для немецкоязычного читателя “Das fehlende Glied in der Kette”. Её перевод увидел свет в 1959 г.

Третьим переводчиком романа является N. Schindler (Н. Шиндлер), создавшая свой перевод под предложенным Д. Готфурт (D. Gotfurt) названием “Das fehlende Glied in der Kette” в 2003 г., после чего он переиздается вплоть до настоящего времени.

При сравнении перевода А. Драве (A. Drawe) с текстом оригинала можно увидеть значительные изменения первоисточника. В своем переводе А. Драве (A. Drawe) сокращает примерно одну третью часть от исходного текста и вводит характерные изменения на протяжении всего романа. Например, в описании Пуаро его методология опущена и в ИТ он не имеет комического характера, представленного на страницах романа-перевода. Все особенности, которые отличают его от других детективов, опущены. Например, его изнеженность, опрятность и «иностранность» привычки. Описание персонажей и пейзажей, длинные разговоры, комические ситуации не встречаются в ПТ. Только сюжет остается не тронутым, а детали заметно сокращены и утрачены при передаче оригинала средствами ПЯ. Это объясняется тем, что переводчик в своей работе использует гипотаксис, анафоры и не в достаточной мере владеет английским языком. Этот перевод сильно отличается от перевода А. Драве (A. Drawe), который демонстрирует бережное обращение с ИТ. Характеризуя появление переводов романа А. Кристи на немецкий язык, нельзя не согласиться с тезисом А.Б. Криницына о том, что «универсализм немецкой культуры, необыкновенная разработанность, богатство и гибкость немецкого языка, способного адаптировать себе почти любой оригинал, – позволяет немцам говорить о «всемирной отзывчивости» [Криницын, 2007, с. 178]. В связи с этим отнести неудачи перевода А. Драве (A. Drawe) можно только на счет создателя ПТ.

Популярность детективов А. Кристи у носителей немецкого языка совпадает с печальным периодом в истории Германии. Издание ее книги не

прекращалось с началом правления национал-социалистов в 1933 г. и продолжалось до 1939 г.

«Гольдманн» было одним из крупнейших издательств, которое специализировалось на переводах с английского языка. Загадка повторных переводов романа, выполненного A. Drawe (А. Драве).

Необходимо отметить, что детальный анализ исходного текста в немецком переводе романа “Mysterious Affair at Styles” показывает, что его передача различными переводчиками очень отличается: отличия обнаруживаются и между ИТ и ПТ, и между различными вариантами перевода. Мы видим в этом подтверждение тезиса о переводной множественности в связи с множественностью причин, оказывающих влияние на перевод [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 330 – 347; Нелюбин, 2011, с. 68 – 69, 82 – 83, Филиппова, 2014, с. 178, 180 – 182], и закономерное действие межъязыковой диверсификации смысла [Ершова, Музыченко, Чайковский, 2011, с. 8 – 10].

Различные исторические события в литературной жизни Германии, а также многочисленные переводы “Mysterious Affair at Styles” в разные периоды по-разному представляли немецкоязычному читателю авторскую манеру А. Кристи и мир, созданный ею на страницах романа.

Второй исследуемый нами роман “Ten Little Niggers” считается лучшим произведением писательницы. Он вышел в свет в 1939 г. и получил настолько широкий и восторженный отклик на родине автора, что вызвал читательский интерес в мировом масштабе, и был многократно переведен на разные языки мира [Епифанцева, Мусатов, 2014, с. 172]. Роман “Ten Little Niggers”, написанный также в поджанре герметичного детектива, одержал победу по популярности среди всех произведений А. Кристи, набрав голоса 3211 человека в опроснике из 15000 людей со всего мира в открытом голосовании, проведенном в честь 125-летия автора, чтобы найти ее самое популярное произведение [And then there were none, 2015, Электронный ресурс]. По словам М. Причарда (внука писательницы), он не был удивлен результатом, так как

А. Кристи сама считала свой роман “Ten Little Niggers” одним из своих лучших произведений.

В России роман впервые был переведен на русский язык через 48 лет переводчиками Н. Уманец и С. Никоненко в 1987 г. и опубликован издательством «Прейскурантиздат», а спустя 3 года появился перевод Л.Г. Беспаловой в 1990 г. в «Ставропольском книжном издательстве». За короткий промежуток времени появились переводы В. Селина (1992 г., опубликован издательством «Лилия») и В. Тирдатов (2002 г., опубликован издательством «Центрполиграф»). Хронологически последним на сегодняшний день переводом служит работа Н.В. Екимовой, ее вариант передачи выпущен в 2016 г. издательством «Эксмо».

В Германии впервые роман был переведен в 1944 г. (т.е. спустя 15 лет после издания оригинала) переводчицей Anna Katharina Rehmann-Salten (А.-К. Реманн-Зальтен) под названием “Letztes Weekend” («Последний выходной») издательством “Scherz Verlag”. В 1985 г. он переведен U. Gail (У. Гайль) и опубликован под названием “Zehn kleine Negerlein” («Десять маленьких негритят»). Самый последний по времени издания перевод вышел в 1999 г. (переиздан в 2001 г., 2003 г. и в последующие годы) – перевод S. Deitmer (С. Дайтмер) под названием “Und dann gab’s keines mehr” («И никого не стало» / «И не осталось никого»).

Необходимо отметить, что в Германии А. Кристи обвинили в расизме. Кампанию против известной писательницы организовал муниципалитет немецкого города Ганновер, возмущенный тем, что одно из самых популярных ее произведений называется “Ten Little Niggers”. По мнению политкорректных немцев, это прямое оскорбление их сограждан африканского происхождения. В 1939 г., когда впервые в Великобритании был издан этот детективный роман, никому и в голову бы не пришло, что оригинальное название “Ten Little Niggers” («Десять негритят») является оскорбительным для людей с темным цветом кожи. В итоге наследникам писательницы пришлось согласиться с мнением «прогрессивной» немецкой общественности, и название заменили. В

Германии этот детектив теперь может выходить только под названием “Und dann gab’s keines mehr”.

Сопоставляя ИТ романа “Ten Little Niggers” с переводами на русский и немецкий языки, мы обнаруживаем значительные различия в способах передачи оригинала различными переводчиками, что особенно ярко проявляется в отношении заглавия, реалий и интертекста (считалочки). В рамках одного ПЯ переводчики избирают разные стратегии для передачи отмеченных особенностей романа. При этом каждый вариант ПТ не может быть признан полностью эквивалентным содержанию ИТ (ввиду обнаруженных неудачных или спорных переводческих решений, обзору которых уделено внимание в следующих параграфах диссертационного текста).

Однако этим переводная множественность, выявленная на материале переводов этого романа, не ограничивается. Она распространяется и на внутриязыковой перевод. В пределах английского языка множественность реализована американским вариантом текста и более поздними изданиями британском английском. Неодинаковые общественно-политические условия в Великобритании и США обусловили трансформации, осуществленные в издательстве “Dodd, Mead and Company”. Трансформации затрагивали название романа и касались всех единиц *nigger* и их дериватов, которые могли быть истолкованы как неpolitкорректные указания на расовую дискриминацию. Рост эвфемизации в британском английском привел к тому, что и оригинал А. Кристи в родной лингвокультуре стал восприниматься как ликоущемляющая стратегия, недопустимая в условиях поликультурности англоязычного мира. Таким образом, множественность разрастается в прогрессии, но влечет ли за собой прогресс перевода (как практики межкультурной коммуникации), предстоит еще решить.

Роман “Ten Little Niggers” в его первой британской версии издания мы принимаем за оригинал и отмечаем, что многочисленные, разные (по степени необходимости и успешности) переводы на британский (более поздние

издания), американский английский, немецкий и русский языки демонстрируют факультативную диверсификацию семантики и прагматики ИТ.

В романах “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” национальный, территориальный и временной колорит создается большим количеством реалий. Поскольку описываемая А. Кристи действительность является фрагментом уникальной культуры, слепком жизни уникальной страны, системой функционирования уникального языка, то в ее произведениях значимость лингвистических единиц для передачи внешних реалий (не в лингвистическом смысле) очень высока. Далее, в следующих ниже разделах диссертации анализируются каждый из этих приемов в отдельности на соответствующих структурированно представленных примерах.

3.2. Переводческие трансформации при внутри- и межъязыковой передаче романов А. Кристи

Каждый язык в его содержательном плане обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Языковая картина мира конкретной языковой общности – это ее общекультурное достояние [Елифанцева, 2017, с. 44]. Языковая картина мира отражает действительность средствами языка через культурную картину мира, которая, в свою очередь, отражает объективную реальность через систему понятий, сформированных человеком [Тер-Минасова, 2008, с. 23].

Естественно, при межъязыковом и межкультурном контакте понятия ИЯ и ПЯ не всегда совпадают, это становится особенно очевидно, когда в оригинале появляются единицы, маркирующие принадлежность к историческому и культурному опыту языка, лингвокультуры, нации. Соответствий этим единицам в ПЯ не имеется, что требует применения особых приемов перевода – трансформаций, которые помогают преодолеть языковое и

культурное различие контактирующих сторон. В связи с этим, переводчику очень важно знать и применять правильно переводческие трансформации в своей нелегкой профессии, а знание переводчиком правил, приемов и стереотипов помогает в условиях нехватки времени быстрее найти вариант перевода [Комиссаров, 1990, с. 46].

Переводческие трансформации – это технические приемы перевода, состоящие в замене регулярных соответствий нерегулярными (контекстуальными), а также сами языковые выражения, получаемые в результате применения таких приемов. Трансформацию можно определить как особый способ перевода, для которого характерен отход от семантико-структурного параллелизма между оригиналом и ПТ [Латышев, 2007, с. 125].

Применение трансформаций как приемов должно быть мотивировано тем, что они обеспечивают бóльшую степень эквивалентности, чем любое из возможных регулярных соответствий, позволяют избежать негативных последствий использования регулярных соответствий в определенных контекстах. При отсутствии регулярных соответствий возникает необходимость поиска единицы ПЯ (или сочетания нескольких единиц) еще более обостряется, и трансформация становится неизбежной. Необходимо отметить, что исследуемые в настоящей диссертации переводы на русский и немецкий языки являют собой характерные примеры переводов, в которых среди всех видов переводческих трансформаций при передаче реалий (как единиц, неимеющих регулярных соответствий и вызывающих трансформации) чаще всего используются транскрипция, транслитерация, описательный перевод и уподобляющий перевод.

К анализу трансформационных преобразований привлечены все исследуемые ПТ, при этом переводы романа “Ten Little Niggers” рассматриваются совокупно с переводами романа “Mysterious Affair at Styles”. Такой подход представляется оправданным ввиду общности анализируемых объектов межъязыковой передачи. В целях максимальной объективности (и в связи с проблематикой диссертации) внутриязыковые переводы ИТ на

британский английский (с временной амплитудой) и американский английский также приобщаются к эмпирическому материалу.

3.2.1. Транскрипция и транслитерация

Многими исследователями транскрипция и транслитерация оценены как формальные приемы, поскольку они не отражают семантики единицы ИТ, а только обозначают ее, уподобляя графике и фонологии ПЯ. «При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав)» [Комиссаров, 1990, с. 171]. А.А. Реформатский противопоставлял друг другу два способа передачи реалий – перевод и транскрипцию, отмечая, что они «в плане практическом» должны рассматриваться как антиподы [Реформатский, 1972, с. 312]. Прием транскрипции / транслитерации в собственном смысле слова может быть применен и по отношению к единице, значение которой переводчику не ясно — а чаще всего такими единицами оказываются именно реалии в широком смысле [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2019, с. 495].

В исследованных переводах детективов А. Кристи на русский и немецкий языки транскрипция и транслитерация являются распространенными способами перевода реалий (в том числе ономастических).

В следующей ниже таблице №10 представлены примеры реалий, переданные с помощью транскрипции, транслитерации и их сочетания. Таблица (как и все последующие) содержит не полный перечень реалий, обнаруженных в сопоставительном анализе ИТ и ПТ и переданных с помощью анализируемых в данном разделе приемов.

Таблица 10 – Транскрипция и транслитерация в разных ПТ “Ten Little Niggers”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ Л.Г. Беспаловой	ПТ Н.В. Екимовой	ПТ С. Дайтмер
<i>Edward George Armstrong</i>	<i>Эдуард Джордж Армстронг</i> транскрипция	<i>Эдвард Джордж Армстронг</i> транслитерация + транскрипция	<i>Edward George Armstrong</i> транслитерация
<i>William Henry Blore</i>	<i>Уильям Генри Блор</i> транскрипция	<i>Уильям Генри Блор</i> Транскрипция	<i>William Henry Blore</i> транслитерация
<i>James Stephen Landor</i>	<i>Джеймс Стивен Ландор</i> транскрипция	<i>Джеймс Стивен Ландор</i> Транскрипция	<i>James Stephen Landor</i> транслитерация
<i>Arthur Richmond</i>	<i>Артур Ричмонд</i> транслитерация	<i>Артур Ричмонд</i> Транслитерация	<i>Arthur Richmond</i> транслитерация
<i>Anthony James Marston</i>	<i>Антони Джеймс Марстон</i> транслитерация	<i>Энтони Джеймс Марстон</i> транскрипция + транслитерация	<i>Anthony James Marston</i> транслитерация
<i>Jennifer Brady</i>	<i>Дженнифер Брейди</i> транскрипция	<i>Дженнифер Брейди</i> Транскрипция	<i>Jennifer Brady</i> транслитерация
<i>Lawrence John Wargrave</i>	<i>Лоренс Джон Уоргрейв</i> транскрипция	<i>Лоуренс Джон Уоргрейв</i> транслитерация + транскрипция	<i>Lawrence John Wargrave</i> транслитерация
<i>Edward Seton</i>	<i>Эдуард Ситон</i> транскрипция	<i>Эдвард Ситон</i> транслитерация + транскрипция	<i>Edward Seton</i> транслитерация
<i>bedouin</i>	<i>бедуины</i> транскрипция	<i>бедуины</i> транскрипция	<i>Beduinen</i> транскрипция
<i>one hundred guineas</i>	<i>сто гиней</i> транскрипция	<i>сто гиней</i> транскрипция	<i>hundert Guineas</i> транслитерация
<i>gentleman</i>	<i>джентльмен</i> транскрипция	<i>джентльмен</i> транскрипция	<i>Herr</i> уподобляющий перевод

Таблица №10 позволяет продемонстрировать, что приемы используются переводчиками разнообразно и в разной мере. Лишь немногие языковые факты переданы через языковой барьер переводчиками с помощью одного и того же приема. Так во всех ПТ передача *bedouin* осуществляется транскрипцией, а передача *Артур Ричмонд* – транслитерацией. В абсолютном большинстве переводческие решения нетождественны друг другу. Эти расхождения связаны, с одной стороны, с фонологической близостью и общностью графики

(латиницы) английского и немецкого языков, а с другой стороны, определены различием английского и русского языков в этих же языковых уровнях.

Примеры транскрибированных и транслитерированных реалий из романа “Mysterious Affair at Styles” внесены в таблицу ниже (см. табл. 11).

Таблица 11 – Транскрипция и транслитерация в разных ПТ “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ А.Д. Смолянского	ПТ М.Ю. Юркан	ПТ Н. Шиндлер
<i>Lord Abbotsbury</i>	<i>лорда Абботсбэри</i> транслитерация	<i>лорд Эбботсберри</i> транскрипция	<i>Lord Abbotsbury</i> транслитерация
<i>Middlingham</i>	<i>Миддинхэм</i> транскрипция	<i>Миддлингхэма</i> Транслитерация	опущение
<i>sandwiches</i>	<i>бутерброды</i> калькирование	<i>сэндвичи</i> транслитерация	<i>Sandwiches</i> транслитерация
<i>brandy</i>	<i>Брэнди</i>	<i>бренди</i>	<i>Kognak</i>
<i>strychnine</i>	<i>стрихнин</i> транслитерация	<i>стрихнин</i> транслитерация	<i>Strychnin</i> транскрипция

Таблицы №10 и №11 отражают тенденцию, которую можно было прогнозировать до количественного анализа. В переводах на британский английский (в диахронии) и американский английский не выявлены анализируемые приемы, в них не оказывается необходимости ввиду языковой общности.

В то же время неочевидность результатов проявилась в переводах на русский и немецкий языки.

Результаты количественного анализа, иллюстрирующие частотность использования транскрипции и транслитерации для передачи реалий анализируемых романов А.Кристи, представлены ниже (см. рис. 1 и 2) и позволяют сформулировать выводы о степени активности этих приемов в работе разных переводчиков, т.е. предвосхищают представление об их переводческой манере в целом. Причины, побуждающие языковых посредников к выбору одной из альтернатив (предпочтении транскрипции или

транслитерации), также представляют интерес для анализа и кратко излагаются ниже, подтверждая значимость предпринятого анализа.

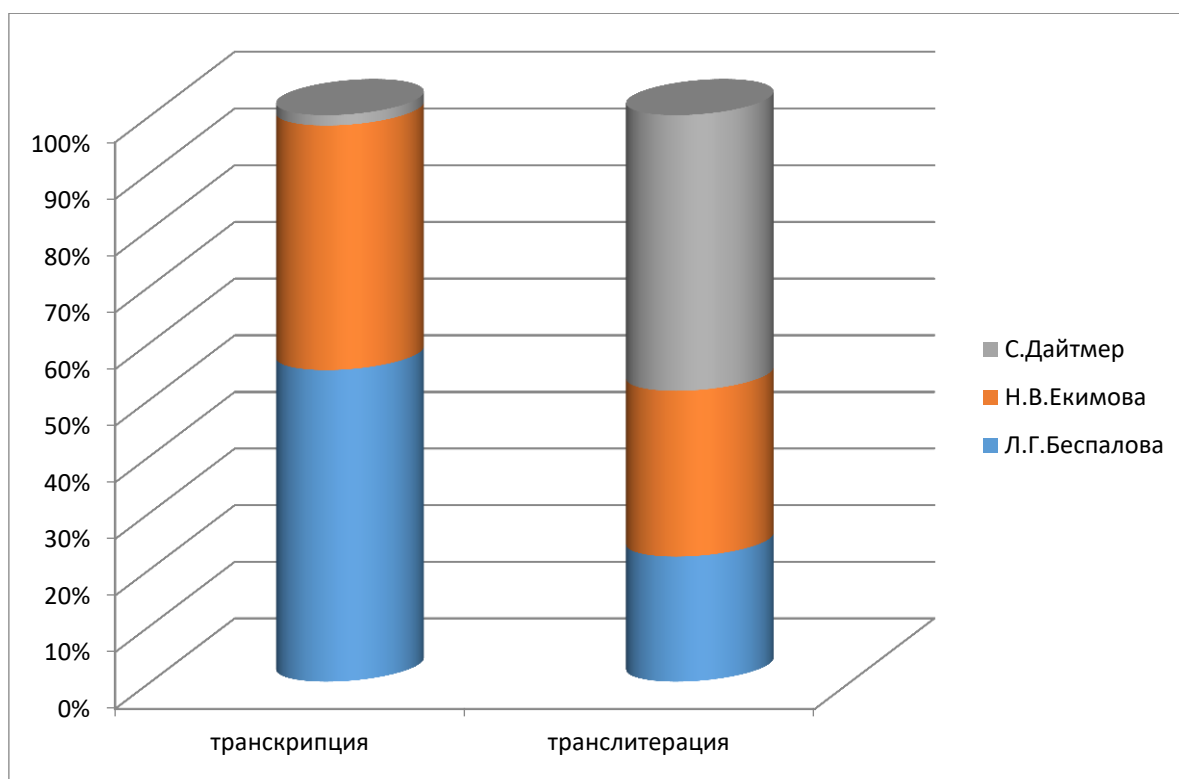

Рисунок 1 – Частотность транскрипции и транслитерации в разных ПТ “Ten Little Niggers”

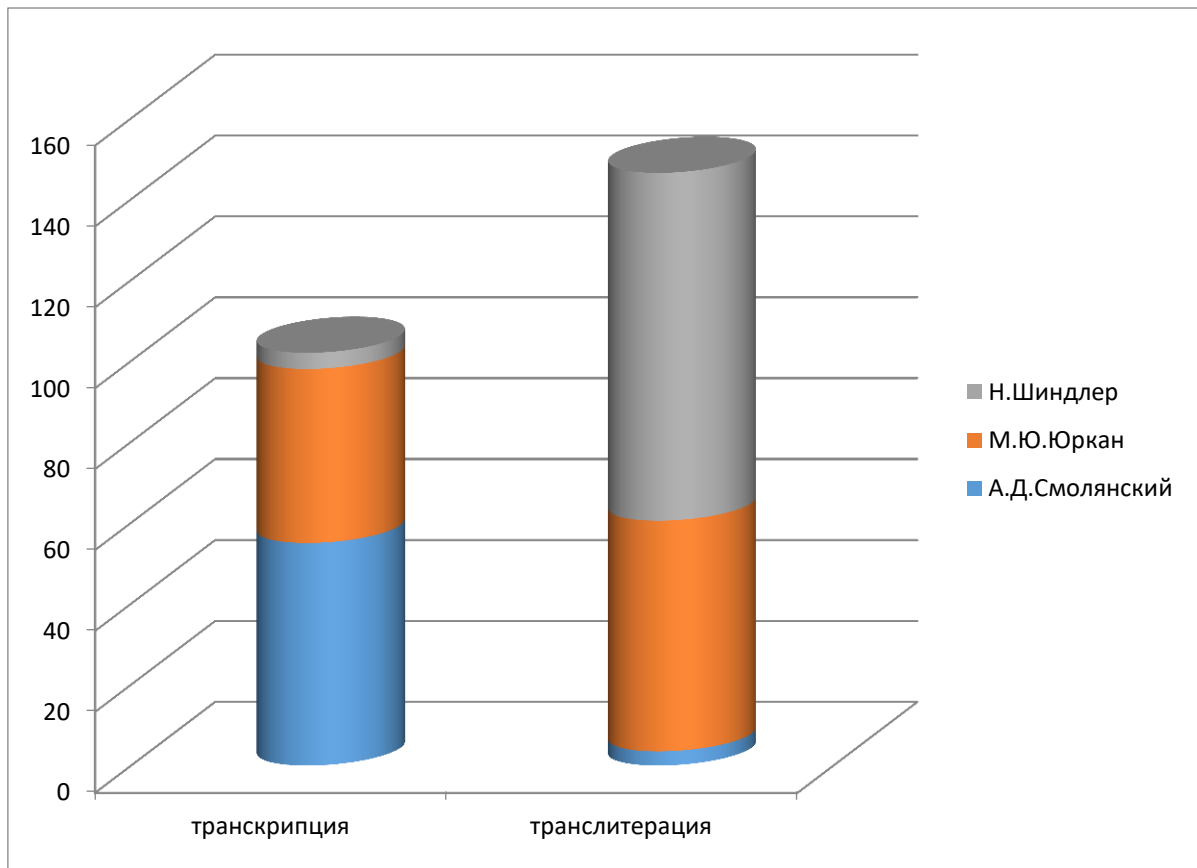

Рисунок 2 – Частотность транскрипции и транслитерации в разных ПТ
“Mysterious Affair at Styles”

У русскоязычных переводчиц Л.Г. Беспаловой и Н.В. Екимовой при передаче антропонимов транскрипция и транслитерация используются активно и с почти равной частотностью (см. рис. 1). В переводах А.Д. Смолянского и М.Ю. Юркан также можно увидеть, что в основном при передаче английских реалий нашли применение приемы транскрипции и транслитерации (см. рис. 2).

В переводе на немецкий язык S. Deitmer (С. Дайтмер) употребляет транслитерацию, практически отказываясь от транскрипции (она выявлена только в одном примере) (см. рис. 1). N. Schindler (Н. Шиндлер) в своем ПТ чаще употребляет прием транслитерации (см. рис. 2). Это может быть обусловлено объективной близостью ИЯ и ПЯ (английского и немецкого языков соответственно), а также знакомством массового читателя ФРГ с английским языком (изучаемым в качестве иностранного во всех учебных

заведениях в качестве первого иностранного, во многих школах – с первого класса).

3.2.2. Калькирование

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ [Нелюбин, 2009, с. 102]. Исследователями калькирования отмечено [Прямухина, Филиппова, 2018, с. 117 – 126], что калькирование не сводимо к поморфемному переводу, такая точка зрения представляется упрощенной и поверхностной. Однако в нашем фактическом материале этот аспект не представляется самоценным и требующим особого внимания. Мы лишь остановимся на том, что этот прием позволяет раскрыть семантику единиц ИТ и максимально адаптировать трансформируемую единицу к системе ПЯ (особенно, на морфологическом уровне языковой иерархии). Примеры из романа “Ten Little Niggers” (см. табл. 12).

Таблица 12 – Калькирование в разных ПТ “Ten Little Niggers”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык	ПЯ – американский английский, британский (в диахронии)
	ПТ Л.Г. Беспаловой	ПТ Н.В. Екимовой	ПТ С. Дайтмер	Переводчик не указан
<i>Nigger Island</i>	<i>Негритянский остров</i>	<i>Негритянский остров</i>	* <i>Nigger Island</i> ¹ транслитерация	* <i>Indian Island</i> адаптация
<i>Hollywood film star</i>	<i>голливудская кинозвезда</i>	<i>голливудская кинозвезда</i>	<i>Hollywoodstar</i>	* <i>Hollywood film star</i> нет

¹ Знаком * в таблицах здесь и далее отмечены языковые факты передачи анализируемого объекта с помощью иного приема.

				трансформации
<i>Busy Bee</i>	* <i>Бизи Би</i> транскрипция	<i>Трудовая пчела</i>	* <i>Busy Bee</i> транслитерация	* <i>Busy Bee</i> нет трансформации
<i>Seven Stars</i>	<i>Семь звезд</i>	<i>Семь звезд</i>	* <i>Seven Stars</i> транслитерация	* <i>Seven Stars</i> нет трансформации

Проведенный анализ оригинальных английских текстов и их переводов на русский язык позволяет сделать следующие выводы.

В русскоязычных ПТ отмечается значительное сходство использования транслитерации, расхождения в выборе приема трансформации единичны. Различия обусловлены, очевидно, личностными факторами субъективного характера. Из возможных альтернатив Л.Г. Беспалова и Н.В. Екимова отдают предпочтение разным приемам, транслируя единицу *Busy Bee*. Используемая Л.Г. Беспаловой транскрипция объясняется переводческой традицией, согласно которой названия СМИ (газет, журналов, телеканалов) и многих организаций передаются на другой язык, как правило, формальными приемами (без поиска эквивалентов). Н.В. Екимова, отступая от этой традиции, обращается к калькированию, что помогает ей раскрыть семантику и прагматику названия агентства. На наш взгляд, переводчица Н.В. Екимова сумела максимально полно передать идею автора и художественные задачи реалии в ее романе.

Взаимное сопоставление русских и немецких переводов позволяет говорить о значительных различиях между ними. Эта тенденция замечена в работах многих исследователей [Бирюкова, Попова, 2008] и обусловлена лингвистическими различиями двух ПЯ (немецкого и русского), находящимися в разной степени генетического родства и типологического сходства с ИЯ (английского). В нашем эмпирическом материале эта тенденция так же очевидна. Однако мы усматриваем и отличительную переводческую манеру в работе S. Deitmer (С. Дайтмер), которая при передаче онимов *Nigger Island*, “*Seven Stars*”, “*Busy Bee*” использует транслитерацию, а при переводе нарицательной единицы отдает предпочтение калькированию *Hollywoodstar*.

В переводе на американский английский и британский английский (в диахронии), реалии остаются неизменными, их передача не требует трансформаций. Исключение составляет единица *Nigger Island*, которая под воздействием политкорректности и в силу общей тенденции к эвфемизации английской лингвокультуры претерпевает изменение и преобразуется с помощью прагматической адаптации к новым речевым нормам за счет функционального аналога *Indian Island*.

Рассмотрим примеры из романа “Mysterious Affair at Styles” (см. табл. 13)

Таблица 13 – Калькирование в разных ПТ “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык	ПЯ – американский английский, британский (в диахронии)
	ПТ А.Д. Смолянского	ПТ М.Ю. Юркан	ПТ Н. Шиндлер	Переводчик не указан
<i>Theatrical Costumiers</i>	<i>опущение</i>	<i>театральные костюмеры</i>	<i>Theater-kostümverleih</i>	<i>Theatrical Costumiers</i> нет трансформации
<i>The trial</i>	<i>судебное разбирательство</i>	<i>судебный процесс</i>	<i>der Prozess</i> уподобляющий перевод	<i>The trial</i> нет трансформации
<i>medical evidence</i>	<i>медицинское заключение</i>	<i>заключение судебно-медицинской экспертизы</i> уподобляющий перевод	<i>medizinischen Gutachten</i>	<i>medical evidence</i> нет трансформации

В романе “Mysterious Affair at Styles” (см. рис. 3) переводчики при передаче реалий как в русских переводах, так и в немецком переводе активно использовали прием калькирования. А.Д. Смолянский в своем переводе больше опускает реалии, чем его коллега М.Ю. Юркан.

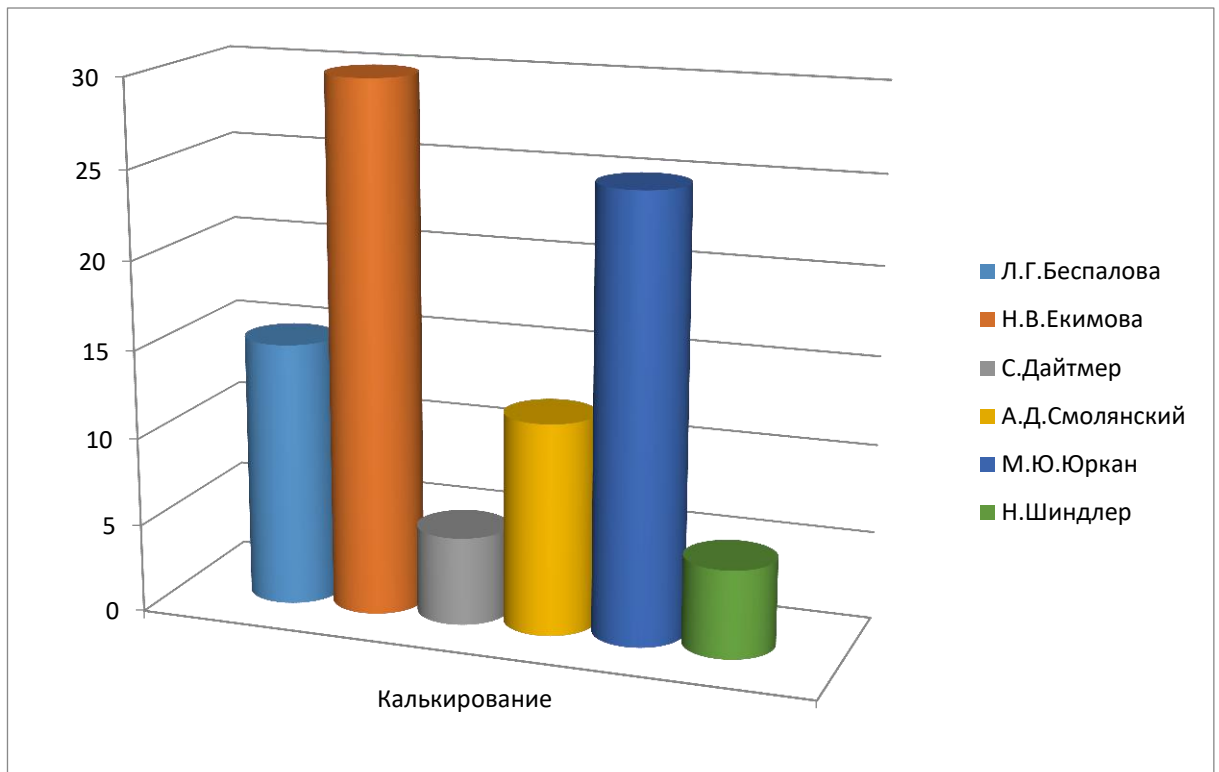

Рисунок 3 – Частотность приема калькирования в разных ПТ
 “Ten Little Niggers” и “Mysterious Affair at Styles”

3.2.3. Описательный перевод

Сопоставительный анализ переводов исследуемых романов выявил незначительную частотность описательного перевода. Этот способ передачи безэквивалентной лексики заключается в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, т.е. по сути дела, при помощи ее дефиниции (определения) на ПЯ [Коломейцева, Макеева, 2004, с. 26]. Описательный перевод или перевод с помощью аналога применяются в случаях, когда переводческая задача не может быть решена только с помощью межъязыковых эквивалентов [Пшёнкина, 2005, с. 166].

В романах А. Кристи, составивших эмпирическую базу, единицы, не имеющие эквивалентов и не могущие быть замененными с помощью прямой субституции, передаются описательно – как внутри текста, так и в затекстовых постраничных комментариях переводчиков (см. табл. 14).

Таблица 14 – Описательный перевод в разных ПТ “Ten Little Niggers”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык	ПЯ – американский английский, британский (в диахронии)
	ПТ Л.Г. Беспаловой	ПТ Н.В. Екимовой	ПТ С. Дайтмер	Переводчик не указан
<i>There had been a time when he had sat in his consulting room in Harley Street, correctly appareled ... [Christie, 1939, p.12]</i>	<i>Прошли те времена, когда он сидел в своем роскошном кабинете на Харли-стрит в безупречном костюме ... [пер. Беспаловой, 1990, с.189].</i>	<i>Было время, когда он сидел в своем кабинете на Харли-стрит^[2] в безукоризненном костюме ... [пер. Екимовой, 2016, с.3].</i>	<i>* Es hatte eine Zeit gegeben, wo er in seinem Sprechzimmer in der Harley Street gesessen hatte, korrekt angezogen ... [Deitmer, 2017, S.15] апроприация</i>	<i>There had been a time when he had sat in his consulting room in Harley Street, correctly appareled ... [Christie, 1940, p.15]</i>
<i>I'm an ex-C.I.D. man [Christie, 1939, p.51]</i>	<i>Я – бывший чиновник отдела по расследованию уголовных дел Скотленд-Ярда [пер. Беспаловой, 1990, с.215]</i>	<i>Я служил в уголовном розыске, раньше [пер. Екимовой, 2016, с.31].</i>	<i>Ich bin ehemaliger Kriminalbeamter und betreibe in Plymouth eine Detektivagentur [Deitmer, 2017, S.51]</i>	<i>I'm an ex-C.I.D. man ... [Christie, 1940, p.53]</i>
<i>But there was no house visible, only the boldly silhouetted rock with its faint resemblance to a giant negro's head</i>	<i>* Но никакого дома не было видно, из моря круто вздымалась скала, чьи очертания отдаленно напоминали гигантскую голову негра калькирование</i>	<i>Но никакой виллы не было, только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая человеческую голову с толстыми губами и носом</i>	<i>* Aber es war kein Haus zu sehen, nur die kühnen Umrisse des Felsens, der an einen gigantischen Männerkopf erinnerte. Er sah irgend wie finster aus. Sie erschauerte leicht.</i>	<i>* But there was no house visible, only the boldly silhouetted rock with its faint resemblance to a giant Indian's head адаптация</i>

Как видно из примеров, приведенных выше в таблице № 14, не все переводчики используют описательный перевод для передачи одних и тех же реалий, создавая вариативность ПТ. Так, перевод на русский язык двух реалий *Harley Street* и *ex-C.I.D. man* Л.Г. Беспалова и Н.В. Екимова осуществляют описательным способом, при этом степень подробности описания и его форма (внутри текста и в затекстовой сноске или переводческом комментарии) разнится. Для трансляции *negro's head* внутритекстовое описание использует только Н.В. Екимова, в то время как Л.Г. Беспалова ограничивается калькированием; очевидно, что здесь стратегия переводчиц не находит единства. В данном случае обращение к политкорректной формулировке Н.В. Екимовой оправданно связать с действием внелингвистических общественных тенденций и сменой речевых стереотипов во временной дистанции.

В сопоставлении русскоязычных вариантов перевода с передачей реалий на немецкий язык отмечается значительное отклонение от описательного перевода в сторону иных приемов. S. Deitmer (С. Дайтмер) использует апроприацию в передаче *Harley Street* и описательный перевод в отношении *negro's head*. Обращение к апроприации обусловлено близостью лингвокультур ИЯ и ПЯ (большей, чем при контакте английского языка с русским) и постоянными языковыми контактами. Эти обстоятельства делают применение описания излишним ввиду очевидности содержания реалии ИТ.

Перевод на американский английский и диахронный британский английский под воздействием описанных выше причин потребовали прагматической адаптации реалии *negro's head* и замещении ее политкорректным субститутутом *Indian's head*. В широком масштабе политкорректности можно признать выбор переводчиков также недостаточно корректным по отношению к лицам индейского происхождения и прогнозировать дальнейший поиск эвфемистической замены анализируемой единицы оригинала.

Примеры из романа “Mysterious Affair at Styles” (см. табл. 15):

Таблица 15 – Описательный перевод в разных ПТ “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ А.Д. Смолянского	ПТ М.Ю. Юркан	ПТ Н. Шиндлер
Mary took a house in Kensington , Poirot being included in the family party [Christie, 1920, p.224].	Мэри сняла дом в Кэнсингтоне* , Пуаро тоже поселился поблизости... * Фешенебельный район в центральной части Лондона [пер. Смолянского, 1990, с.75].	Мэри сняла дом в Кенсингтоне* , Пуаро включили в семейную компанию. * Фешенебельный район на юго-западе центральной части Лондона [пер. Юркан, 2015, с.92].	Mary mietete ein Haus in Kensington und Poirot gehörte mit zur Familie [Schindler, 2015, S.180]
...you know how she's always running a hundred societies ? [Christie, 1920, p.8].	Ты ведь знаешь, она всегда состоит в доброй сотне благотворительных обществ [пер. Смолянского, 1990, с.2].	... вы же знаете, что она вечно подвизается в множестве благотворительных организаций [пер. Юркан, 2015, с.3].	... wie du weißt, ist sie ja immer die Vorsitzende von hundert Vereinen [Schindler, 2015, S.9]
At that moment a well remembered voice floated through the open French window near at hand ... [Christie, 1920, p.12].	Вдруг рядом из-за приоткрытой стеклянной двери раздался хорошо знакомый голос ... [пер. Смолянского, 1990, с.3].	Мы сидели совсем рядом с верандой, и вскоре из открытых балконных дверей донесся отлично знакомый мне голос ... [пер. Юркан, 2015, с.5].	In diesem Augenblick ertönte durch die offene Terrassentür in unserer Nähe eine wohl bekannte Stimme ... [Schindler, 2015, S.12]
John strode across the room, and lit the gas [Christie, 1920, p. 39].	Джон зажег газовую лампу и приказал горничной Анни принести из столовой брэнди [пер. Смолянского, 1990, с. 13].	Быстро метнувшись к стене, Джон включил газовый рождок [пер. Юркан, 2015, с. 16].	John eilte zur anderen Seite des Zimmers und zündete das Gaslicht an [Schindler, 2015, S. 34]
The clumping of hobnailed boots on the gravel outside proclaimed the approach of Manning [Christie, 1920, p.	Вскоре за окном послышался скрип гравия под тяжелыми подбитыми гвоздями сапогами [пер. Смолянского, 1990, с. 30].	Тяжелая поступь подбитых гвоздями башмаков по гравиевой дорожке возвестила о приближении Мэннинга [пер. Юркан, 2015, с. 38].	* Das Geräusch von derben Stiefeln auf dem Kies draußen kündigte die Ankunft von Manning an [Schindler, 2015,

92].			S. 75] нулевой перевод
<i>As these friendly reminiscences were being indulged in, I drew nearer, and was introduced to Detective-Inspector Japp ...</i> [Christie, 1920, p. 136].	<i>* Я тем временем подошел ближе, и Пуаро представил меня мистеру Джеппу, который, в свою очередь...</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 46]. нулевой перевод	<i>Пока они увлеченно обменивались общими воспоминаниями, я успел подойти поближе, и меня представили инспектору уголовной полиции Джеппу ...</i> [пер. Юркан, 2015, с. 57].	<i>* Während sie in Erinnerungen schwelgten, kam ich hinzu und wurde Inspektor Japp vorgestellt ...</i> [Schindler, 2015, S. 111] уподобляющий перевод
<i>On September 15th John Cavendish appeared in the dock at the Old Bailey, charged with "The Wilful Murder of Emily Agnes Inglethorp" ...</i> [Christie, 1920, p. 224].	<i>15 сентября Джон предстал перед судом в Олд Бейли «Центральный уголовный суд, расположенный на улице Олд Бейли» по обвинению в "преднамеренном убийстве Эмили Агнес Инглторп" ...</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 76].	<i>Пятнадцатого сентября Джон Кавендиш оказался на скамье подсудимых в Олд-Бейли* по обвинению в «предумышленном убийстве Эмили-Агнес Инглторп» ...</i> <i>* Центральный уголовный суд в Лондоне; назван по улице, на которой находится.</i> [пер. Юркан, 2015, с. 92].	<i>Am 15. September erschien John Cavendish auf der Anklagebank im Old Bailey und wurde des vorsätzlichen Mordes an seiner Stiefmutter Emily Agnes Inglethorp angeklagt</i> [Schindler, 2015, S.180] апроприация

При передаче выделенных реалий ИТ (см. табл. 15) на ПЯ (русский) А.Д. Смолянский и М.Ю. Юркан демонстрируют редкое единство в выборе приема перевода. Стоит отметить, что общность стратегии не препятствует различной форме реализации описания: переводчики избирают разные средства ПЯ для воплощения единого замысла – раскрытия через описание предмета культуры ИЯ, незнакомого читателям принимающей лингвокультуры.

В работе переводчицы N. Schindler (Н. Шиндлер) анализ выявляет большее разнообразие приемов для передачи рассматриваемых единиц ИТ: здесь представлен не только описательный перевод, но и уподобляющий, и апроприация. Причины этого разнообразия, по-видимому, тождественны тем,

что вскрыты в ходе анализа описательного перевода при передаче реалий в романе “Ten Little Niggers”: близость лингвокультур ИЯ и ПЯ и большая частотность языковых контактов.

Анализ ИТ и ПТ на американском английском и британском английском (в условиях диахронии) не выявил использования описательного перевода и замещения единиц ИТ. Эта особенность объясняется тем, что издатели в США и современной Великобритании не усмотрели в оригинале дисфемизмов, требующих прагматической адаптации и переработки авторского текста.

Результаты анализа можно проследить на рисунке №4:

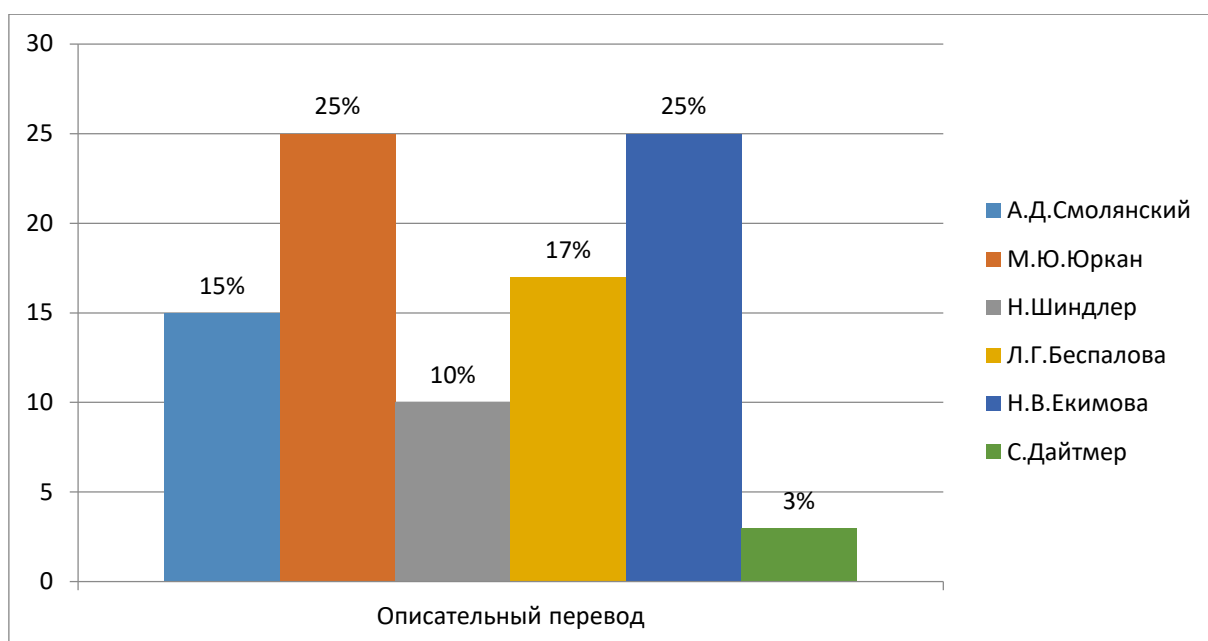

Рисунок 4 – Частотность описательного перевода в разных ПТ
“Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”

3.2.4. Уподобляющий перевод

Предваряя количественный анализ использования уподобляющего перевода для передачи реалий из исследуемых романов А. Кристи на русский и немецкий языки, следует подчеркнуть, что в данном вопросе особенно острой

становится терминологическая множественность. Прием, о котором идет речь в данном параграфе диссертационного текста, имеет различные синонимы в переводоведческом терминопole: приближенный перевод, нивелирующий (устраняющий национальную специфику), замещение / замена функциональным аналогом. При этой множественности терминов понимание предметной сути и функции этого приема не имеет расхождений у различных теоретиков перевода.

Этот способ заключается в подыскании приближенного по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий [Коломейцева, Макеева, 2004, с. 26]. Такая передача раскрывает значение единицы ИТ, но при этом стирается принадлежность ее к культуре ИЯ, происходит подмена элемента одной национально-исторической общности элементом другой общности. Эти особенности ярко демонстрируют примеры, представленные в таблице № 16.

Таблица 16 – Уподобляющий перевод в разных ПТ “Ten Little Niggers”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ Л.Г. Беспаловой	ПТ Н.В. Екимовой	ПТ С. Дайтмер
<i>Looked as though there might be something in the rumour that the Admiralty or the War Office or the Air Force had got hold of it ...</i> [Christie, 1939, p.10]	<i>Похоже, слухи о том, что его купило Адмиралтейство, Министерство обороны или Военно-воздушные силы, не так уж далеки от истины ...</i> [пер. Беспаловой, 1990, с. 188].	<i>И, похоже, что в слухах о том, будто его купило то ли адмиралтейство, то ли военное министерство, то ли военно-воздушное ведомство, что-то есть ...</i> [пер. Екимовой, 2016, с.2].	<i>Sah ganz so aus, als wär was dran an dem Gerücht, dass die Flotte oder das Kriegsministerium oder die Luftwaffe es sich unter den Nagel gerissen hatte ...</i> [Deitmer, 2017, S.14]
<i>Where's that brandy?</i> [Christie, 1939, p. 43]	<i>Где же, наконец, коньяк?</i> [пер. Беспаловой, 1990, с. 210]	<i>Где бренди?</i> [пер. Екимовой, 2016, с. 28].	<i>Wo ist der Brandy?</i> [Deitmer, 2017, S.44]
<i>Armstrong went over to the washstand. There were a certain number of bottles on</i>	<i>Армстронг подошел к туалетному столику. На нем</i>	<i>Доктор снова подошел к умывальнику. На нем стояли</i>	<i>Armstrong ging hinüber zum Waschtisch. Eine Reihe von Flaschen</i>

it. Hair lotion, lavender water, cascara , glycerine of cucumber for the hands, a mouth wash, tooth paste and some Elliman's . [Christie, 1939, p. 77]	стояло несколько бутылочек: лосьон для волос, лавандовая вода, слабительное , глицерин, зубная паста, эликсир ... [пер. Беспаловой, 1990, с. 232]	бутылочки. Лосьон, лавандовая вода, каскара , глицерин для рук, ополаскиватель для рта, зубная паста и мазь Эллимана [пер. Екимовой, 2016, с. 49].	stand darauf. Haarlotion, Lavendelwasser, Abführmittel , Gurkenglyzerin für die Hände, ein Mundwasser, Zahnpasta und Wundsalbe [Deitmer, 2017, S.75]
--	---	--	--

Представленные примеры ПТ на русском и немецком языках наглядно иллюстрируют разницу переводческих стратегий. Доместикация в данном аспекте воплощается в использование уподобляющего перевода, в то время как форенизация реализуется иными приемами. Лексические средства, которые выбирают сторонники доместикации носят дискуссионный характер. Так, можно спорить о большей или меньшей эквивалентности *Министерства обороны, военного министерства* в русском ПТ и *Kriegsministerium* в немецком ПТ, *Военно-воздушных сил, Военно-воздушного ведомства* и *Luftwaffe*, *коньяка* в русскоязычной и *Brandy* в немецкоязычной вербализации, *туалетного столика* и *умывальника* и т.д. Однако несмотря на неидентичность переводческих решений, большинство из них раскрывают значение соответствующих единиц оригинала. В то же время стратегия форенизации, воплощенная в способах передачи *каскара* и *мазь Эллимана*, оставляет читателя в неведении относительно предметного содержания реалии.

Примеры реалий из романа “Mysterious Affair at Styles”, переданные с помощью уподобляющего перевода, представлены ниже (см. табл. 17):

Таблица 17 – Уподобляющий перевод в разных ПТ “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ А.Д. Смолянского	ПТ М.Ю. Юркан	ПТ Н. Шиндлер
<i>I had been invalided home from the Front; and, after spending some months in a</i>	<i>Я был ранен на фронте и отправлен в тыл, где провел несколько месяцев в довольно</i>	<i>После ранения на фронте меня демобилизовали из действующей армии; проведя несколько</i>	<i>Ich war nach einer Verwundung von der Front nach Hause geschickt worden und hatte einige</i>

<i>rather depressing</i> Convalescent Home ... [Christie, 1920, p.5].	<i>неприглядном</i> госпитале ... [пер. Смолянского, 1990, с. 1].	<i>месяцев весьма</i> <i>унылой обстановке</i> санатория ... [пер. Юркан, 2015, с. 2].	<i>Monate in einem</i> <i>ziemlich</i> <i>trübsinnigen</i> Erholungsheim <i>verbracht</i> ... [Schindler, 2015, S.7]
<i>She led the way</i> <i>round the house to</i> <i>where tea was</i> <i>spread under the</i> <i>shade of a large</i> sycamore [Christie, 1920, p.11].	– <i>Согласна, –</i> <i>сказала Эви, и,</i> <i>стянув садовые</i> <i>перчатки, повела нас</i> <i>за дом, где в тени</i> <i>большого платана</i> <i>был накрыт</i> <i>стол</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 3].	<i>Мы направились</i> <i>вслед за ней вокруг</i> <i>дома к чайному</i> <i>столу, накрытому в</i> <i>тени большого</i> платана [пер. Юркан, 2015, с. 5].	<i>Sie ging voran ums</i> <i>Haus herum zu dem</i> <i>Tisch, der im</i> <i>Schatten eines</i> <i>großen Ahorns</i> <i>gedeckt war</i> [Schindler, 2015, S.11]
<i>Then you'll write to</i> <i>the Princess after</i> <i>tea, Alfred? ... Or</i> <i>shall we wait until</i> <i>we hear from the</i> Princess? ... <i>Then</i> <i>there's the Duchess</i> – <i>about the school</i> <i>fete</i> [Christie, 1920, p.12].	<i>Альфред, после чая</i> <i>не забудь написать</i> княгине. ... <i>Или</i> <i>лучше дождаться</i> <i>ответа от княгини.</i> ... <i>И надо не забыть</i> <i>ответить герцогине</i> <i>по поводу школьного</i> <i>праздника</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 3].	<i>Итак, Альфред,</i> <i>после чая вы</i> <i>напишите письмо</i> принцессе? ... <i>Или нам лучше</i> <i>дождаться ответа</i> княгини? ... <i>К тому же есть еще</i> герцогиня ... <i>она</i> <i>известит ее</i> <i>о школьном</i> <i>празднике</i> [пер. Юркан, 2015, с. 5].	<i>Dann wirst du der</i> Prinzessin <i>also nach</i> <i>dem Tee schreiben,</i> <i>Alfred? ... Oder</i> <i>sollen wir erst die</i> <i>Antwort der</i> Prinzessin <i>abwarten? ... Dann</i> <i>wäre da noch die</i> Herzogin – <i>wegen</i> <i>des Schulfests</i> [Schindler, 2015, S.12]
<i>I myself had been</i> <i>given a job at the</i> War Office , <i>so was</i> <i>able to see them</i> <i>continually</i> [Christie, 1920, p.224].	<i>Пуаро тоже</i> <i>поселился</i> <i>поблизости, и я имел</i> <i>возможность часто</i> <i>их видеть, поскольку</i> <i>устроился на работу</i> <i>в том же районе – в</i> министерство обороны [пер. Смолянского, 1990, с. 75].	<i>Сам я устроился на</i> <i>работу в Военное</i> министерство, <i>поэтому мог</i> <i>видеться с ними</i> <i>практически</i> <i>ежедневно</i> [пер. Юркан, 2015, с. 92].	<i>Ich hatte in zwischen</i> <i>einen Posten be im</i> Kriegsministerium <i>bekommen und</i> <i>konnte sie so</i> <i>regelmäßig besuchen</i> [Schindler, 2015, S.180]

Примеры в таблице № 17 отражают ту же тенденцию, что охарактеризована выше. В ходе анализа ПТ на американском английском и в более поздних изданиях романов на британском английском обнаружено полное тождество анализируемых реалий с единицами ИТ. При внутриязыковом переводе, в том числе – в условиях диахронии – не возникло

необходимости в замещении единиц национального и исторического колорита более современными. Однако, невозможно полностью исключить вероятность того, что единицу *Luftwaffe*, выбранную N. Schindler (Н. Шиндлер), впоследствии сочтут дисфемичной и неправомерно связывающей ВВС Британии с ВВС Германии периода Третьего Рейха, и найдут необходимым заместить более политкорректным фрагментом немецкой культуры.

Результаты анализа можно проследить на рисунке №5:

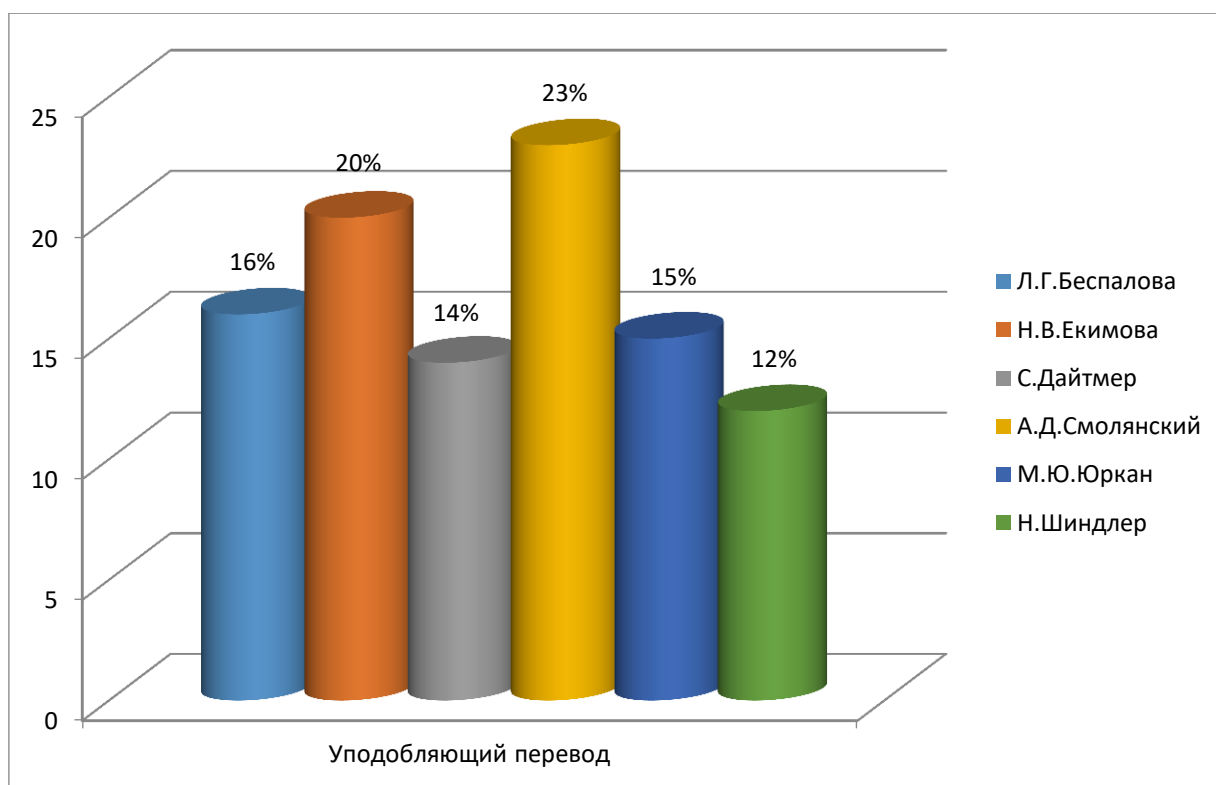

Рисунок 5 – Частотность уподобляющего перевода в разных ПТ
“Ten Little Niggers” и “Mysterious Affair at Styles”

3.2.5. Нулевой перевод

Феномен нулевого перевода в современной переводоведческой литературе не получил однозначной оценки, однако исключить его из практики межкультурной коммуникации не представляется возможным.

«Авторы, занимавшиеся проблемами теории перевода, признавали, что «полнота передачи» представляет собой весьма относительное понятие. Об этом свидетельствует, к слову, и довольно часто используемый в соответствующих трудах как по отношению к грамматической стороне оригинала, так и применительно к лексическим единицам исходного текста термин «нулевой перевод». Применяется он, в частности, по отношению к реалиям, в известной работе С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1986], хотя нельзя не заметить некоторую парадоксальность указанного термина: отсутствие перевода квалифицируется как один из способов последнего» [Мазирка, Хухуни, 2015, с. 66].

Многие теоретики перевода отстаивают тезис о неизбежности различных упущений, изъятий и т.п., по сути объективирующих нулевой перевод (см. табл. 18). «Адекватность исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте «переводчику нередко приходится идти на известные потери» [Швейцер, 2009, с. 96].

Таблица 18 – Нулевой перевод в разных ПТ “Ten Little Niggers”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПТ – немецкий	ПТ – американский и английский
	ПТ Л.Г. Беспаловой	ПТ Н.В. Екимовой	ПТ С. Дайтмер	Переводчик не указан
<i>Pity that story about Gabrielle Turl having bought Nigger Island wasn't true</i> [Christie, 1939, p. 14]	<i>А жаль, что слухи, будто остров купила Габриелла Терл, не подтвердились</i> [пер. Беспаловой, 1990, с. 190]	<i>... и жалко, что история насчет Габриэль Терл оказалась неправдой</i> [пер. Екимовой, 2016, с. 3].	<i>* Schade, dass die Story, Gabrielle Turl hätte Nigger Island gekauft, nicht stimmte</i> [Deitmer, 2017, S. 17] <i>транслитерация</i>	<i>* Pity that story about Gabrielle Turl having bought Indian Island wasn't true</i> [Christie, 1940, p. 16] <i>адаптация</i>
<i>Hair lotion, lavender water, cascara, glycerine of</i>	<i>На нем стояло несколько бутылочек: лосьон для волос, лавандовая вода,</i>	<i>* Лосьон, лавандовая вода, каскара, глицерин для рук,</i>	<i>* Haarlotion, Lavendelwasser, Abführmittel, Gurkenglyzerin für die Hände,</i>	<i>* Hair lotion, lavender water, cascara, glycerine of</i>

<i>cucumber for the hands, a mouth wash, tooth paste and some Elliman's.</i> [Christie, 1939, p. 77]	<i>слабительное, глицерин, зубная паста, эликсир ...</i> [пер. Беспаловой, 1990, с. 232]	<i>ополаскиватель для рта, зубная паста и мазь Эллимана</i> [пер. Екимовой, 2016, с. 49]. эквивалент	<i>ein Mundwasser, Zahnpasta und Wundsalbe</i> [Deitmer, 2017, S. 75] эквивалент	<i>cucumber for the hands, a mouth wash, tooth paste and some Elliman's.</i> [Christie, 1940, p. 79] эквивалент
--	--	---	---	--

Сравнивая переводы на русский язык, мы можем увидеть, что обе переводчицы опускают название острова. Л.Г. Беспалова в своем переводе оставляет слово *остров* и дает понять читателю, что автор имеет ввиду *Негритянский остров*, а Н.В. Екимова в своем ПТ старательно избегает упоминать название острова, заменяя топоним описанием. ПТ на немецком языке свидетельствует об отказе переводчиков от политкорректности в пользу эквивалентной передачи оригинала. В переводе на американский английский название острова передается при помощи прагматической адаптации под действием внелингвистических факторов и новой лингвокультуры (расовой политкорректности). Причины, побудившие Л.Г. Беспалову отказаться от передачи абсолютно нейтральной единицы *mouth wash* (которую невозможно истолковать как дисфемизм), остаются неясными. Можно лишь предполагать в этом факте проявление переводческой манеры.

Сопоставление примеров нулевого перевода реалий из романа “Mysterious Affair at Styles” с альтернативными приемами отражают информационные потери (см. табл. 19).

Таблица 19 – Нулевой перевод в разных ПТ “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПЯ – русский язык		ПЯ – немецкий язык
	ПТ А.Д. Смолянского	ПТ М.Ю. Юркан	ПТ Н. Шиндлер
<i>... she was working as a nurse at the big hospital in Middlingham, a manufacturing</i>	<i>... она сообщила, что работает медсестрой в большом госпитале в городке</i>	<i>* ...она устроилась работать сиделкой в большую больницу Миддлингхэма, фабричного городка,</i>	<i>* ... sie arbeite als Krankenschwester in einem großen Krankenhaus in einer etwa fünfzehn</i>

<i>town some fifteen miles away ...</i> [Christie, 1920, p. 24].	<i>Миддинхэм, расположенном милях в пятнадцати от Стайлз ...</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 7].	<i>находящегося от нас милях в пятнадцати, ...</i> [пер. Юркан, 2015, с. 10]. <i>эквивалент</i>	<i>Meilen entfernten Industriestadt</i> [Schindler, 2015, S.22] <i>эквивалент</i>
<i>Here, let one of the maids go down and wake Baily and tell him to go for Dr. Wilkins at once</i> [Christie, 1920, p. 38].	<i>И вот что - пусть кто-нибудь спустится и разбудит Бэйли, чтобы он срочно бежал за доктором Уилкинсом.</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 12].	<i>* Так, пусть одна из горничных спустится, разбудит Бейли и немедленно отправит его за доктором Уилкинсом</i> [пер. Юркан, 2015, с. 16]. <i>эквивалент</i>	<i>* Eines der Hausmädchen soll runterlaufen und Baily wecken, damit er sofort Dr. Wilkins holen geht</i> [Schindler, 2015, S. 34] <i>эквивалент</i>
<i>It was an ordinary key of the Yale type, with a bit of twisted wire through the handle</i> [Christie, 1920, p. 56].	<i>...это был вполне обыкновенный ключ, надетый на небольшое проволочное кольцо</i> [пер. Смолянского, 1990, с. 18].	<i>* Типичный ключ от американского замка Йейла с пропущенной через головку проволочкой... Лайнус Йейл-старший (1797–1854) и Лайнус Йейл-младший (1821–1868) – отец и сын, известные американские изобретатели и производители замков</i> [пер. Юркан, 2015, с. 23]. <i>описательный перевод</i>	<i>Es war ein ganz normaler Sicherheitsschlüssel, durch den ein Stückchen verbogener Draht gezogen war</i> [Schindler, 2015, S.48]
<i>... I drew nearer, and was introduced to Detective-Inspector Japp ...</i> [Christie, 1920, p.136].	<i>... Пуаро представил меня мистеру Джеппу ...</i> [пер. Смолянского, 1990, с.46].	<i>* ... меня представили инспектору уголовной полиции Джеппу ...</i> [пер. Юркан, 2015, с.57]. <i>описательный перевод</i>	<i>* ... kam ich hinzu und wurde Inspektor Japp vorgestellt ...</i> [Schindler, 2015, S.111] <i>уподобляющий перевод</i>
<i>I shall go for that fellow Japp, when I next see him!" "Lot of Paul Prys," grunted Miss Howard</i>	<i>С этим Джеппом и говорить-то противно, – буркнула мисс Ховард</i> [пер. Смолянского,	<i>* Типичные последователи Пола Прая, – проворчала мисс Говард. Одноименный герой комедии</i>	<i>* Ich werde diesem Inspector Japp aber bei der nächsten Gelegenheit mal meine Meinung sagen!»</i>

[Christie, 1920, p.192].	1990, с.66].	«Пол Прай» английского драматурга Дж. Пула (1786–1872); этот персонаж стал символом излишне навязчивого и любопытного человека [пер. Юркан, 2015, с.79]. описательный перевод	<i>«Nichts weiter als neugierige Halunken»</i>, <i>grummelte Miss Howard</i> [Schindler, 2015, S.155] генерализация
--------------------------	--------------	--	---

Краткий обзор примеров позволяет выявить отличительную манеру А.Д. Смолянского, склонного изъятию реалий из ПТ, некоторые из которых не представляют затруднения для межъязыковой трансляции (*инспектор, горничная, фабричный городок*). Очевидным становится его увлечение стратегией симплификации [Филиппова 2015, с. 227], облегчающей читателям освоение незнакомой или малознакомой культуры.

Завершая анализ наиболее частотных приемов перевода реалий в романах А. Кристи, мы представляем результаты количественного анализа. Наряду с выявлением и выделением конкретных примеров применения тех или иных способов передачи реалий в рассматриваемых романах А. Кристи нами также осуществлено статистическое наблюдение над применяемыми разными переводчиками способами передачи реалий в наиболее показательных в контексте цели и задач диссертации романах – “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.

Результаты анализа можно проследить на рисунке №6:

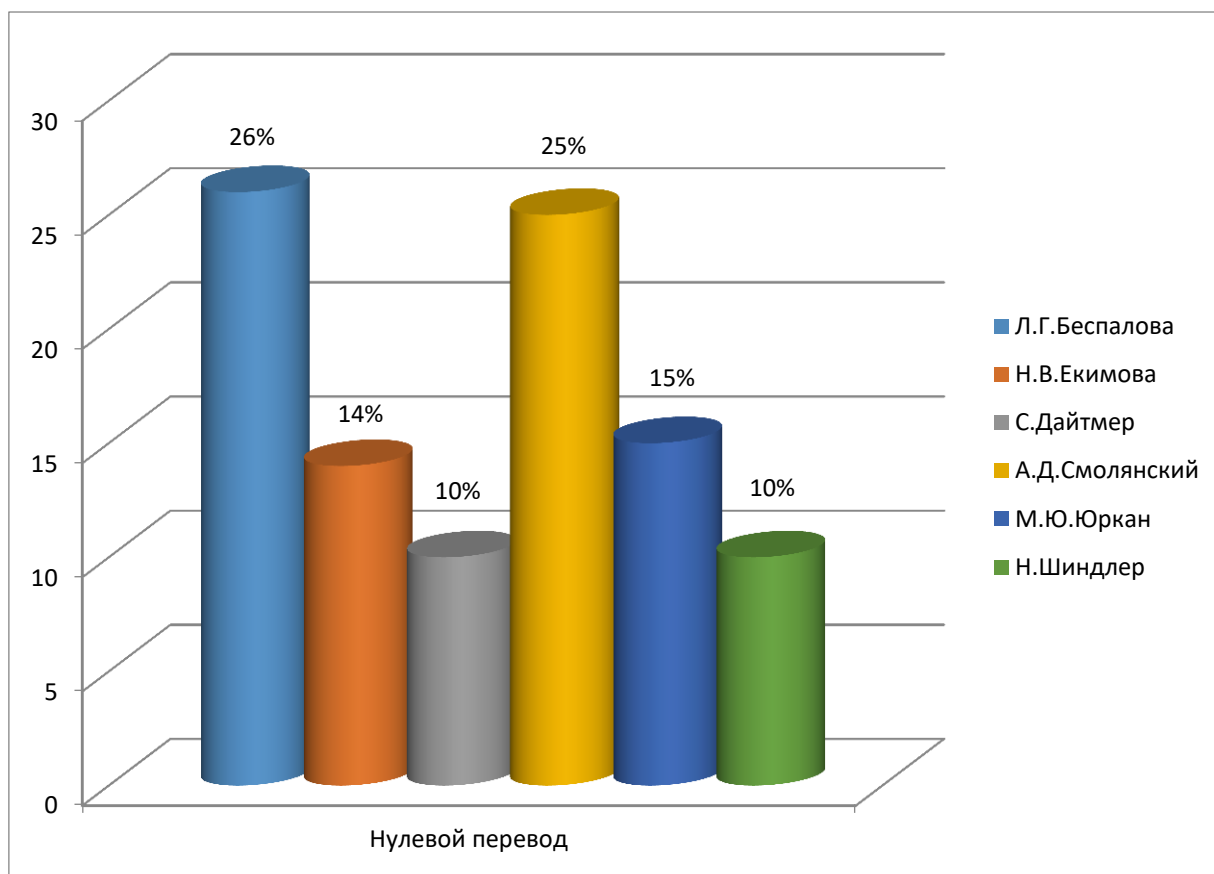

Рисунок 6 – Частотность нулевого перевода в разных ПТ
 “Ten Little Niggers” и “Mysterious Affair at Styles”

Сводные результаты количественного анализа представлены в графическом отображении на рисунке №7. Они отражают частотность всех приемов передачи реалий в обоих анализируемых романах А. Кристи и выявлены в работе всех переводчиков. Такое представление охватывает всю эмпирическую базу исследования и позволяет приблизиться к решению одной из важных задач – объективизации переводческой манеры.

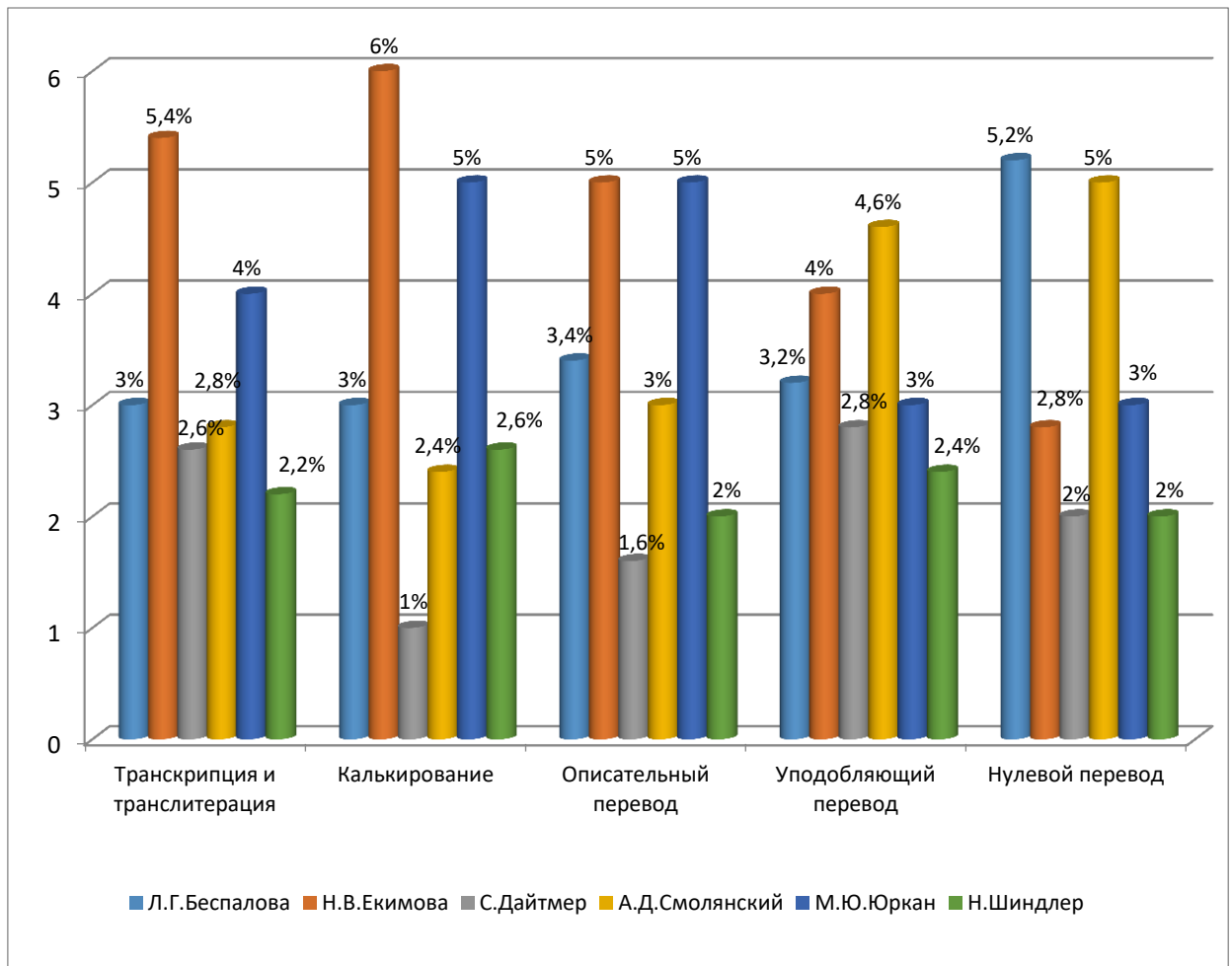

Рисунок 7 – Статистические данные о способах передачи реалий в разных ПТ “Ten Little Niggers” и “Mysterious Affair at Styles”

Полученные результаты косвенно подтверждают склонность переводчиков к определенной манере передачи ИТ средствами ПЯ, к той или иной стратегии. Отдельные факты, свидетельствующие о какой-либо тенденции в работе переводчиков Л.Г. Беспаловой, Н.В. Екимовой, А.Д. Смолянского, М.Ю. Юркан, S. Deitmer (С. Дайтмер) и N. Schindler (Н. Шиндлер), отмечены и экплицированы в представленном выше анализе. Ниже мы подвергнем анализу влияние, которое личность переводчика оказывает на его работу, т.е. на создаваемый им текст перевода.

3.3. Личность переводчика как субъективный фактор перевода и как отражение лингвокультуры

В художественном переводе переводчик может передать многоаспектную ценность и множество специфических этнокультурных смыслов, смысловых оттенков и нюансов исходного текста, включая его фактологическое, сюжетное, образное, эмоциональное и эстетическое наполнение, под воздействием на него субъективных предпочтений, формируемых самыми различными факторами. К таким факторам можно отнести скорость выполнения перевода, соотношение приоритетов в использовании тех или иных переводческих приемов и т.п. В любом случае, как справедливо отмечает Т.Г. Пшёнкина, главенствующим структурообразующим фактором перевода является языковая способность переводчика; при этом личность переводчика, иначе говоря, переводческая языковая личность, представляющая собой многоаспектный феномен (психический, социальный, языковой) и испытывающая влияние различных внешних факторов [Пшёнкина, 2005, с. 191, 194].

Каждому переводчику как личности присущ уникальный речемыслительный процесс со своими особенностями, которые в заметной мере исходят от мозга индивидуума. При этом мозг как таковой рассматривается в качестве «носителя знаний метаконгитивного уровня», обеспечивающий «управление процессами использования языка как инструмента обработки, хранения и передачи информации» [Крюкова, 2018, с. 316].

Определяя ценность художественного текста в целом, переводчик не перебирает механическим способом свойства и признаки знаков, а действует избирательно, выделяя те знаки, которые кажутся ему наиболее существенными. При переводе также важно учитывать дифференцирующие факторы, прежде всего: различия между двумя языковыми системами, языковыми картинками мира, объемов фоновых знаний читателей исходного и переводного текстов. Согласно мнению Л.Л. Нелюбина, художественный

перевод должен «передать дух переводимого произведения» и произвести впечатление на своего читателя, какое подлинник производит на «своего» [Нелюбин, 2003, с. 246]. Двойственный статус художественного перевода соответствует его двоякой роли в свете межкультурной коммуникации: с одной стороны, переводной художественный текст замещает оригинал для читателей, а с другой, становится литературным фактом переводящей культуры. Первое условие требует от перевода верности оригиналу, второе-литературно-художественных качеств, отвечающих нормам и традициям переводящего языка и культуры [Казакова, 2006, с. 3].

Романы А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers” являются наиболее показательными в контексте рассмотрения комплекса вопросов, связанных с личностью переводчика как важнейшего фактора адекватности и эквивалентности переводов текстов литературного наследия Кристи на русский и немецкий языки. Названные романы переводили на русский язык многие переводчики. Остановимся подробно на первом романе А. Кристи – первой книге об Эркюле Пуаро, капитане Артуре Гастингсе и инспекторе Джеппе, которая написана от лица капитана и содержит все элементы классического детектива («закрытая комната», много скрывающих что-либо подозреваемых в одном здании, схемы и планы, неожиданные повороты расследования). Автор на основе приобретенных знаний, а также знакомства с бельгийскими беженцами выводила ключевой образ романа – сыщик-бельгиец Эркюль Пуаро. Е.Л. Кузьменко и Л.К. Свиридова считают, что авторский ракурс лежит в основе смысловой идеи текста как единого содержательного целого, представленного как прямая линия изложения сюжета. Она определяется сюжетной перспективой как разветвленным многопланово структурным расположением отдельных частей в их связи, прерывистости и сдвигах [Кузьменко, Свиридова, 2018, с. 196]. Этот тезис находит полное подтверждение в работе «королевы детектива», но также и приложим к работе переводчиков, передающих литературное произведение через языковой, культурный и временной барьеры.

Подробно рассмотрим роман “Mysterious Affair at Styles” на русский и немецкий языки. Как было отмечено выше, первый роман автора был переведен на русский язык следующими переводчиками: А.Д. Смолянский в 1990 г., А. Васильчик в 1992 г., С. Шпак в 1994 г., А. Ващенко в 2002 г., М.Ю. Юркан в 2015 г. В нашем исследовании проанализированы переводы А.Д. Смолянского и М.Ю. Юркан. Оригинал романа был опубликован в 1920 году. Спустя 70 лет, в 1990 г., А.Д. Смолянский впервые перевел роман на русский язык, а перевод М.Ю. Юркан вышел в 2015 г. спустя 95 лет со времени его первого издания. Диапазон рецепции романа в русском языке, таким образом, составляет 25 лет.

Немецкие переводы романа “Mysterious Affair at Styles” выполненные переводчиками А. Drawe (А. Драве) в 1929 г., D. Gotfurt (Д. Готфурт) в 1959 г., N. Schindler (Н. Шиндлер) в 2003 г., представляют более широкий временной разрыв – 80 лет. В нашем исследовании проанализирован перевод N. Schindler 2003 г. (2-е издание, 2015 г.).

- 1) *Lawrence, the younger, had been a delicate youth* [Christie, 1920, p. 7].
- 2) *Младший из братьев, Лоуренс, был чувствительным юношей* [пер. Смолянского, 1990, с. 1].
- 3) *Лоуренс, младший из братьев, с детства отличался слабым здоровьем* [пер. Юркан, 2015, с. 3].
- 4) *Lawrence, der jüngere der beiden, war als Kind ständig krank gewesen* [Schindler, 2015, S. 8]

В данном примере перевод М.Ю. Юркан приближен к оригиналу, так как автор под фразой “delicate youth” имеет ввиду, что Лоуренс – «хрупкий/нежный молодой человек», а А.Д. Смолянский в своем переводе больше делает уклон на эмоциональное состояние юноши, учитывая, что Лоуренс и его брат Джон очень рано потеряли маму и вырастила их мачеха (вторая жена их отца), поэтому парень предстает как необщительный, тихий и «чувствительный». В немецком переводе N. Schindler применяет прием компенсации и описывает героя как «болезненный» (“ständig krank”). Процесс перевода начинается с межкультурной интерпретации, т.е. с понимания смысла высказывания на

исходном языке [Новикова, 2017, с. 171]. Интерпретация является одним из важнейших видов языкового посредничества и рассматривается как действие интеллекта, состоящее из двух взаимосвязанных операций – понимания и объяснения [Крюков, 1988, с. 44; Олейник, 2014, с. 38].

Таким образом, делая вывод, стоит отметить, что при переводе романа на русский язык А.Д. Смолянский и на немецкий язык N. Schindler расставляют собственные смысловые акценты в создаваемом каждом из них тексте, в той или иной мере отступая от оригинала и создавая различные предметные ситуации на основе авторского текста в новой коммуникативной ситуации перевода.

Как отмечалось ранее, в нашей работе мы во многом опираемся на опыт рассмотрения способов передачи реалий С.И. Влахова, С.П. Флорина, где подробнейшим образом рассмотрены и систематизированы способы передачи реалий. Однако в нашем исследовании необходимо выделить еще несколько дополнительных способов передачи реалий, использованных переводчиками А.Д. Смолянским, М.Ю. Юркан и N. Schindler в своих версиях, такие как транскрипция, транслитерация, калькирование, уподобляющий перевод и компенсация.

Используемый в настоящей части нашего диссертационного исследования материал для анализа – 920 реалий романа “Mysterious Affair at Styles”. Таким образом, классификация способов передачи реалий на материале переводов А.Д. Смолянским, М.Ю. Юркан и N. Schindler детективного романа А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” приобрела следующий вид (см. табл. 20):
Таблица 20 – Частотность способов передачи реалий в романе “Mysterious Affair at Styles”

№ п/п	Способы передачи реалий	Количество реалий – перевод А.Д. Смолянского, 1990г.	Количество реалий – перевод М.Ю. Юркан, 2015г.	Количество реалий – перевод Н. Шиндлер, 2015г.
1.	транскрипция	87	60	5
2.	транслитерация	60	81	98

3.	калькирование	53	65	75
4.	уподобляющий перевод	35	25	27
5.	описание	21	35	17
6.	компенсация	37	18	14
7.	добавление	21	15	8
8.	опущение	34	19	10

Графическая интерпретация данных представлена на рисунке №8:

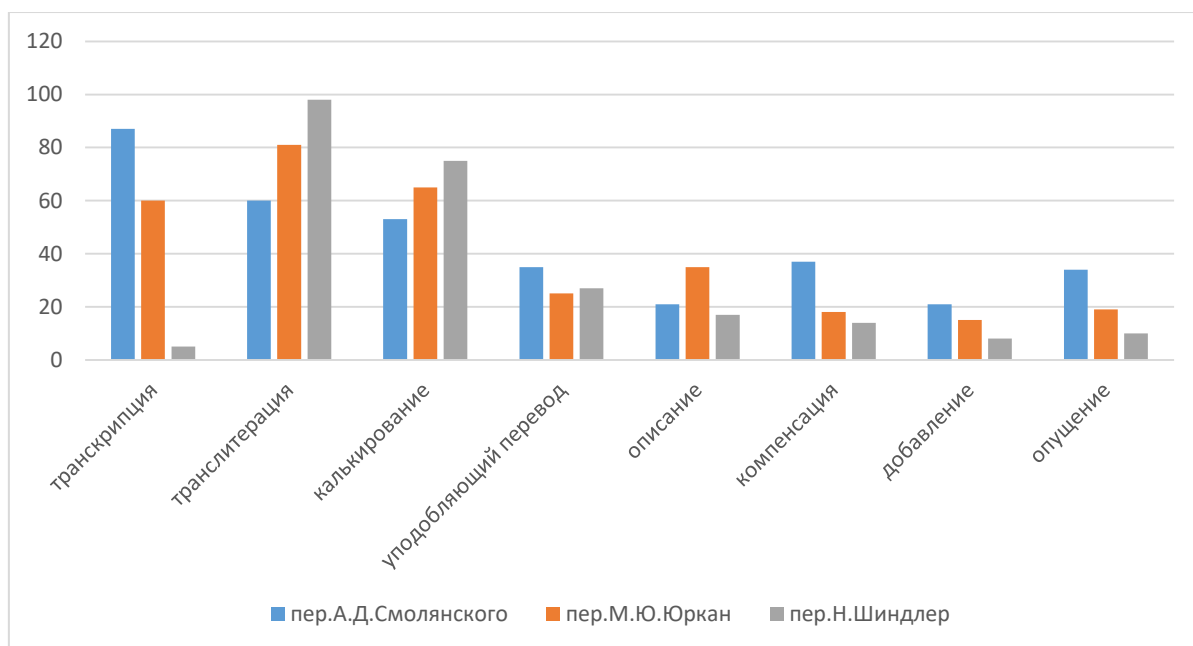

Рисунок 8 – Частотность приемов перевода в ПТ “Mysterious Affair at Styles”

Нижеследующие примеры работы переводчиков и та или иная степень достижения ими адекватности вполне логично обуславливаются контекстом их профессиональной реализации, прежде всего широтой охвата переводимых ими произведений, отнесением этих произведений к меньшему или большему спектру разных жанров, предшествующим опытом переводческой деятельности, наличием опыта работы в смежных с переводом видах деятельности (редактирование, критика и т.п.).

А.Д. Смолянский (род. 1957 г.) помимо исследуемого нами романа также перевел ряд детективов других авторов, в том числе серии рассказов И.Б. Зингера и В. Аллена. А.Д. Смолянский переводческое дело освоил

благодаря семинару переводчиков в Ленинградском отделении Союза писателей уже после получения образования в сфере авиаприборостроения. Будучи изначально любителем, А.Д. Смолянский освоил мастерство переводчика, работая не только с детективами, но и с произведениями других жанров. А.Д. Смолянский перевел ряд стихов Р. Киплинга, О. Уайльда и Э. Лира. Перевод “Mysterious Affair at Styles” за авторством А.Д. Смолянского был впервые опубликован в журнале «Простор» (см. рис. 9). Переводческую деятельность А.Д. Смолянский успешно сочетает с кинематографической, являясь одним из сценаристов фильма «В поисках потерянного рая» (2015 г.).

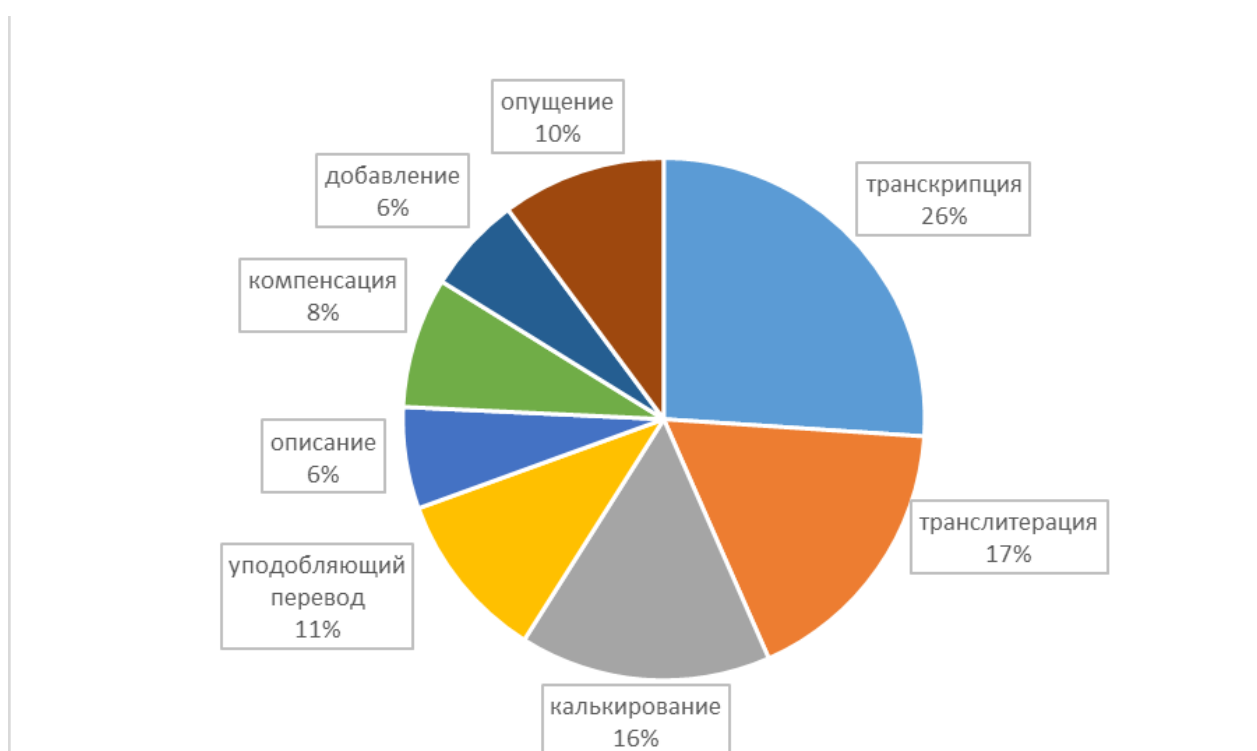

Рисунок 9 – Приемы перевода, использованные А.Д. Смолянским

На рисунке №9 видно, что в переводе А.Д. Смолянского наибольшее количество в способах передачи реалий составляют транскрипция – 26%, калькирование – 16% и транслитерация – 17%.

М.Ю. Юркан осуществляет переводческую деятельность в широком диапазоне жанров. Помимо детективной литературы М.Ю. Юркан перевела исторические романы о короле Генрихе VIII – «Между ангелом и ведьмой.

Генрих VIII и шесть его жен» и «Безнадежно одинокий король. Генрих VIII и шесть его жен» американской писательницы М. Джордж, исторический детектив «Молот Тора» У. Дитриха, исторический детектив «Тринадцатая ночь» А. Гордона и др. О широком профессиональном поле М.Ю. Юркан свидетельствует наличие выполненных ею переводов помимо детективов и исторических детективов также любовных романов, в том числе «Француженки не крадут шоколад» и «Француженки не терпят конкурентов» Л. Флоранд и «Турецкий горошек» Д.Л. Нельсон.

Особое место в переводческой деятельности М.Ю. Юркан занимает перевод произведений А. Кристи. Помимо «Загадочного происшествия в Стайлзе» М.Ю. Юркан перевела ее романы и рассказы «Убить легко», «Дама под вуалью», «Двойная улика», «Двойной грех», «Корнуолльская тайна», «Коробка конфет», «Король трэф», «Морское расследование», «Наследство Лемезюрье», «Нежданный гость», «Плимутский экспресс», «По направлению к нулю», «Приключение Джонни Уэйверли» и ряд других. В большинстве из них фигурирует столь полюбившийся ей созданный А. Кристи литературный герой сыщик Эркюль Пуаро.

Возможно предположить, что переводческая деятельность М.Ю. Юркан в разных жанрах, а также охват большего по сравнению с другими переводчиками, заслуг которых мы ни в коей мере не умаляем, круга произведений А. Кристи повлияли на то, что, на наш взгляд, переводы М.Ю. Юркан являются наиболее адекватными.

На рисунке №10 видно, что М.Ю. Юркан в основном использует следующие способы передачи реалий: калькирование – 21%, транскрипция – 19%, транслитерация – 25%.

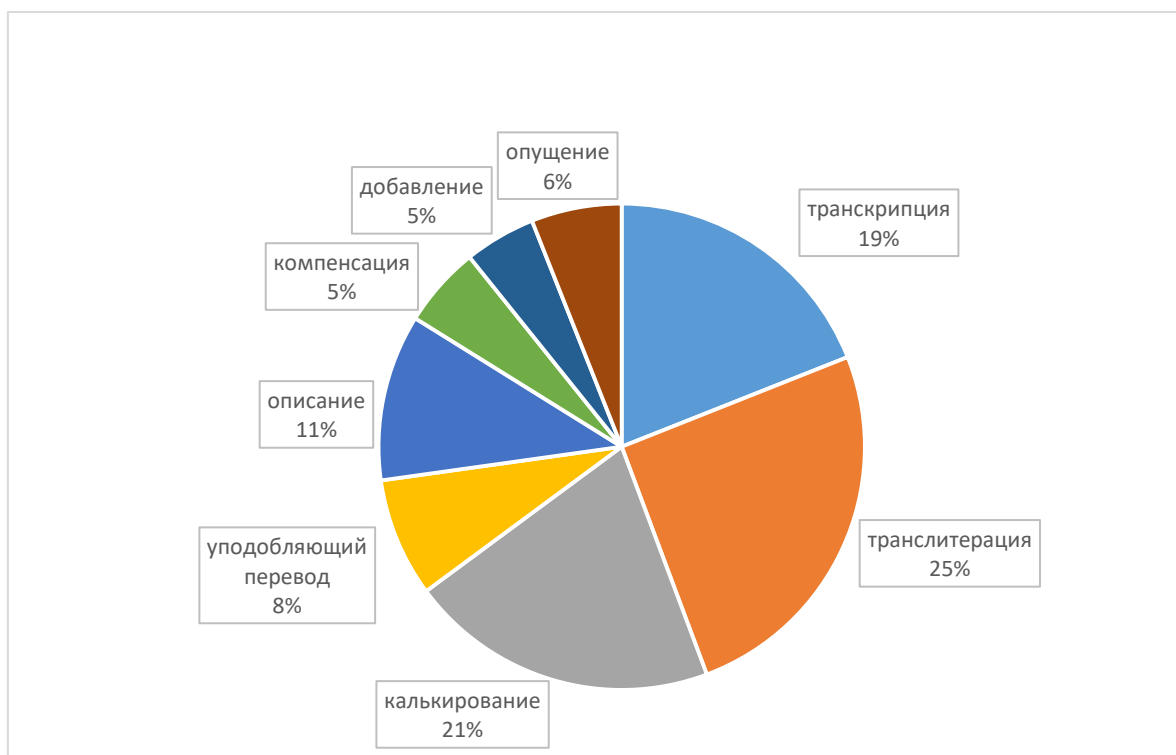

Рисунок 10 – Приемы перевода в работе М.Ю. Юркан

Осуществление перевода “Mysterious Affair at Styles” на немецкий язык принадлежит немецкой писательнице и переводчице N. Schindler (род. 1946 г.), который она выполнила в 2002 г. Важнейшей особенностью, отличающей ее деятельность от переводческой деятельности вышеперечисленных мастеров перевода, является осуществление переводов на немецкий с двух иностранных языков – английского и французского. Владение в совершенстве двумя иностранными языками тоже, по нашему мнению, повышает адекватность перевода, поскольку у переводчика наработаны в этом случае навыки полиязычного перевода и, соответственно, более развиты навыки критического анализа перевода и саморедактирования. Важное место в переводах N. Schindler занимает детская и юношеская проза, в частности, рассказы американской писательницы для подростков Э. Брэшэрес и французского писателя с русскими корнями Г. Золотарефф.

Повышению уровня адекватности переводов, выполненных Н. Шиндлер, как мы полагаем, способствует также выполняемая ею редакторская деятельность, прежде всего изданий фирмы Конрада Дудена для детей – «Мой

первый словарь» (“Mein erstes Wörterbuch”), «Моя первая арифметика» (“Mein erstes Zahlenbuch”), «Мой первый лексикон» (“Mein erstes Lexikon A – Z”).

N. Schindler помимо переводческой и редакторской работы является автором ряда собственных художественных произведений, в том числе серии коротких детективов (Kurzkrimis), серии детских рассказов (Kurzgeschichten), нехудожественных популярных очерков (Sachbücher).

Относительно перевода романа А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” следует особо заметить, что в переводе N. Schindler название романа звучит совершенно по-иному – «Недостающее звено в цепи» (“Das fehlende Glied in der Kette”), которое, однако, впервые было предложено и использовано переводчицей D. Gotfurt (Д. Готфурт) в 1959 г. Это заметно отличает данную версию перевода названия романа от передачи на русский язык, выполненных в строгой эквивалентности к оригиналу. Аналогичная ситуация с переводом текста романа на испанский язык (“El misterioso caso de Styles” (переводы на испанский выполнили О.Льоренс и С. де Каль)) и на французский язык (“La Mystérieuse Affaire de Styles” (переводы выполнили М. Ложе и Т. Арсон)). Вместе с тем, на некоторые другие языки название исследуемого романа переводится далеко не всегда дословно, но в определенной доле совпадения с оригиналом. Например, в переводе на итальянский название романа звучит как «Пуаро и загадка Стайлз Корта» (“Poirot e il mistero di Styles Court” (перевод на итальянский Б. Армандо)). Однако, именно в передаче названия романа N. Schindler наблюдается полное несоответствие оригинальному названию, что, возможно, объясняется художественным видением ее предшественницы переводчицы-писательницы D. Gotfurt.

На рисунке №11 видно, что N. Schindler в переводе на немецкий язык использует способы передачи реалий, заметно отличаясь от русских переводов, так как в переводе N. Schindler транслитерация занимает 39%, калькирование – 30%, а транскрипция только 2%.

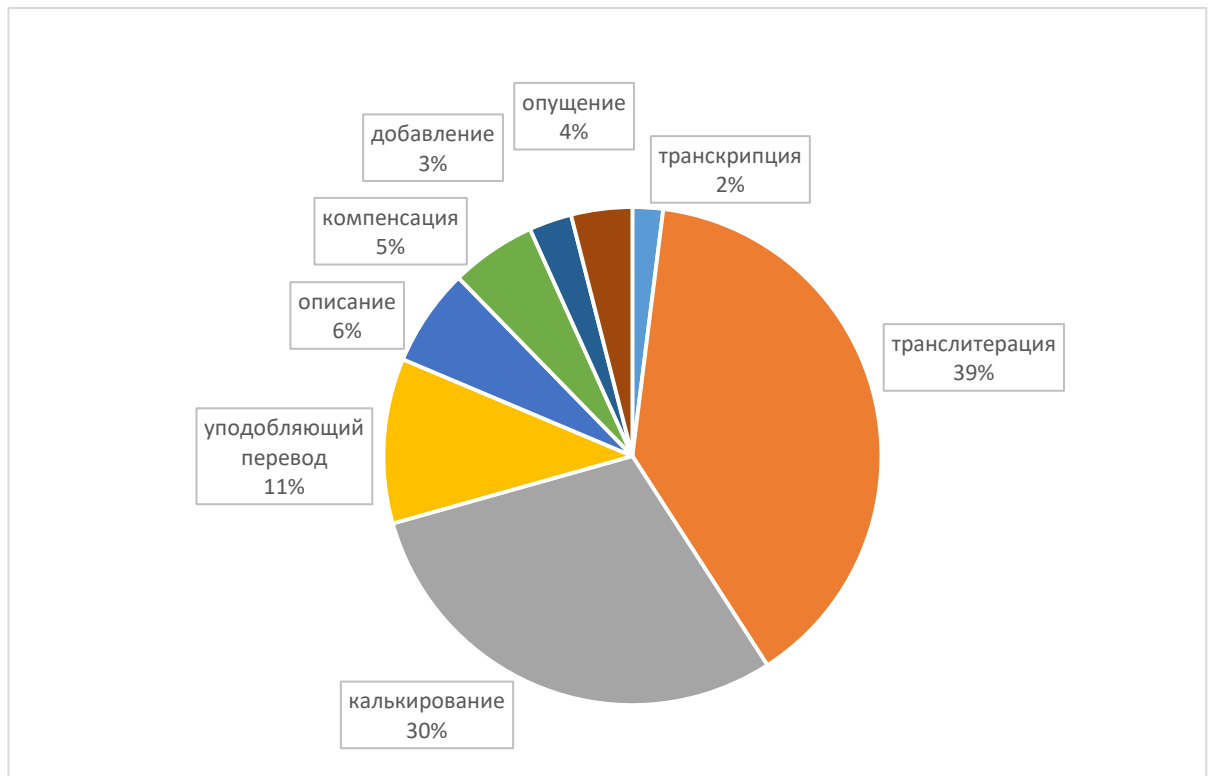

Рисунок 11 – Приемы перевода в работе Н. Шиндлер

Второй исследуемый нами роман А. Кристи “Ten Little Niggers”, считается лучшим произведением автора. Скалистый островок, на котором происходит действие романа, списан с натуры – это остров Бург в Южной Британии. Особое место в этом ряду занимают переводчики наиболее популярного и одного из самых любимых самой А. Кристи романов “Ten Little Niggers” Л.Г. Беспалова и Н.В. Екимова. Обе переводчицы заслужили большую известность своими переводами произведений англоязычной литературы, широко издаваемой в России. Роман “Ten Little Niggers” впервые был переведен на русский язык спустя 48 лет переводчиками Н. Уманец, С. Никоненко (1987 г.), через 3 года появился на свет перевод Л.Г. Беспаловой (1990 г.), затем переводы В. Селиной (1992 г.), А. Креснина (1992 г.), В. Тирдатовой (2002 г.) и последний перевод Н.В. Екимовой (2015 г.). На немецкий язык роман переводился спустя 15 лет переводчицей А.К. Реманн-Зальтен (1944 г.), затем вышли переводы У. Гайль (1985 г.), S. Deitmer (С. Дайтмер, 2003 г., 2008 г., 2017 г.).

Подробно рассмотрим второй исследуемый нами роман “Ten Little Niggers” на русский и немецкий языки.

Используемый материал для анализа – 803 реалии. Таким образом, классификация способов передачи реалий на материале переводов Л.Г. Беспалова, Н.В. Екимова и S. Deitmer (С. Дайтмер) детективного романа А. Кристи “Ten Little Niggers” приобрела следующий вид (см. табл. 21):

Таблица 21 – Частотность способов передачи реалий

№ п/п	Способы передачи реалий	Количество реалий – перевод Л.Г. Беспаловой, 1990 г.	Количество реалий – перевод Н.В. Екимовой, 2016 г.	Количество реалий – перевод С. Дайтмер, 2017 г.
1.	транскрипция	81	48	7
2.	транслитерация	72	80	98
3.	калькирование	53	60	50
4.	уподобляющий перевод	21	35	20
5.	описание	18	27	8
6.	компенсация	20	20	9
7.	добавление	12	9	6
8.	опущение	25	14	10

Графически результаты анализа демонстрируются на рисунке № 12:

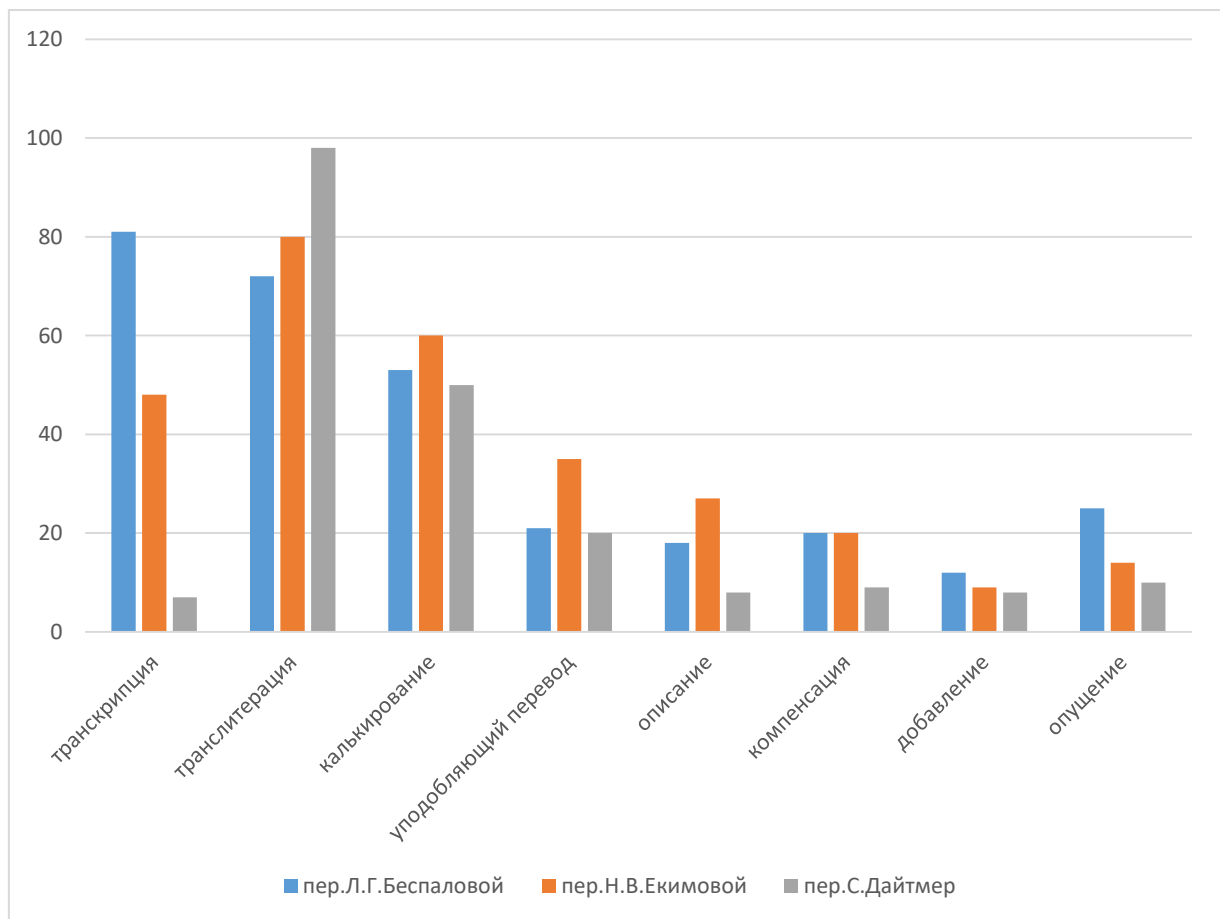

Рисунок 12 – Частотность приемов перевода в ПТ “Ten Little Niggers”

Здесь важно отметить основные тенденции использования данных способов в переводах. Из приведенной выше диаграммы можно заключить, что по самым адекватным способам передачи реалий на русский язык, таким как транскрипция, транслитерация, калькирование, лидируют оба переводчика – Л.Г. Беспалова и Н.В. Екимова. В немецком переводе видно, что S. Deitmer (С. Дайтмер) в основном употребляет приемы транслитерации и калькирования при передаче реалий. Менее точные способы, такие как компенсация, опущение, добавление преобладают у Л.Г. Беспаловой, а уподобляющий перевод по смежности – у переводчиков Н.В. Екимовой и S. Deitmer (С. Дайтмер).

Л.Г. Беспалова (род. 1933 г.) работала долгое время в журнале «Новый мир» и в издательстве «Молодая Гвардия», занимаясь переводами англоязычной литературы разных авторов и разных жанров. Наиболее

известными произведениями, которые Л.Г. Беспалова перевела на русский язык, являются романы А. Кристи «10 негритят», «Убийство в восточном экспрессе», повести А.К. Дойля «Союз Рыжих», «Пестрая лента» и др., романа И. Во «Пригоршня праха», рассказов О. Генри «Во втором часу у Руни», «Налет на поезд» и др., рассказа Ф.С. Фицджеральда «Волосы Вероники», рассказов У. Фолкнера «Волосы» и «Честь», рассказов В. Вульф «Лапин и Лапина» и «Ненаписанный роман», повести Дж. Оруэлла «Скотный двор», произведений ряда других авторов. Примечательно, что Л.Г. Беспалова внесла свой переводческий вклад в историю изучения детективного жанра, переведя эссе С. Моэма «Упадок и разрушение детектива».

Рисунок №13, представленный ниже, демонстрирует частотность приемов перевода в работе Л.Г.Беспалаовой над передачей реалий в анализируемом романе А. Кристи, наглядно иллюстрируя переводческие предпочтения:

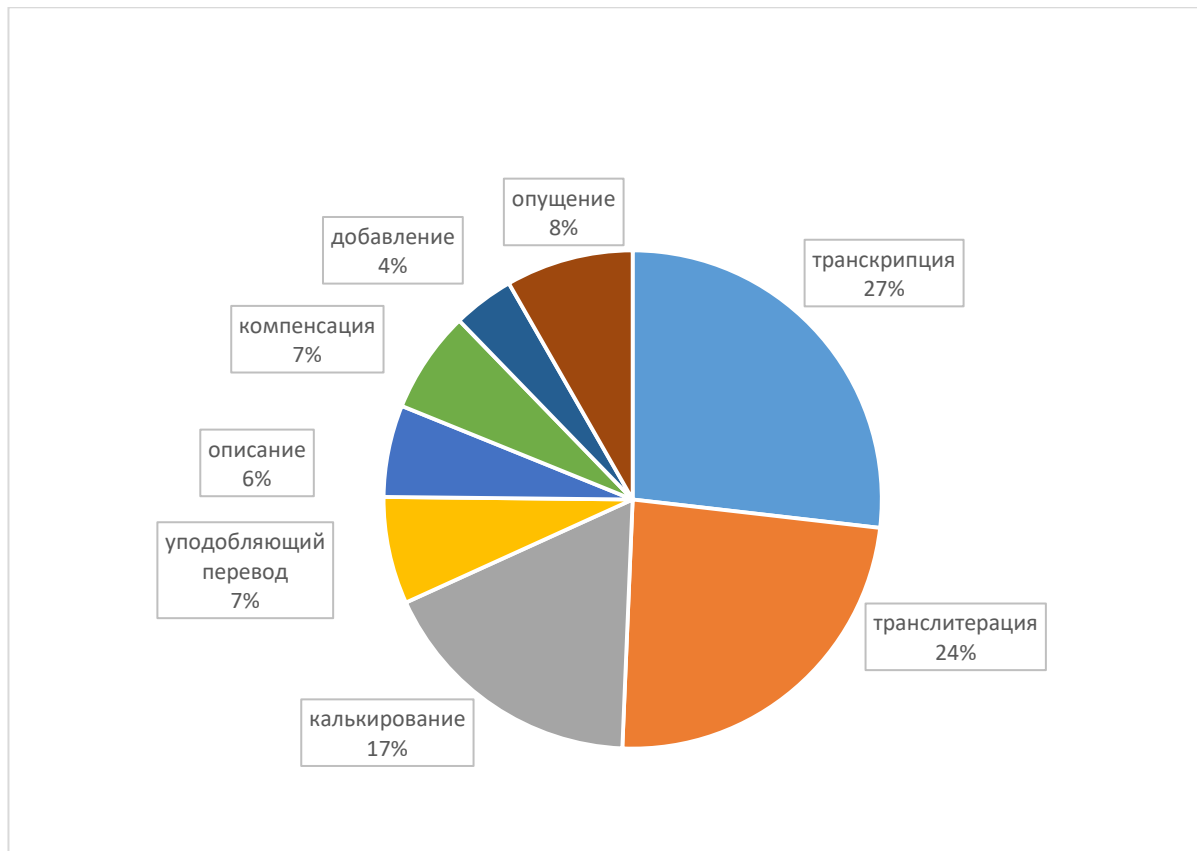

Рисунок 13 – Приемы перевода в работе Л.Г. Беспаловой

На рисунке № 13 видно, что в переводе Л.Г. Беспаловой лидируют такие приемы как транслитерация – 24%, транскрипция – 27% и калькирование – 17%.

Н.В. Екимова, младшая современница Л.Г. Беспаловой, также широко известна своей переводческой деятельностью. В отличие от Л.Г. Беспаловой Н.В. Екимова более специализирована на переводах именно детективов, а также рассказов в стиле «фэнтези» и триллеров. Н.В. Екимова перевела романы А. Кристи «10 негритят», «Загадка Эндхауза» и «Тайна замка Чимниз», большие серии рассказов Ч.Де Линта, Ч. Мьевиля и Дж. Ричардса, ряд рассказов М. Ши, полицейский детектив Э. Джордж «Тайник», и ряд произведений ряда других авторов. Следует заметить особую симпатию Н.В. Екимовой к роману “Ten Little Niggers” А. Кристи. Это подтверждается, на наш взгляд, прежде всего тем, что переводчица, переведя исследуемый в настоящей диссертации роман, выбрала для дальнейшего знакомства русскоязычного читателя с английским детективом «Эркюль Пуаро и шкатулка с секретом», написанным современным британским мастером детектива С. Ханной по предложению Фонда наследия А. Кристи и с согласия ее внука М. Причарда. Персонаж Эркюль Пуаро, созданный А. Кристи, привлекает внимание Н.В. Екимовой: она выполнила перевод романа С. Ханны, где Эркюль Пуаро получает новую жизнь.

Частотность приемов перевода в работе Н.В. Екимовой представлена на рисунке №14, отражая приоритеты в выборе той или иной альтернативы для передачи реалий из оригиналов А. Кристи в ПТ для носителей русского языка. Эта графическая интерпретация полученных объективных результатов служит дополнительным подтверждением наличия определенной переводческой манеры и стратегии передачи национально маркированных единиц ИТ в работе Н.В. Екимовой (в пределах фактического материала исследования).

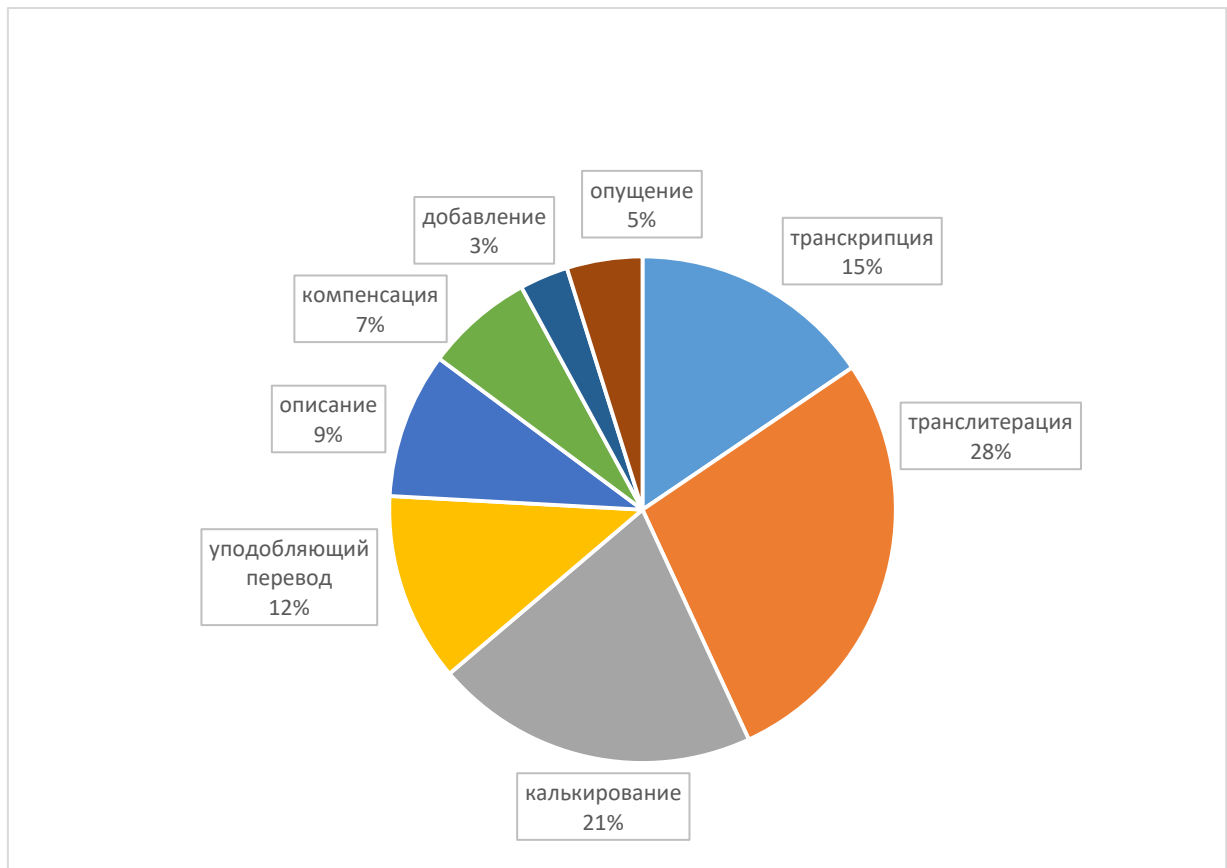

Рисунок 14 – Приемы перевода в работе Н.В. Екимова

На рисунке № 14 видно, что Н.В. Екимова также употребляет в большом количестве три приема передачи реалий: транслитерация – 28%, транскрипция – 15%, калькирование – 21%.

В отличие от отечественных переводчиков в случае с переводом “*Теп Little Niggers*” на немецкий язык переводческая работа осуществлялась профессиональной писательницей, для которой перевод не был основным делом жизни, но являлся второстепенной, хотя и очень важной, сферой деятельности. Речь идет об авторе ряда детективных произведений S. Deitmer (С. Дайтмер) (род. 1947), одним из наиболее знаменитых среди которых является детективная новелла «Пока, пока, Бруно» (“*Bye, Bye Bruno*”), вышедшая в 1988 г. Интерес S. Deitmer (С. Дайтмер) к А. Кристи и ее творчеству сформировался еще во время ее учебы в магистратуре, и ее магистерская диссертация была посвящена рецепции детективных романов на примере А. Кристи. Не менее известным стал ее роман «Холодный поцелуй»

(1993 г.) с главным героем женщиной-детективом Б. Штайн. Перевод “Ten Little Niggers” был едва ли не единственным выполненным S. Deitmer (С. Дайтмер) переводом зарубежного произведения, несмотря на то что, по признанию автора, она с детства увлекалась А. Кристи и прочитала все ее романы (см. рис. 15).

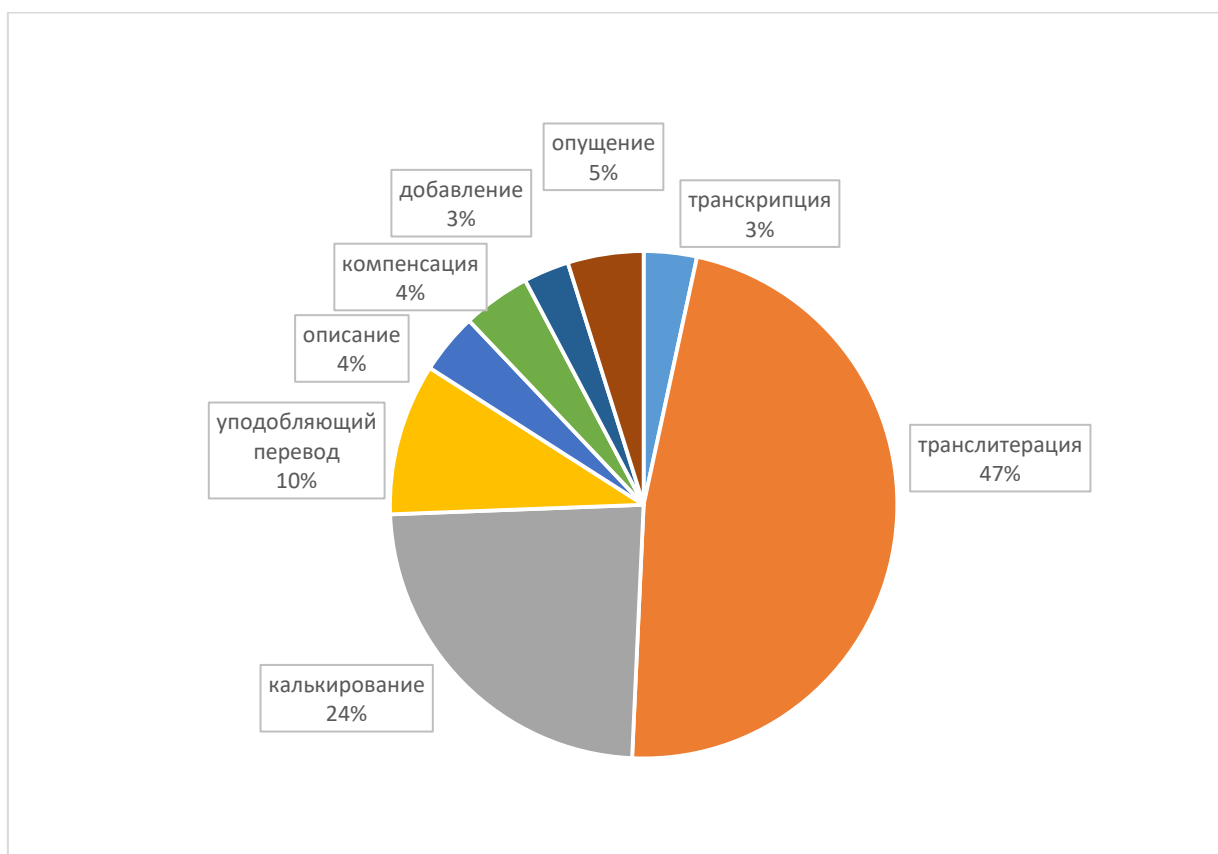

Рисунок 15 – Приемы перевода в работе С. Дайтмер

На рисунке № 15 можно увидеть, что в немецком переводе S. Deitmer (С. Дайтмер) употребляет в основном следующие приемы: транслитерации – 47%, калькирование – 24%, а транскрипция составляет всего 3%.

Из выше приведенных примеров можно сделать вывод, что по самым адекватным способам передачи реалий, таким как транскрипция, транслитерация, калькирование, лидируют работы Л.Г. Беспаловой и Н.В. Екимовой. В немецком переводе в отличие от русских переводов,

S. Deitmer (С. Дайтмер) больше всего употребляет два приема передачи: транслитерация и калькирование.

Сформулированные выводы подтверждаются наличием большого количества подобных примеров из переводов других романов А. Кристи. Не ставя задачи проведения их всеобъемлющего анализа и составления соответствующих статистик, указываем лишь наиболее характерные из них. Именно эти количественные показатели, выявленные в ходе сопоставительного анализа оригинала и перевода, обнаруживают склонность переводчиков к предпочтению того или иного способа передачи, особенного для каждого из участников и посредников межкультурной коммуникации. Таким образом, количественные данные подтверждают наличие у каждого переводчика своеобразной индивидуальной манеры передачи иноязычного оригинала средствами своего родного языка. Полученные результаты анализа обширной эмпирической базы служат достаточным и надежным аргументом для формулирования представленной ниже идеи коллективного перевода в аспекте полиязычия и диахронии передачи художественной литературы.

3.4. Множественность в диахроническом полиязычном переводе художественной литературы

Феномен переводной множественности напрямую связан с тем, что перевод (как акт межкультурной и межкультурной коммуникации) зависит от многих факторов, отмеченных выше в соответствующих параграфах диссертационного текста. Совокупность этих факторов, образующих замкнутую систему в каждом единичном акте перевода, имеет и уникальный и повторяемый характер.

Переводная множественность определяется как «факт реального существования в переводческой литературе двух или более переводов одного и

того же оригинала» [Чайковский, Лысенкова, 2014, с. 193], обуславливаемый разным восприятием концептосферы автора исходного текста несколькими переводчиками [Приказчикова, 2012, с. 74].

В письменной асинхронной коммуникации, какой и является перевод иноязычной художественной литературы, значительную роль играет количество языков, участвующих в межкультурном общении. В рамках настоящего исследования эмпирическая база ограничивается двумя языками перевода (русским и немецким), которые экспонируют иные лингвокультуры (не тождественные оригинальной).

В условиях диахронии опыт передачи оригинала на один и тот же язык перевода множится. При этом наличие нескольких переводов ИТ на один и тот же ПЯ отнюдь не означает постепенного роста качества перевода. В этом отношении можно только констатировать увеличение числа коммуникантов, среди которых следует иметь ввиду не только разных переводчиков, но и разных получателей ПТ. С течением времени новые поколения читателей (отличаясь от своих предшественников или наследников – соответственно – по мировоззренческим, политическим, возрастным и т.п. характеристикам) предъявляют к ПТ новые требования.

Практически во всех случаях успех коммуникации зависит от адекватности перевода, а качество коммуникации – от степени адекватности. Без преувеличения можно сказать, что адекватность перевода является важнейшим фактором, определяющим многообразные аспекты и нюансы культурно-цивилизационных отношений в самом широком смысле – как на уровне государств и обществ, так и на уровне отдельных коллективов и людей [Аксенова, Елифанцева, Жирова 2018, с. 96].

Говоря о переводе художественных текстов, следует учитывать адекватность ПТ запросам аудитории (в том числе прогнозируемой аудитории). «Адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер, 2009, с. 95]. К числу таких коммуникативных условий следует отнести и амплитуду диахронии, рост

которой обуславливает поиск новых решений для передачи ранее переведенного оригинала – в новых условиях (культурных, общественно-политических и т.п.).

В этом аспекте передача оригинала – в художественном переводе – оказывается лично-обусловленной: переводчик передает ценность исходного текста в соответствии со своими субъективными предпочтениями. Определяя ценность художественного текста в целом, переводчик не перебирает механическим способом свойства и признаки знаков, а действует избирательно, выделяя те знаки, которые кажутся ему наиболее существенными. При переводе также важно дифференцирующие факторы: различия между двумя языковыми системами, языковыми картинами мира и в объеме фоновых знаний читателей исходного и переводного текстов. Таким образом, действительность становится весьма отвлеченным и относительным понятием. Двойственный статус художественного перевода соответствует его двойной роли в свете межкультурной коммуникации: с одной стороны, переводной художественный текст замещает оригинал для читателей, а с другой, становится литературным фактом переводящей культуры. Первое условие требует от перевода верности оригиналу, второе – литературно-художественных качеств, отвечающих нормам и традициям переводящего языка и культуры [Казакова, 2006, с. 3].

«Переводческое прочтение оригинала – это истинная герменевтическая деятельность», поэтому в задачи переводчика входит не только «реконструкция текста на языке перевода иными средствами выражения» [Гарбовский, 2004, с. 52], но и сохранение особенностей авторского стиля в тексте перевода [Новикова, 2016, с. 390].

Степень переводимости взаимосвязана с феноменом переводной множественности, которая в контексте настоящего диссертационного исследования понимается как существование и распространение в лингвокультуре (-ах) одного или нескольких ПЯ исходного текста, характеризующееся наличием (и в случае новых переводов в рамках одной

лингвокультуры ПЯ также развитием) переводческих интерпретаций оригинала. При этом с ростом количества переводов исходного текста имеет место взаимная неидентичность разных ПТ одного исходного текста [Филиппова, 2017, с. 140]. Основу переводческой множественности формируют собой множественность переводческих решений и вариативность ПТ [Филиппова, 2014, с. 183]. Реализация же переводной множественности реализуется как на основе меры личной ответственности переводчика, так и на основе коллективной ответственности издательства, приобретающего монополию на публикацию книг той или иной серии [Филиппова, 2017, с. 171].

В связи с отмеченными факторами множественности перевода в двуязычной коммуникативной ситуации следует принимать во внимание, что каждый новый ПТ расширяет границы вариативности перевода и диверсифицирует размывание оригинала в нескольких ПТ. В условиях полиязычия и поликультурности эта диверсификация уподобляется снежной лавине. Это положение может аргументировать обзор передачи анализируемых романов А. Кристи на русский язык.

Роман “Mysterious Affair at Styles” переводился на русский язык шесть раз:

- Перевод А. Смолянского издавался 14 раз под названием «Таинственное происшествие в Стайлзе» (1990);
- Перевод А. Васильчика вышел 1 раз под названием «Загадочное происшествие в Стайлзе» (1992);
- Перевод А. Креснина вышел 1 раз под названием «Загадочное происшествие в Стайлз Кортэ» (1992);
- Перевод С. Шпака вышел 1 раз под названием «Таинственное происшествие в Стайлзе» (1994);
- Перевод А. Ващенко издавался 8 раз под названиями «Загадочное происшествие в Стайлзе», «Таинственное происшествие в Стайлзе» (2002 г.);

- Перевод М. Юркан издавался 4 раз под названием «Загадочное происшествие в Стайлзе» (2015 г.).

Роман “Ten Little Niggers” передавался на русский язык также неоднократно:

- Н. Уманец, С. Никоненко «Десять негритят», 1987 г. – 1 издание;
- Л. Беспалова «Десять негритят», «10 негритят», 1989 г. – 28 изданий;
- В. Селина «И тогда никого не осталось», 1992 г. – 1 издание;
- А. Креснин «Десять негритят», 1992 г. – 1 издание;
- В. Тирдатов «Десять негритят», 2002 г. – 1 издание;
- Н. Екимова «Десять негритят», 2015 г. – 15 изданий.

Значимость временных ориентиров для успешности передачи ИТ отмечена многими теоретиками перевода. «Для переводчика очень важно найти тонкую нить соприкосновения с читателем, и здесь, конечно, могут быть свои особенности, так как переводчика и читателя могут разделять время и пространство» [Колесникова, 2001, с. 147]. Даже в одноязычной коммуникации фактор временной дистанции [Филиппова, 2019, с. 437] оказывает известное влияние, отсюда влияние его на межкультурное (особенно, полиязычное) и межкультурное (особенно, поликультурное) общение неизбежно и более масштабно. В данном аспекте уместно упомянуть и зависимость «определенных текстовых преобразований при передаче одного ИТ на разные языки» [Филиппова, 2016, с. 99] от лингвокультурной традиции. Смена стереотипов поведения в целом и речевого поведения в частности требует пересмотра переводов, для того чтобы привести ПТ в соответствие с новыми нормами нравственности, морали, этики и т.п.

Рост политкорректности и национальной идентичности находит отклик не только в изменениях словарного фонда языков; стремление к гармоничному взаимопониманию в условиях поликультурности оказывает определенное влияние на продукты творчества в различных национальных культурах и на межкультурный и межкультурный диалог, осуществляемый через перевод.

Однако стоит обратить внимание на то, что в отношении читательской рецепции в синхронии можно констатировать некоторые различия между одновременными британским и американским изданиями романа “Ten Little Niggers”. Как уже отмечалось выше, анализ позволяет выявить такие отступления от авторского текста, которые вызывают недоумение читателя (*negro`s head*). Эта информация не имеет связи с «индейским» колоритом и потому дисгармонизирует с остальным текстом, провоцируя отторжение читателями и отдельных фрагментов текста, и, вероятно, целого текста. Такое механистическое внедрение инородных лексических единиц в ткань повествования без более полной редакторской работы создает неверное представление об авторе, о его манере. А более полная редакторская правка текста (уже опубликованного!) является несомненной прагматической адаптацией авторского произведения; оценка ее допустимости и ее возможных границ могут составить тему самостоятельного исследования.

Диахронический аспект рецепции романа в британской лингвокультуре также выявляет сдвиги в авторском изложении текста. В обновленной версии, вышедшей впервые в свет в 1939 г. (издательство “Dodd, Mead and Company”), в полном тексте также появились индейцы, оттеснившие исконных авторских негритят, а из названия исчезло всякое упоминание о расовых различиях. В название теперь оказалась вынесена последняя строчка одной из версий считалочки, максимально трагической развязки (см. рис. 16).

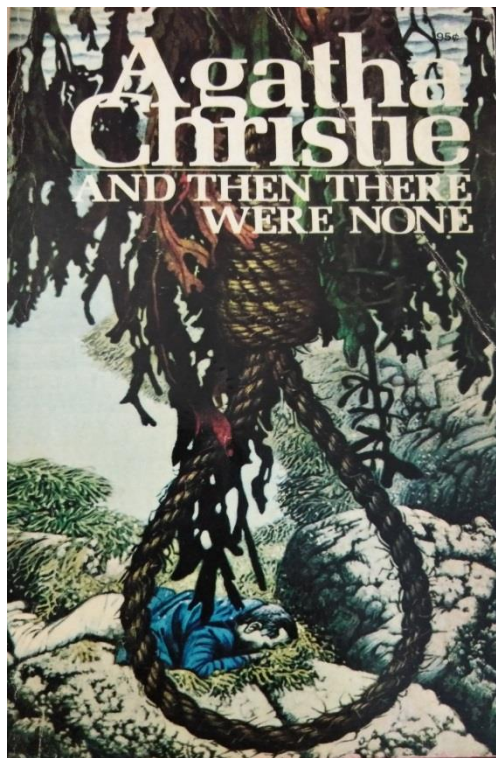

Рисунок 16 – Внутрязыковой британский перевод “Ten Little Niggers”

Однако это полностью меняет авторскую идею, досрочно раскрывая финал описываемой в романе истории – гибель всех ее действующих лиц. Такое изменение представляется насильственным, противоречащим авторской стилистике, оно лишает читателя главного наслаждения от общения с автором через текст произведения – постепенного раскрытия интриги, непредсказуемости развития сюжетной линии.

Различия в текстах британских изданий романа объясняются протяженностью во времени, диахронией. Важно отметить, что рецепция романа в поликультурном англоговорящем мире охватывает период свыше 70 лет, ознаменованных масштабными изменениями мирового устройства, в том числе и в британском мире: экономике, политике, культуре, литературе. Г.Т. Хухуни, А.А. Осипова отмечают, что диахроническом переводе «с русского на русский» приходится иметь дело и с таким аспектом межкультурной передачи, как пресловутые «ложные друзья переводчика», роль которых в данном случае выполняют семантические архаизмы [Хухуни, Осипова, 2014, с.

80]. За время, прошедшее с момента написания романа, политкорректность «получила столь широкое распространение, что плоды ее не могут не удивлять» [Филиппова, 2017, с. 244].

Некоторым оправданием нового названия романа может служить тот факт, что для театральной постановки А. Кристи переписала роман, внося значительные изменения в финал, и превратила его в пьесу для британского театра, которой дала название “And Then There Were None” (1943 г.).

В ходе сопоставительного анализа, наиболее яркие примеры которого представлены выше в тексте диссертации, неоднократно отмечены различия в стратегиях передачи реалий и разных приемах их реализации теми или иными переводчиками. Их характеристика, исследование причины, экспликация их неидентичности лишь в некоторой степени отражают реальность переводной множественности:

- *Edward George Armstrong* – Эдуард Джордж Армстронг – Эдвард Джордж Армстронг;
- *Anthony James Marston* – Антони Джеймс Марстон – Энтони Джеймс Марстон;
- *Nigger Island* – Негритянский остров – Негритянский остров – *Nigger Island* - Ø;
- «*Busy Bee*» – «Бизи Би» – «Трудовая пчела»;
- *ex-C.I.D. man* – бывший чиновник отдела по расследованию уголовных дел Скотленд-Ярда – служил в уголовном розыске, раньше – *ehemaliger Kriminalbeamte*;
- *negro's head* – голову негра – резкими очертаниями смутно напоминая человеческую голову с толстыми губами и носом – *ein gigantischer Männerkopf* – *Indian's head*;
- *French window* – стеклянная дверь – балконные двери – *Terrassentür*;
- *gas* – газовая лампа – газовый рожок – *Gaslicht*;

- *hobnailed boots* – *тяжелые подбитые гвоздями сапоги* – *подбитые гвоздями башмаки* – *derbe Stiefeln*;
- *Detective-Inspector Japp* – *мистер Джепп* – *инспектор уголовной полиции Джепп* – *Inspektor Japp*;
- *Washstand* – *туалетный столик* – *умывальник* – *Waschtisch*;
- *Convalescent Home* – *госпиталь* – *санаторий* – *Erholungsheim*;
- *one of the maids* – *кто-нибудь* – *одна из горничных* – *eines der Hausmädchen*.

Представленные расхождения (как и подвергнутые выше подробному анализу) отражают различные приоритеты переводчиков в выборе стратегии передачи оригинала на ПЯ. В то время, как одни переводчики используют доместикацию (заменяя реалии инокультурной жизни функциональными аналогами лингвокультуры ПЯ) или форенизацию (применяя транскрипцию и транслитерацию, чтобы отразить принадлежность предмета, явления или лица к другому языку и другой культуры). Некоторые переводчики в исследованных ПТ романов придерживаются максимальной близости к оригиналу, другие – отступают от эквивалентной передачи (даже в случае ее достижимости) в сторону симплификации (упрощения содержания в интересах реципиентов, не имеющих достаточного уровня фоновых знаний о культуре ИЯ).

Эти различные приемы и стратегии отражают неуниверсальный характер переводческих решений задач межъязыковой и межкультурной передачи оригинала в работе нескольких языковых посредников. При этом они осуществляют межъязыковую передачу изолированно друг от друга, т.е. удалены друг от друга во времени и пространстве. Одновременно с этими особенностями принадлежность переводчиков к различным (родным / родственным / неродственным) лингвокультурам еще более усиливает эффект множественности ПТ.

Отмеченные в исследовании фактического материала изменения авторского текста в условиях диахронии внутриязыкового перевода обусловлены влиянием новых условий общественной жизни и новой концептуальной картины мира. Однако в данном аспекте вопрос о

необходимости переписывания оригинала, искажающего истинную прагматику автора, остается открытым. Прагматическая адаптация, осуществляемая при таких трансформациях ИТ в пределах родной лингвокультуры, вступает в противоречие с лингвистической теорией перевода, одним из главных критериев которого является адекватность и (по мере возможности) эквивалентность.

Завершая анализ коллективного диахронического перевода романов “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”, отметим, что это понятие не получило полного раскрытия в современной науке о переводе. Тем не менее, его значимость несомненна: это понятие может послужить отправной точкой нового направления науки о переводе и совершенствованию межъязыковой, межкультурной и внутриязыковой диахронической коммуникации. Неразрывная связь коллективного диахронического перевода с феноменологией переводной множественности обеспечивает необходимость дальнейших исследований в этом направлении.

Выводы по главе 3

В настоящей главе выше представлены результаты анализа переводов романов А. Кристи на русский и немецкий языки, а также внутриязыковых переводов на британский и американский варианты английского языка в диахронии.

1. Вопрос о способах достижения адекватности перевода остается открытым, т.к. в каждом межъязыковом коммуникативном акте переводчик принимает решение о лучшем приеме трансформации или об отказе от трансформации для оптимальной передачи оригинала. В условиях выбора из нескольких альтернативных вариантов переводчики одного ИТ нередко расходятся во мнениях о приоритетности того или иного решения.

2. В связи с вышеобозначенными особенностями диахронии перевода – в контексте настоящего исследования – анализу подвергается история рецепции романов А. Кристи в родной британской лингвокультуре (с учетом временного диапазона), родственной американской, отдаленно родственной (немецкой) и неродственной русскоязычной. В целях объективности и достоверности полученных результатов и аргументированных выводов проведен тщательный количественный анализ приемов перевода, использованных разными языковыми посредниками. Таким образом верифицируется гипотеза исследования и обнаруживаются (на основе эмпирических данных) собственно лингвистические причины тех или иных трансформаций, влияние личности переводчика и внелингвистических тенденций (общественно-политического развития и стереотипов вербального поведения).

3. В художественном переводе многоаспектная ценность и множество специфических этнокультурных смыслов, фактологическое, концептуальное, образное, эмоциональное и эстетическое содержание передается переводчиком под воздействием на него субъективных предпочтений, формируемых совокупностью различных факторов. Среди них – скорость выполнения перевода, приоритет в использовании тех или иных переводческих приемов, предпочитаемая стратегия перевода, языковой опыт, коммуникативная компетенция, творческие литературные способности переводчика и т.д.

4. Феномен переводной множественности обусловлен асинхронностью письменной коммуникации, количеством языков, участвующих в межкультурном общении и объективирует неуниверсальный характер переводческих решений задач межъязыковой и межкультурной передачи оригинала в работе нескольких языковых посредников, удаленных друг от друга во времени и пространстве.

5. Отмеченные в исследовании изменения авторского текста в условиях диахронии внутриязыкового перевода обусловлены влиянием новых условий общественной жизни и новой концептуальной картины мира. Однако в

данном аспекте вопрос о необходимости переписывания оригинала, искажающего истинную прагматику автора, остается открытым. Прагматическая адаптация, осуществляемая при таких трансформациях ИТ в пределах родной лингвокультуры, вступает в противоречие с лингвистической теорией перевода, одним из главных критериев которого является адекватность и (по мере возможности) эквивалентность.

6. Коллективный диахронический перевод, имея несомненную значимость, не получил полного раскрытия в современной науке о переводе. Это понятие может быть положено в основу нового направления в теории перевода и способствовать совершенствованию межъязыковой, межкультурной и внутриязыковой диахронической коммуникации.

Заключение

В диссертации исследован и проанализирован комплекс основных проблем диахронических внутриязыкового и межъязыковых переводов романов Агаты Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”.

Первой из таковых проблем явилась проблема адекватности художественного перевода, которая неразрывно связана с понятием качества перевода. Под качеством перевода применительно к цели и задачам настоящего диссертационного исследования понимается наличие совокупности системообразующих характеристик перевода, обеспечивающих максимально возможное достижение его адекватности и эквивалентности. Нами на большом количестве конкретных примеров было выявлено, что на адекватность, эквивалентность и качество переводов рассматриваемых романов влияли прежде всего такие факторы, как близость грамматического строя, семантического строя и лексического строя языка оригинала языку перевода, влияние языковой картины мира родного языка переводчика на самого переводчика, наличие личностных стилистических предпочтений переводчика, а также личностного отношения переводчика к целесообразности применения буквального перевода или же перевода с той или иной степенью вольности (отступления от буквального смысла) в зависимости от конкретного фрагмента текста и его понимания и прочтения переводчиком.

Вторая проблема – выявление объектов перевода и вместе с тем переводческих трансформаций анализируемых романов. Нами было установлено, что таковыми объектами являются названия романов, реалии (в том числе ономастические) и формы интертекста (детские стишки и считалочки), которые представляют наиболее сложные объекты перевода и – ввиду их сложной природы, полифункциональности и принадлежности к идиостилистике А. Кристи – обуславливают использование переводческих трансформаций. Проведя анализ таковых объектов в условиях межъязыковой и

внутриязыковой передачи в диахронии, можно констатировать неидентичность представленных переводчиками стратегий и их непосредственных языковых реализаций.

Третья проблема – выявление адекватности и обоснованности использования переводчиками тех или иных трансформаций, воплощающих одну из целого ряда возможных альтернатив. Успешность выбора переводчиком определенной трансформации или отказа от трансформации в пользу изоморфных средств вербализации смысла и адекватность переводческого выбора авторскому замыслу оценивается в ходе сопоставительного, компонентного и стилистического анализа оригинала и перевода. Главными принципами в оценке адекватности перевода служит опора на идиостиль автора и степень необходимости предпринимаемой переводчиком трансформации, а также анализ детерминирующих факторов преобразований лингвистическими (объективными) и лингвокультурологическими (объективными и субъективными) обстоятельствами.

Систематизация богатой эмпирической базы позволила сделать выводы о неуниверсальном характере переводческих решений. Частотность трансформаций различается в работах разных языковых посредников, занятых переводом одного оригинального произведения.

Тексты перевода не всегда сохраняют авторский стиль, что подтверждает тезис о необходимости обладания переводчиком большим культурологическим запасом, чтобы не допускать ошибок и неточностей или по крайней мере свести их к минимуму при практической невозможности абсолютно точного перевода изоморфными средствами языка перевода. Различия систем, норм и узусов языка оригинала и языков перевода (особенно при трансмутации) в условиях диахронического характера коммуникации, опосредованной произведением художественной литературы, в совокупности делают те или иные отступления от оригинала неизбежными.

Четвертая проблема заключается в соотношении способов передачи реалий по степени их адекватности в зависимости от личности того или иного

переводчика. На основании проведенного анализа довольно значительного количества примеров можно утверждать, что к самым адекватным способам передачи реалий относятся транскрипция, транслитерация, калькирование. Менее точными способами являются компенсация, уподобление, опущение. При этом у каждого переводчика наблюдается разное соотношение применяемых им приемов передачи реалий, что формирует собой уникальный, по сути авторский стиль перевода, «переводческую манеру».

Подводя итог диссертационному исследованию, можно сделать вывод о многоаспектном характере переводческой деятельности в зависимости от широкого комплекса объективных и субъективных факторов, обуславливающих точность, адекватность и эквивалентность перевода, а также с практической точки зрения его рецепцию читателем в условиях значительной временной амплитуды.

Завершая представление основных результатов работы, можно сделать ряд выводов и обобщений, с новой стороны раскрывающих проблему адекватности внутри- и межъязыкового перевода, идиостилистики автора, прагматической адаптации текста. С этой точки зрения, особенно показательны и значимы изменения названия романа и отдельных текстовых сегментов, предпринятые в американском издании, т.к. они позволяют их идентифицированы как внутриязыковой перевод, представляя собой трансляцию авторского текста (на британском английском) в иную культуру, характеризующуюся иным видением мира (американский английский, с иными речевыми стереотипами, иными социально-коммуникативными традициями и вербальными стратегиями коммуникации). Допущенные в результате трансформационных решений в пользу политкорректности нарушения контекстной связанности и ситуативного контекста свидетельствуют об искажении авторской воли и коммуникативном сбое, вызванном раскрытием интриги, что в жанровой специфике детектива недопустимо. Отсутствие протеста со стороны автора не могло заглушить общественный резонанс, вызванный таким вольным обращением с одним из самых популярных

произведений А. Кристи. С переходом авторских прав на издание ее романов и рассказов к наследникам дискуссии по данной теме оказались ограничены научным литературоведческим дискурсом. В рамках исследованного материала, с точки зрения лингвистической теории перевода, можно ставить вопрос о границах вторжения языковой динамики (в нашем случае – расовой политкорректности) в реализованное в тексте авторское произведение.

Все сказанное позволяет заключить, что внутриязыковой перевод при участии в процессе коммуникации различных лингвокультур, даже связанных общим языком, и в процессе временного удаления от оригинального текста приближается по основным характеристикам к межкультурной коммуникации, и может быть рассмотрен с новой точки зрения – как перевод в рамках традиционных понятий межъязыкового посредничества: «адекватный/неадекватный», или «перевод-интерпретация, перевод-адаптация/эквивалентный перевод», или «вольный/буквальный».

Диахрония межъязыкового перевода определяет изменения авторского текста в неродных русской и немецкой лингвокультурах и представляет собой удачный эмпирический материал для разработки отдельных вопросов прагматической адаптации (при межъязыковом и межкультурном переводе).

Диахрония межъязыкового перевода испытывает влияние нескольких объективных и субъективных факторов, осложняющих достижение адекватности трансляции художественного произведения. Языковая динамика в различных лингвокультурах происходит несинхронно и обуславливает асимметрию переводческих решений одной коммуникативной задачи. Неодновременно меняющаяся картина мира, разнообразно и разномасштабно реализуемая смена стереотипов мышления носителей определенного языка и представителей определенной культуры опосредуются в феномене переводной множественности.

Значительное влияние на коллективный диахронический перевод оказывает разная издательская политика, также провоцирующая новые варианты перевода оригинала. Здесь находят отражение различные

приоритеты: личности переводчика, возраст, национально-культурная и гендерная принадлежность, мировоззрение, предпочтение определенной стратегии перевода, и отношение к авторскому замыслу, понимание своей коммуникативной роли каждым участником межъязыковой и межкультурной трансляции литературы.

Понятие коллективного диахронического перевода имеет несомненную значимость и широкие перспективы для совершенствования межъязыковой, межкультурной и диахронической коммуникации через художественную литературу, и может способствовать улучшению и переводческой практики в области художественной литературы, в частности, издательской политики.

Вопросы выхода за границы лингвистической теории перевода для поиска ответов на фундаментальные вопросы практики перевода, которые в диахронической коммуникации приобретают новые характеристики и выводят науку о переводе на новый уровень теоретического абстрагирования, остаются открытыми и представляют широкое поле для продолжения исследований межъязыкового и внутриязыкового перевода как взаимобусловленных системах коммуникации. Возможными направлениями дальнейшего поиска могут служить разработка переводческой этики, определяющей границы возможных трансформаций авторского текста во времени и коммуникативном пространстве различных культур. Большими перспективами обладает разработка дифференцирующих принципов адекватности и эквивалентности, меры трансформации и самоидентичности текста, степени дисперсии и диверсификации смысла оригинального произведения литературы в условиях диахронии, поликультурности и полиязычия.

Список сокращений

1. ИЯ – исходящий язык
2. ПЯ – переводящий язык
3. ИТ – исходящий текст
4. ПТ – переводящий текст
5. АРВС – Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 655 с.
6. АРИС – Англо-русский исторический словарь [Текст] = English-Russian historial dictionary: 30 000 имен, названий, терминов / Г. А. Николаев. – Москва: Прогресс; Москва: Лексикон, 1995. 464 с.
7. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
8. БЮС – Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 688 с.
10. НРоС – Немецко-русский (основной) словарь: Ок. 95000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 1040 с.
11. РОС – Русский орфографический словарь: около 180 000 слов [Электронная версия] / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова, 2004. 960 с.
12. РНСо – Русско-немецкий словарь (основной): Ок. 53000 слов. 11-е изд., стереотип. / под ред. К. Лейна. М.: Рус. Яз., 1989. 736 с.
13. СТМК – Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедькои З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.

14. ТСРЯсВСоПС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
15. ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
16. УНРС – Универсальный немецко-русский словарь // Академик: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://universal_de_ru.academic.ru (дата обращения: 21.11.2018).
17. BNC [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/bnc/>
18. Duden – Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. [Unter Mitw. von Maria Dose...]. 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. 1816 S.
19. OD/Oxford – Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 21.11.2019).
20. Oxford – Oxford Learner`s Thesaurus. A dictionary of synonyms. P. Oxford: Oxford University Press, 2008. 1008 p.
21. RETS – Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 2-nd ed. London and New York, Routledge Taylor&Francis Group, 2009. 674 p.
22. DBQB&AS – The Dictionary of biographical quotation of British and American subjects. Ed. By R.Kenin& J.Wintle. London&Henley: Knopf : distributed by Random House, 1978. 860 p.
23. LT – The Letters of Tolkien. G.Allen&Unwin, 1981.
24. ODNr – The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / Opie, I.; Opie, P. Oxford: Oxford University Press, 1997. 592 p.

Список литературы

1. Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Сонеты Шекспира – переводы Маршака // Вопросы литературы. 1969. №2. С. 100–112.
2. Аксенова Н.С., Елифанцева Н.Г., Жирова И.Г. Интертекстуальность как лингвистический феномен межкультурного диалога (на материале сакрально-мистических текстов). М.: ИД «Академия Естествознания», 2018. 96 с.
3. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
4. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология Пермь: ПГУ, 2010. Вып. 1 (7). С. 45 – 51.
5. Ахренова Н.А. Влияние жанров интернет-дискурса на современную популярную художественную литературу // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 147 – 151.
6. Ахренова Н.А. Лингвистические особенности сетевых имен // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (171). С. 5 – 10.
7. Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. М.: МГПИИЯ, 1969. № 6. С. 3 – 12.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
9. Белая Е.Н. Практический курс перевода: учебное пособие для студентов, изучающий французский язык. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 92 с.
10. Безуглова О.А. Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе // Филология и культура. № 4 (34). 2013. С. 27 – 30.
11. Белозерова И.В. Национальная концептосфера в детективном романе

- А. Кристи, Ч.П. Сноу, Д. Френсиса: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 128 с.
12. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 252 с.
 13. Бирюкова Е.В. Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53). С. 40 – 43.
 14. Бирюкова Е.В. Попова Л.Г. Сложности перевода и реферирования немецкого публицистического текста. М. Мичуринск: МичГАУ, 2008. 137 с.
 15. Блох М.Я. Эквивалентность и адекватность в переводческой проблематике // Новое в переводеведении и лингвистике. Материалы международной научно-практической конференции. Орехово-Зуево.: МГОГИ, 2012. С. 3 – 7.
 16. Бодрова-Гоженмос Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. Вып. 7. Ч. 1. С. 42 – 51.
 17. Борисова Л.И. Вопросы перевода терминологии в работах профессора Л.Л. Нелюбина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 149 – 155.
 18. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: ВЦП, 1979. 135 с.
 19. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода: монография. Москва, 1999. 320 с.
 20. Борисова Л.И. Ложные друзья переводчика. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. 212 с.
 21. Борисова Л.И. Основные приемы перевода терминов // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: Национальное общество прикладной лингвистики. 2016. № 3 (15). С. 68 – 74.
 22. Борисова Л.И. Особенности семантики общенаучной лексики (опыт лингвопереводческого исследования): дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 179 с.

23. Валуйцева И.И., Леонова Е.В. Методология описания языковой ситуации в Британской социолингвистике // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: Национальное общество прикладной лингвистики. 2013. № 4 (4). С. 98 – 108.
24. Валуйцева И.И., Солуянова Н.А. Контент-анализ прецедентных имен в романах Б. Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. №1. С. 22 – 28.
25. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Различные переводы Библии: проблема сосуществования // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2013. № 4. С. 26 – 35.
26. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М., 1988. С. 34 – 38.
27. Вековищева С.Н. Взаимообусловленность и взаимозависимость категорий пространства и времени в художественном тексте на материале английского и русского языков в сопоставительно-переводческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 171 с.
28. Вековищева С.Н. Интерпретация современного художественного текста с точки зрения семантико-временной отнесенности // Проблемы теории языка и переводоведения. М., 2012. С. 4 – 11.
29. Вековищева С.Н. Лингвокультурологические взаимоотношения в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2011. С. 82 – 85.
30. Велединская С.Б. Курс общей теории перевода: учебное пособие / С.Б. Велединская; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с.
31. Вербицкая М.В., Гусева А.А. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 9 – 18.
32. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в

- преподавании русского языка как иностранного. изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
33. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
 34. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
 35. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
 36. Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 287 с.
 37. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64 – 72.
 38. Гак В.Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 166 с.
 39. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное общение как ценность // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 3 – 11.
 40. Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского университета. Книга I. 2005-2010 г. М. Изд. Высшей школы перевода МГУ. ИПО «У Никитских ворот» 2010. С. 98 – 106.
 41. Гарбовский Н.К. Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского университета. Книга I. 2005-2010 гг. М. Изд. Высшей школы перевода МГУ. ИПО «У Никитских ворот», 2010. С. 83 – 97.
 42. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
 43. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском

- тексте. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 303 с.
44. Городецкая И. Добровольческое движение в США. Мировая экономика и международные отношения. №1, 2001. С. 78 – 86.
 45. Городова Е.С. Системно-структурное упрощение как фактор автономизации американского варианта английского языка в макросистеме World English: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 201 с.
 46. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. К вопросу о методах лингвистических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1. С. 57 – 67.
 47. Гусева А.Е. Структура базы знаний в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 36 – 42.
 48. Гусева А.Е., Кузнецова Ю.Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов лексико-фразеологического поля «мыслительная деятельность» (на примере семантической группы «think») // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 13.
 49. Гусева А.Е., Мазитова Е.И. Описание проекта создания идеографического лексико-фразеологического словаря на базе концепта «физическое состояние человека» (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56). С. 81 – 83.
 50. Гусева А.Е., Шабанова В.П. Лингвокогнитивная модель концепта «поведение человека» и ее вербальная реализация языковыми средствами современного немецкого языка // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 3. С. 160 – 168.
 51. Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: дис. ... д-ра культурологии. М., 2019. 360 с.
 52. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на

материале литературы нонсенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 24 с.

53. Епифанцева Н.Г. Межкультурный подход к переводу: теоретическое обоснование и сфера применения // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2017. №5. С. 40 – 47.
54. Епифанцева Н.Г. Реалии и их место в языковой картине мира // Эволюция романских языков: от языка народности к языку Тула: Тульский университет, 2018. С. 188 – 193.
55. Епифанцева Н.Г., Мусатов А.А. Детективы А.Кристи: классика жанра (перевод романа «Десять негритят» на языки мира). Учебное пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 172 с.
56. Еременко Е.Г. Интертекстуальность, интертекст и основные литературные формы в литературе // Уральский филологический вестник, 2012, № 6. С. 130 – 140.
57. Ершова Е.А., Музыченко Е.Я., Чайковский Р.Р. Художественный перевод и межкультурная диверсификация смысла (на материале переводов «Дуинских элегий» Р.М. Рильке на английский, русский и украинский языки) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Магадан: СВГУ, 2011. Т. 15. № 15. С. 8 – 10.
58. Жирова И.Г. Методическая направленность и учебная ориентированность толкового переводоведческого словаря, составленного Л.Л. Нелюбиным // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2017. № 2. С. 110 – 116.
59. Жирова И.Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 5. С. 60 – 66.
60. Жирова И.Г. Территориальная и социальная диалектическая вариативность Британского английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88). С. 290 – 294.
61. Жирова И.Г. Эмоциональный интеллект языковой личности // Вестник

- Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. №2. С. 47 – 53.
62. Жирова И.Г., Дмитриева О.П. К вопросу о семантике фразового глагола в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 100 – 104.
 63. Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 27 с.
 64. Завьялова Г.А. Особенности прецедентных феноменов в детективном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 185 с.
 65. Закирова Ю.А. Внешность женщины в языковой картине мира британцев (на примере СГ «Внешность» паремий английского, валлийского, гэльского и англо-шотландского языков) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: Некоммерческое партнерство «Национальное общество прикладной лингвистики». 2016. № 1 (13). С. 56 – 64.
 66. Закирова Ю.А. Образ матери в языковой картине мира Британцев (на примере семантической группы «материнство» паремий английского, валлийского, гэльского и англо-шотландского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 117 – 125.
 67. Ившин В.Д. Агата Кристи. Таинственный мистер Квин: Избранные детективные рассказы. М.: МГОУ, 2004. 148 с.
 68. Ившин В.Д. Перевод как источник сравнительных выражений в современном русском языке (на материале переводов с французского) // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 110 – 111.
 69. Изер В. К антропологии художественной литературы (пер. с англ. И. Пешкова) // Новое литературное обозрение. М., 2008, № 94 (6). С. 7 – 21.
 70. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. Сер.: Перевод. Язык. Культура. СПб., 2006. 224 с.

71. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian. Сер.: Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2001. 320 с.
72. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
73. Кашлева К.К. Лингвокультурный концепт ВРЕМЯ в английской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 27 с.
74. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 216 с.
75. Колесникова В.С. К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация / Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 147 – 153.
76. Коломейцева Е.М., Макеева М.Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский. Учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамбовский государственный технический университет. 2004. 317 с.
77. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
78. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
79. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
80. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
81. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 452 с.
82. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
83. Комиссаров В.Н., Черняховская Л.А., Латышев Л.К. Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 192 с.
84. Конколь М.М. Особенности перевода вертикального контекста в

- классических английских детективах на материале произведений Агаты Кристи // Филологические науки в МГИМО. Научный журнал, № 3 (11). 2017. С. 93 – 99.
85. Коржова С.В. Теория перевода: учеб. пособие для студентов дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» очной формы обучения. Тюмень, 2007. 114 с.
 86. Кошарная Г.Б. Формирование культуры предпринимательства в переходном обществе: Социально-экономические аспекты: дис. ... д-ра социол. наук. Днепропетровск, 1999. 352 с.
 87. Кошечая И.Г., Кузьменко Е.Л., Макарова В.А. Название в его отношении к художественному и лингво-психологическому времени. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. № 2. С. 57 – 63.
 88. Красавченко Т. Н. О литературной репутации Агаты Кристи в Великобритании и США // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. Вып. 2. С. 176 – 182.
 89. Красина Е.А. Личные имена в романе Д. Быкова «Орфография»: персонажи и прототипы // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск, 2018. С. 236 – 239.
 90. Красина Е.А. Человек и его язык в аспекте культурной антропологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 30 – 34.
 91. Криницын А.Б. Достоевский в Германии // Достоевский и XX век. В 2-х томах. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 576 с.
 92. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Международные отношения, 1976. 192 с.
 93. Крюков А.Н. Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) // Перевод и интерпретация текста. Сб. науч. трудов. – М.: Ин-т Языкознания АН СССР, 1988. С. 41 – 55.

94. Крюкова О.П. Речевое мышление как процесс (интердисциплинарный взгляд прикладного лингвиста) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79). С. 316 – 319.
95. Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность в лингвистической теории и образовательной практике (экспериментальное исследование когнитивной организации лингвистических знаний на материале английского и русского языков): монография. Москва, 2019. 186 с.
96. Кузьменко Е.Л., Свиридова Л.К. Отражение эмоций в языке и речи: монография. М.: Языки Народов Мира, 2018. 276 с.
97. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
98. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81 – 86.
99. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол.наук: Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. 437 с.
100. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб.пособие для студ.лингв.вузов и фак. 3-изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.
101. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
102. Лебедева А.А. К вопросу об эквивалентности лексических единиц при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 156 – 163.
103. Лебедева А.А. Проблема классификации и устранения переводческих ошибок и включение будущего переводчика в языковую картину мира изучаемого языка // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2017. № 2. С. 87 – 93.

104. Лебедева А.А. Проблема эквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2013. № 3. С. 74 – 79.
105. Левченко М.Н. Лингвистические признаки аутентичности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 102 – 110.
106. Левченко М.Н., Скрыльник А.В. Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 2. С. 65 – 72.
107. Липовский И.П. Библейский Израиль – история двух народов. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». 2010. 576 с.
108. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Избр. ст.: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992, Т. 1, С. 110 – 121.
109. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск: ИГЛУ, 2012. № 2 (18). С. 147 – 156.
110. Мазирка И.О., Хухуни Г.Т. К вопросу о так называемом «нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. №1, 2015. С. 65 – 79.
111. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. № 2. 2016. С. 111 – 116.
112. Максименко О.И. Адаптированный перевод: за и против // Язык в пространстве коммуникации и культуры: мат. VI Междунар. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: Книга и бизнес, 2012. С. 481 – 490
113. Максименко О.И. Вариант лингвистического обеспечения

- информационнопоисковых систем // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4 (4). С. 73 – 80.
114. Максименко О.И. Имена собственные – проблема восприятия при «перегрузке» текста (на примере повести Дж. Толкиена «Сильмариллион») // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина): мат. Международной научной конференции. М.: МГОУ, 2017. С. 69 – 72.
 115. Максименко О.И. Оценка интеллектуальных лингвистических систем методом нечеткой логики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. № 6. Т. 2. 2011. С. 44 – 48.
 116. Максименко О.И. Формальные методы оценки эффективности систем автоматической обработки текста: дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2003. 447 с.
 117. Максименко О.И., Подлегаева Е.П. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериала «Смешарики» на английский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2019. № 2. С. 167 – 175.
 118. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
 119. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка). СПб., 2008. 319 с.
 120. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
 121. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
 122. Мирианашвили М.Г. Двухязычная опосредованная коммуникация путем переводческой множественности // Актуальные вопросы современной лингвистики [Электронный ресурс]: материалы V региональной научно-практической конференции «Иностранные языки в межкультурном

- пространстве: методы исследования и технологии обучения» (г. Москва, 27 сентября 2017 г) / ред. колл.: М.Н. Левченко (отв. ред.), М.Г. Мирианашвили, О.О. Сорокина (отв. секр.). Электрон. текстовые дан. (4,95 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 57 – 62.
123. Мусина Н.А. Стилистические функции фразеологических единиц в произведениях детективного жанра как переводческая проблема: на материале русских и испанских переводов романов А. Кристи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 212 с.
 124. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1998. 152 с.
 125. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 114 – 137.
 126. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.
 127. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. М.: Выс. школа, 1983. 207 с.
 128. Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков: учебник / под ред. проф. Л.Л. Нелюбина / Л.Л. Нелюбин, С.А. Бухтиярова, Л.Г. Гаркуша, И.Н. Филиппова. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 204 с.
 129. Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков: учебник / под ред. проф. Л.Л. Нелюбина / Л.Л. Нелюбин, С.А. Бухтиярова, Л.Г. Гаркуша, И.Н. Филиппова. Изд. 2-е. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 204 с.
 130. Нелюбин Л.Л. Некоторые модели и теории перевода. Инвариант перевода // Л.Л. Нелюбин. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): Учебник. Английский язык. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГОУ, 2007. С. 14 – 23, 37 – 39.
 131. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ,

2006. 416 с.

132. Новикова М.Г. Высказывание в художественном тексте: сущностные характеристики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (33). С. 138 – 141
133. Новикова М.Г. Динамика формы художественного дискурса и перевод // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. № 1. С. 166 – 173.
134. Новикова М.Г. Динамический аспект формы в художественном переводе // Язык, культура, перевод: мат. III Международной очно-заочной научной конференции. Главный редактор Р.Р. Чайковский. 2016. С. 115 – 119.
135. Новикова М.Г. История и сущность слова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. № 6. С. 23 – 27.
136. Новикова М.Г. Итеративная модель понимания в художественном переводе // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. №1. С. 386 – 396.
137. Новикова М.Г. Простое предложение: сущность, классификация и сравнительная типология русского и английского предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2009. № 1. С. 124 – 130.
138. Нурыева Л.Х. К вопросу о переводимости // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. №2. С.44 – 46.
139. Олейник А.Ю. Интерпретационная деятельность и смысловая структура текста: некоторые аспекты взаимосвязи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2014. № 2. С. 38 – 44.
140. Олейник А.Ю. Некоторые аспекты подготовки языковых посредников // Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня рождения Ф. де Соссюра): сб. мат. междунар. науч. конф. М.: Изд-во

МГОУ, 2013. С. 257 – 264.

141. Осипова А.А. Особенности переводов религиозного текста на русский язык (на примере книги притчей Соломоновых) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2014. № 5. С. 104 – 109.
142. Осипова А.А. Сопоставительный анализ языковых характеристик книги Руфь в переводах Священного писания на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 5. С. 73 – 78.
143. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. № 6. С. 28 – 36.
144. Ощепкова В.В. Страна Даунандер. Ключевые концепты Австралийской национальной картины мира: условия формирования и проблемы взаимодействия языков и культур: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 66 с.
145. Ощепкова В.В., Соловьева Н.В. Динамика развития ономастического пространства британской и русской волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 106 – 111.
146. Пономаренко Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике // Филологические науки. 2004. № 5. С. 24.
147. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). С. 131 – 140.
148. Пономаренко Е.В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник СамГУ. 2013. № 5 (106). С. 80 – 84.

149. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики. М.: МГИМО(У), 2015. 316 с.
150. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // СамГУ. 2006. № 1 (41). С. 134 – 138.
151. Попова Л.Г. О культурной памяти слов // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 26 – 31.
152. Попова Л.Г. Слово: анализ языковой культуры (сопоставительный аспект) // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: мат. III Междунар. науч.-практ. конф. 2013. С. 123 – 126.
153. Попова Л.Г. Сопоставление культурных традиций на примере немецкого перевода романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Филология и культура. Тезисы 2-й Междунар. конф./ Отв. ред.: Н.Н. Болдырев. 1999. С. 79.
154. Попова Т.Г. Культурологическая концепция перевода и проблемы межкультурной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Изд-во РГУ им. С.А. Есенина, 2011. № 1. С. 62 – 66.
155. Попова Т.Г. Процесс перевода во взаимодействии культур // Личность. Культура. Общество. М.: АНО НИГО, 2011. Т. 13. № 2. С. 197 – 204.
156. Приказчикова Е.В. Перевод: подходы к интерпретации понятия и обоснованность существования категории переводной множественности // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 6. С. 70 – 75.
157. Приказчикова Е.В. Проблема выбора способа перевода художественной прозы и отбора единиц перевода как фактор, влияющий на адекватность перевода // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 164 – 169.
158. Приказчикова Е.В., Савченко Е.П. Когнитивный аспект текстовой категории «Индивидуальный стиль автора» и его влияние на адекватность перевода // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 6. С. 74 – 79.

159. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
160. Прямухина С.А., Филиппова И.Н. Статус словообразовательных калькированных единиц (на материале немецкоязычных калек в русском языке XVIII-XIX вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. № 4. С. 117 – 126.
161. Пшёнкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 330 с.
162. Реформатский А.А. Введение в языковедение. /Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
163. Реформатский А.А. Перевод и транскрипция // Восточнославянская ономастика. М: Наука, 1972. С. 311 – 333.
164. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
165. Рецкер Я.И. Что же такое лексические трансформации? «Тетради переводчика» № 17. М.: Международные отношения, 1980. С. 72 – 84.
166. Роман Агаты Кристи «Десять негритят» переименовывают из соображений политкорректности // RZN.info [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rzn.info/news/2008/9/29/21735.html> (дата обращения: 18.10.2018)
167. Романова Л.Г. Адекватность и эквивалентность как переводческие категории (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2011. 259 с.
168. Ромова О.М. Понятие «Реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. № 2. С. 60 – 63.
169. Россельс В. О передаче национальной формы в художественной литературе / В. Россельс // Записки переводчика. М., 1953. № 3. 169 с.
170. Савченко Е.П. Когнитивные механизмы зарождения художественного

образа и его воплощение средствами языка в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 4. С. 63 – 73.

171. Савченко Е.П. Переводная лингвокогнитология как контакт личности с текстом иноязычной культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 1. С.135 – 140.
172. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 288 с.
173. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2013. № 2. С. 80 – 86.
174. Свиридова Л.К., Чыонг Тхи Суан Хыонг. Типологические особенности функционирования антропонимов в разноструктурных языках (на материале Вьетнамского, русского и английского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2017. № 5. С. 170 – 180.
175. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 492 с.
176. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 48 с.
177. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: Флинта, МПСИ, 2006. 416 с.
178. Семенец О.Е. Социальный контекст и языковое развитие. Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. Киев: Вища шк., 1985. 256 с.
179. Семко С.А., Калмыков В.А., Дубинко С.А. Проблемы общей теории перевода. Отв.ред. А. Пихлак; АН ЭССР. Таллинн: Валгус, 1988. 200 с.

180. Сидоров Е.В. Онтология дискурса [Sidorov E.V. Discourse Ontology]. М.: Кн. дом Либроком, 2009. 232 с.
181. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. Москва, Издательство литературы на иностранном языке, 1959. 440 с.
182. Смирнова А., Сорокина Э.А. Особенности перевода имен собственных (на материале романа Чарльза Диккенса «Рождественская песнь») // Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: мат. ежегодной всероссийской науч.-практ. Конференции преподавателей, аспирантов и студентов, посвященной 85-летию МГОУ. Ответственный редактор Э.А. Сорокина. 2016. С. 19 – 21.
183. Сорокина Э.А. К вопросу о многозначности термина // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р.Р. Толкина): сборник материалов Международной научной конференции. Москва, 2017. С. 36 – 39.
184. Сорокина Э.А. Новое в отечественной лексикографии: словарь терминов межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 5. С. 85 – 90.
185. Сорокина Э.А. Язык для специальных целей как средство общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 169 – 172.
186. Стешина Е.Г., Сботова С.В., Милотаева О.С., Куляева Е.Ю. Объективация социокультурных концептов в межкультурной коммуникации: моногр. / Е.Г. Стешина [и др.]. Пенза: ПГУАС, 2014. 152 с.
187. Телегин Л.А. Метаморфизм как системное явление современного английского языка и речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 – 2 (88). С. 360 – 364.
188. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Электронный ресурс] / В.Н. Телия.

- М.: Языки славянской культуры, 1996. 289 с.
189. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово/Slovo. 2008. 342 с.
 190. Тернопол Т.В. Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать. Считалки в детективах Агаты Кристи // Вестник КГУ. №1, 2019. С. 106 – 110.
 191. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // ИЯШ, 1997, №3, С. 13 – 18.
 192. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
 193. Тортуннова И.А. Эргонимы как результат речетворчества / И.А. Тортуннова // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 124 – 137.
 194. Трекина К.Д. «Перевод метафор в художественном тексте (на примере романа Агаты Кристи «Пять поросят»)» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VII Междунар. науч. конф. молодых ученых (9 февраля 2018 г.): в 2-х ч. Ч.1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ–УПИ, 2018. С. 238 – 245.
 195. Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник СПбГУ, Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып.4. С. 122 – 140.
 196. Улиткин И.А. Компьютерные словари и переводчики // Перевод и когнитология в XXI веке: тезисы докладов IV междунар. науч. теор. конф. М., 2011. С. 39 – 42.
 197. Улиткин И.А. Переводы вчера и сегодня: как современные технологии меняют работу переводчик // Новое в переводоведении и лингвистике: мат. междунар. науч.практ. конф. Орехово-Зуево, 2012. С. 101 – 106.
 198. Улиткин И.А., Нелюбин Л.Л. Использование и перевод сокращений в научно-техническом тексте // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 4 (18). С. 58 – 69.

199. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. 352 с.
200. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
201. Филиппова И.Н. В поисках новой парадигмы перевода // Язык и культура: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. д. филол. н., проф. С.Г. Проскурина. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 131 – 135.
202. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дис. ... д-ра. филол. наук. Москва, 2014. 361 с.
203. Филиппова И.Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 1. С. 150 – 155.
204. Филиппова И.Н. О некоторых факторах переводной множественности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Т. 8. № 2. С. 241 – 248.
205. Филиппова И.Н. О переменных и субъективных факторах перевода в свете холизма // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 3. С. 97 – 106.
206. Филиппова И.Н. Переводная множественность в свете контакта национальных культур // Сборник статей по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции. 2017. С. 167 – 173.
207. Филиппова И.Н. Рецепция перевода читателя в свете трансцендентальности (на материале детективов-серий) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 4 (27). С. 138 – 144.
208. Филиппова И.Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Флинта, 2012. 144 с.
209. Филиппова И.Н. Трансцендентальность перевода широкозначной лексики (на материале романов А. Кристи и их переводов на русский и немецкий

- языки) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23.
210. Филиппова И.Н. Трансцендентальный характер перевода // Современные проблемы науки и образования. М.: Изд-во РАЕ, 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/116-12025> (дата обращения: 11.02.14).
 211. Филиппова И.Н. Фактор адресата в диахронии поэтического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 435 – 450
 212. Флорин С.П. Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983. 184 с.
 213. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 146 с.
 214. Хроменков П.Н. Вербальные параметры конфессионального конфликта // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка: сб. мат. междунар. науч. конф. М., 2014. С. 191 – 193.
 215. Хроменков П.Н. Конфликтная составляющая межкультурных коммуникаций // Язык и культура: сб. ст. XXIII Междунар. науч. конф. Томск, 2013. С. 114 – 119.
 216. Хухуни Г.Т. Бытовые реалии в сакральном тексте: проблемы межъязыковой передачи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 14 (809), 2018. С. 257 – 267.
 217. Хухуни Г.Т. Переводной текст: фотография, портрет или замена оригинала? // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Республика Бурятия: Издательство БГУ, 2018. С. 239 – 243.
 218. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф. О некоторых понятиях диахронического переводоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. № 3, 2015. С. 8 – 14.

219. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: «Прометей» МПГУ, 2003. 172 с.
220. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Повторный перевод сакрального текста: «возвращение» или «обновление» // Вестник МГИМО Университета. М.: МГИМО (У), 2009. № 6. С. 132 – 138.
221. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 487 – 508.
222. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Внутриязыковой диахронический перевод: проблема статуса // Прикладная лингвистика. Терминоведение: сборник научных статей. М.: МГПУ, 2014. С. 53 – 61.
223. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Обновление переводов Священного Писания: причины и следствия // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 4. С. 51 – 54.
224. Чайковский Р.Р. Канонизация переводов и проблема качества межкультурной коммуникации // Перевод и переводчики. Вып. 9: Язык, коммуникация, перевод. Магадан: Кордис, 2013. С. 16 – 36.
225. Чайковский Р.Р. Поэтический перевод как способ межкультурной художественной коммуникации // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Магадан: СВГУ, 2013. № 19. С. 137 – 145.
226. Чайковский Р.Р. Свет и тени российского переводоведения // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. №4. 2016. С. 5 – 25
227. Чайковский Р.Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. Т. 2. № 6. С. 84 – 87.
228. Чайковский Р.Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675). С. 229 – 243.

229. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Канонизация переводов в свете этики политкультурности // Вестник МГЛУ. Выпуск 9 (695) / 2014. С. 191 – 202.
<https://docplayer.ru/50408244-Kanonizaciya-perevodov-v-svete-etiki-polikulturnosti.html>
230. Шамова Н.В. Разграничение понятий “эквивалентность” и “адекватность” в переводе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171 – 180.
231. Шатилова Л.М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 415 с.
232. Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. М.: Изд-во МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 20 – 31.
233. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
234. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
235. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 216 с.
236. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 431 с.
237. Юрина Е.А. Вариативность образных представлений как основа вариативности образных значений слова // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 194 – 197.
238. Юрина Е.А. К вопросу о интерпретации термина «Языковой образ» в лексической семантике: Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. № 38. Томск, 2004. С. 6 – 24.
239. Юрина Е.А. Образное слово и языковая картина мира // Том. гос. ун-т.: Томск, 1992. 12 с.
240. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Издательство Том. ун-та, 2005. 158 с.

241. Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора как источник изучения культуры народа // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров. Арзамас, 1996. С. 131 – 133.
242. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16 – 24.
243. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода (1966) // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 362.
244. Ярцев Ю.А. Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе технических текстов с русского на английский. Диверсификация приемов перевода. Таблицы и примеры. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 300 с.
245. And then there were none declared worlds favourite Agatha Christie novel // The Gardian [Электронный ресурс] <https://www.theguardian.com/books/2015/sep/01/and-then-there-were-none-declared-worlds-favourite-agatha-christie-novel> (дата обращения: 25.02.2018)
246. Baker M. Corpora in Translation Studies: An Overview and Some Suggestions for Future Research // Target 7 (2), 1995. P. 223 – 243.
247. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies. Implications and Applications // Text and Technology / M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam; Philadelphia: Jon Benjamins, 1993. P. 233 – 250.
248. Baker M. Corpus-based Translation Studies: The Challenges that Lie ahead / Harold Somers // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1996. P. 223 – 243.
249. Baker M. Encyclopedia of translation studies. London: Routledge, 2001. 654 p.
250. Baker M. In other words: A coursebook on translation. London; New York, Routledge, 1-st ed.1992, 3-rd ed. 2001. 304 p.
251. Barbian J.-P. Literaturpolitik im “Dritten Reich” – Institutionen, Kompetenzen, Betätigungsfelder. München, 1995. 270 S.
252. Barnard R. A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie. – New York: Dodd, Mead and Company, 1980. 211 p.

253. Bassnett S. Culture and Translation // Companion to Translation Studies / Edited by Piotr Kuhiwczak and Karin Littau. Clevedon – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters LTD, 2007. P. 13 – 23.
254. Bauer M. "Postmoderne? Was für ein Quatsch! Was für eine Farce!" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://literaturkritik.de/id/12961>
255. Bernardo Ana Maria. 20-th Century Approaches Translation – A Historiographical Survey // Estudios de traducción y recepción. J.C.Santoyo y J.J.Lanero (eds.), 2007. P. 83 – 99.
256. Bloch I. Sentence splitting as an expression of translationese: seminar paper. Bar Ilan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biu.ac.il/hu/stud-pub/tr/tr-pub/bloch-split.htm>. (дата обращения: 30.05.2013).
257. Blum-Kulka S. Shifts in cohesion and coherence in translation // Interlingual and Intercultural Communication / J. House, S. Blum-Kulka. Tübingen: Narr, 1986. P. 17 – 37.
258. Blum-Kulka S., Levenston E. Universals of lexical simplification / C. Faerch, G. Kasper // Strategies in interlanguage communication. London: Longman, 1983. P. 119 – 139.
259. Bolaños Cuéllar S. Equivalence Revisited: A Key Concept in Modern Translation Theory // Forma y Función, núm. 15, diciembre, 2002 – Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2002. P. 60 – 88.
260. Bunson M. The complete Christie: An Agatha Christie Encyclopedia. USA: Pocket books, 2000. 19 p.
261. Carrascon G. L'errore di traduzione: una prospettiva didattica // Università degli studi di Modena e Reggio Emilia. Seminario sulla teoria della traduzione Corso di laurea in "Lingue e culture europee" Facoltà di Lettere e Filosofia Anno accademico 2004-5. Facoltà di Lettere e Filosofia Largo S. Eufemia n. 19 - 41100 Modena. Traduzione ed intercultura. Materiali di discussione. Nr. 5 (2006). Modena. 2006. P. 28 – 39.
262. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford: Oxford University Press, 1965. 103 p.

263. Gentzler E. Translation Studies: Pre-Discipline, Discipline, Interdiscipline, and Post-Discipline // IJSL Volume 2. Issue 2. 2014. P. 13 – 24.
264. Gerzymisch-Arbogast H. Übersetzungswissenschaftliches Propädeutikum. Tübingen; Basel: Francke, 1994. 190 S.
265. Gile D. Basic concepts and models in interpreter and translator training. Amsterdam: Benjamins, 2009. 277 p.
266. Horn-Helf B. Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Tübingen: Francke, 1999. 371 S.
267. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 7.te Auflage. Wiebelsheim: Quelle & Meyer Verlag GmbH & Co, 2004. 343 S.
268. Kościółkowska-Okowska E. The concept of norm in professional (legal) translation and interpreting: the trainee (user) view // Poznan: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Comparative linguistics, 5/2011. P. 23 – 33.
269. Kußmaul P. Comprehension processes and translation. A think-aloud protocol study // Translation as intercultural communication / M. Snell-Hornby, Z. Jettmarova, K. Kaindl. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 239 – 248.
270. Kußmaul P., Tirkkonen-Condit S. Think-Aloud Protocol Analysis in Translation Studies // TTR: traduction, terminologie, rédaction, vol. 8, n° 1, 1995. P. 177 – 199.
271. Laviosa S. Universals Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London; New York: Routledge, 2011. P. 306 – 310.
272. Lederer M. La traduction aujourd'hui le modele interpretatif. Paris: Hachette, 1994. 224 p.
273. Lopes Lourenço Hanes V. Entre continentes: as traduções de Agatha Christie como mediadores interculturais // Cadernos de Tradução. vol.37 no.1 Florianópolis Jan./Apr. 2017. P. 209 – 229 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5007/2175-7968.2017v37n1p208>
274. Munday J. Introducing translation studies. Theories and Applications. 4-th ed. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 376 p.
275. Nida E., Taber C. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E.J. Brill,

1982. 218 p.
276. Panou D. Equivalence in Translation Theories_A Critical Evaluation // Theory and Practice in Language Studies, Vol. 3, No. 1, January 2013. P. 1 – 6.
 277. Pendergast B. Everyman's guide to the mysteries of Agatha Christie. Victoria, BC: Trafford Publishing, 2004. 446 p.
 278. Prunč E. Einführung in die Translationswissenschaft. 2., erweiterte und verbesserte Auflage. – Graz: Selbstverlag, Institut für Theoretische und Angewandte Translationswissenschaft, mit Unterstützung der Universität Graz, 2002. 374 S.
 279. Pym A. Translation and text transfer. An Essay on the Principles of Intercultural Communication. Revised edition. Tarragona: Intercultural Studies Group, 2010. 215 p.
 280. Reiß K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. Herausgegeben von M. Snell-Hornby, M. Kadric. Wien: WUV-Univ.-Verlag, 1995. 277 S.
 281. Reiß K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. München: Max Hueber Verlag, 1986. 124 S.
 282. Riediger H. Cos'è è la terminologia e come si fa un glossario. Manuale di ricerca e gestione terminologica. Cercare, tradurre e usare parole e termini. 2018. 77 p.
 283. Salevsky H. Translations-wissenschaft. Ein Kompendium. Unter Mitarbeit von Ina Müller und Bernd Salevsky. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. 660 S.
 284. Seleskoivtch D., Lederer M. Interpreter pour Traduire. Paris: Didier Erudition, 1984. 264 p.
 285. Seleskovitch D. L'interprete dans les conferences internationals. Problemes de langage et de communication. Paris: Lettres Modernes: Minard, 1968. 261 p.
 286. Shlesinger M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation // The Translator. Manchester: St. Jerome Publishing, 1995. Vol. 1, Num. 2. P. 193 – 214.

287. Sommerfeld B. Übersetzungskritik. Modelle, Perspektven, Didaktik. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2016. 138 S.
288. Spurio F., Mondradori G. Le traduzioni di Agatha Christie degli anni Trenta. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rivistatradurre.it/2011/04/agatha-christie/>
289. Storm M. Agatha Christie's *The Mysterious Affair at Styles*: a case study in Dutch and German translation cultures using corpus linguistic tools. PhD thesis. Birmingham: University of Birmingham, 2012. 360 p.
290. Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Second edition. – Oxford: Clarendon press, 1995. 312 p.
291. The Mysterious Affair at Styles // Agatha Christie. Fandom [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://agathachristie.fandom.com/wiki/The_Mysterious_Affair_at_Styles (дата обращения: 30.09.2018)
292. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Benjamins, Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 206 – 268.
293. Toury G. In search of a Theory of Translation. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1980. 159 p.
294. Toury G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. Tel Aviv University: Dyonun, 1991. 198 p.
295. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London & New York: Routledge, 1995. 353 p.
296. Vinay J.-P., Dalbarnet J. La Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Paris: Didier, 1958. 331 p.

Список словарей

297. Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 655 с.

298. Англо-русский исторический словарь [Текст] = English-Russian historical dictionary: 30 000 имен, названий, терминов / Г. А. Николаев. Москва: Прогресс; Москва: Лексикон, 1995. 464 с.
299. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
300. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
301. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 387 с.
302. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
303. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
304. Гончарова Н.Н. Англо-русский и русско-английский литературоведческий словарь: Более 1500 словарных статей, упорядоченных по английским эквивалентам. М.: Издательство URSS, 2016. 400 с.
305. Горская М. В. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М.: Русский язык, 1994. 272 с.
306. Ермолович Д. И. Англо-русский словарь персоналий. 3-е изд., доп. М.: Русский язык, 2000. 352 с.
307. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.
308. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. Издательство: Флинта, 2006. 776 с.
309. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М.: Русский язык. Медиа, 2005. XVIII, 1210 с.

310. Левитан К.М., Одинцова О.А., Павлова С.В. Англо-русский и русско-английский юридический словарь. Издательство: Проспект, 2020. 512 с.
311. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 688 с.
312. Морозов М.В. Практический англо-русский и русско-английский словарь синонимов. М.: Феникс, 2012. 347 с.
313. Мюллер В.К. Англо-русский. Русско-английский словарь. М.: АСТ, 2015. 1184 с.
314. Мюллер В.К. Англо-русский. Русско-английский словарь. М.: Эксмо, 2013. 1200 с.
315. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
316. Немецко-русский (основной) словарь: Ок. 95000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 1040 с.
317. О'Брайен М.А. Русско-английский. Англо-русский словарь. Издательство: АСТ, 2009. 407 с.
318. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Издание 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии; 2006. 944 с.
319. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д.Э. Розенталь – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/f.php
320. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов [Электронная версия] / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2004. 960 с.
321. Русско-немецкий словарь (основной): Ок. 53000 слов. 11-е изд., стереотип. / под ред. К. Лейна. М.: Рус. Яз., 1989. 736 с.
322. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедькои З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.

323. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
324. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
325. Универсальный немецко-русский словарь // Академик: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://universal_de_ru.academic.ru (дата обращения: 21.11.2013).
326. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: Либроком, 2019. 864 с.
327. Шпаковский В.Ф., Шпаковская И.В. Популярный англо-русский и русско-английский словарь. Транскрипция и транслитерация английских слов. Издательство: Центрполиграф, 2020. 441 с.
328. BNC [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/bnc/>
329. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. [Unter Mitw. von Maria Dose...]. 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. 1816 S.
330. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://oxforddictionaries.com/>
331. Oxford Learner`s Thesaurus. A dictionary of synonyms. P. Oxford: Oxford University Press, 2008. 1008 p.
332. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 2-nd ed. London and New York, Routledge Taylor&Francis Group, 2009. 674 p.
333. The Dictionary of biographical quotation of British and American subjects. Ed. By R.Kenin& J.Wintle. London&Henley: Knopf : distributed by Random House, 1978. 860 p.
334. The Letters of Tolkien. G.Allen&Unwin, 1981. 480 p.
335. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / Opie, I.; Opie, P. Oxford: Oxford University Press, 1997. 592 p.

Список источников фактического материала

336. Гоголь Н.В. Ревизор. Москва: Азбука, 2019. 320 с.
337. Гончаров И.А. Обломов. Москва: АСТ, 2019. 512 с.
338. Кристи А. Автобиография / пер. с англ. «ФТМ», «Эксмо», 1977. 46 с.
339. Кристи А. 10 негритят / пер. с англ. Л.Г. Беспаловой. Москва, 1990. 156 с.
340. Кристи А. 10 негритят / пер. с англ. Н.В. Екимовой. Москва, 2016. 608 с.
341. Кристи А. Десять негритят / пер. с англ. Л.Г. Беспаловой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/vypusk-1-tom-9-read-380346-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).
342. Кристи А. Загадочное происшествие в Стайлзе / пер. с англ. М.Ю. Юркан. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
343. Кристи А. Зернышки в кармане / пер. с англ. М.А. Загота (1992). А. Кристи «ФТМ», «Эксмо», 1953. 126 с.
344. Кристи А. И в трещинах зеркальный круг / пер. с англ. М.А. Загота (1992). А. Кристи «ФТМ», «Эксмо», 1962. 147 с.
345. Кристи А. Кривой дом / пер. с англ. Н.Х. Ибрагимова. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
346. Кристи А. Кривой дом / пер. с англ. О. Кучерова. М.: ВААП; ВААП-информ, 1991, 160 с.
347. Кристи А. Миссис Макгинти с жизнью рассталась / пер. с англ. М.А. Загота (1992). А. Кристи «ФТМ», «Эксмо», 1952. 134 с.
348. Кристи А. Нелепый домишко // Кристи А. Печальный кипарис. Нелепый домишко / пер. с англ. В. Матюшиной. М.: ДЭМ, 1991. С. 187 – 366.
349. Кристи А. Полный карман ржи // Кристи А. Фокус с зеркалами. Полный карман ржи / пер. с англ. В. Тирдатов. М.: Центрполиграф, 1998. С. 217 – 452.
350. Кристи А. Пять поросят / пер. с англ. С.С. Никиненко М.: Эксмо, 2018. 256 с.

351. Кристи А. Раз, два, пряжку застегни /пер. с англ. А.В. Соловьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/raz-dvapryazhku-zastegni-read-86140-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).
352. Кристи А. Раз, два – пряжку застегни / пер. с англ. В. Тирдатов. М.: Эксмо, 2014. 285 с.
353. Кристи А. Таинственное происшествие в Стайлз / пер. с англ. А.Д. Смолянского. Свердловск: Лига, 1990. 288 с.
354. Кристи А. Хикори Дикори Док / пер. с англ. Т. Шишовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ereading.club/bookreader.php/30782/Kristi_32_Hikori%2C_dikori%2C_dok...html (дата обращения: 13.09. 2018).
355. Кристи А. Хикори-Дикори / А. Кристи «Эксмо», 1955. 111 с.
356. Кристи А. Щелкни пальцем только раз / пер. с англ. С.Н. Самуйлов «Эксмо», 1968 (Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016).
357. Маршак С.Я. Большой карман. М.: Мелик-Пашаев, 2015, 20 с.
358. Некрасов А.С. Приключения капитана Врунгеля. Москва: Планета, 2017, 272 с.
359. Островский А.Н. Гроза. Москва: Эксмо, 2018, 256 с.
360. Фонвизин Д.И. Недоросль. Москва: Эксмо, 2016. 160 с.
361. Чуковский К.И. Скрытая песня. М.: Речь, 2019. 16 с.
362. Christie A. And Then There Were None. New York, 1940. 190 p.
363. Christie A. By the Pricking of My Thumbs. London: Collins Crime Club, 1968. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/stream/agathachristie/Agatha%20Christie/English/Agatha%20Christie%20-%20By%20the%20Pricking%20of%20My%20Thumbs_djvu.txt
364. Christie A. Five little pigs. – London: HarperCollinsPublishers, 2013. 277 p.
365. Christie A. Hickory Dickory Dock [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/hickory-dickory-dock-read-68035-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).

366. Christie A. Hickory Dickory Dock [=Хикори Дикори Док / Агата Кристи] / коммент. А.А. Гасиной. М.: Айрис-пресс, 2011. 320 с.
367. Christie A. Mrs McGinty`s Dead. 1952. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://detective.gumer.info/anto/christie_60_2.pdf
368. Christie A. One, Two, Buckle My Shoe. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
369. Christie A. A Pocket Full of Rye. London, 1953. 198 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://archive.org/stream/agathachristie/Agatha%20Christie/English/Agatha%20Christie%20-%20A%20Pocket%20Full%20of%20Rye_djvu.txt
370. Christie A. Ten little Niggers. London, 1939. 173 p.
371. Christie A. The Mirror Crack`d from Side to Side. London, Collins Crime Club, 1962. 334 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://detective.gumer.info/anto/christie_36_2.pdf
372. Christie A. The Mysterious Affair at Styles. New York: Berkley, 1920. 320 p.
373. Christie A. Das fehlende Glied in der Kette (übersetzt von Dorothea Gotfurt). Bern; Stuttgart; Wien: Scherz, 1959. 191 S. <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&cqlMode=true&query=idn%3D450782956>
374. Christie A. Das fehlende Glied in der Kette (übersetzt von Nina Schindler). München: Atlantik, 2015. 224 S.
375. Christie A. Das geheimnisvolle Verbrechen in Styles (übersetzt von Anna Drawe). München: Georg Müller, 1929. 183 S. https://books.google.ru/books/about/Das_geheimnisvolle_Verbrechen_in_Styles.html?id=URfrtAEACAAJ&redir_esc=y
<https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&cqlMode=true&query=idn%3D57391110X>
376. Christie A. Letztes Weekend (übersetzt von Anna Katharina Rehmann-Salten). Bern: Scherz, 1944. 248 S.
377. Christie A. Und dann gab's keines mehr. (übersetzt von Sabine Deitmer). 2. Auflage. Hamburg: Atlantik, Hoffmann und Campe, 2017. 223 S.

378. Christie A. Zehn kleine Negerlein. (übersetzt von Ursula Gail). Bern, München, Wien: Scherz, 1973. 187 S.
379. Christie A. Zehn kleine Negerlein. (übersetzt von Ursula Gail). Bern, München, Wien: Scherz, 1985. 193 S.
380. Mother Goose: The Old Nursery Rhymes. London, Heineman W, 1913. 143 p.
<https://www.worldcat.org/title/old-mother-goose-nursery-rhyme-book-with-illustrations/oclc/314896074?referer=di&ht=edition>
381. Mother Goose`s Nursery Rhymes. New York: Loughlin brothers, 1941. 193 p.
382. Mother Goose`s Nursery Rhymes. London, Thomas Nelson and Sons, 1982. P. 90
383. And Then There Were None declared world`s favourite Agatha Christie novel // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/sep/01/and-then-there-were-none-declared-worlds-favourite-agatha-christie-novel> (дата обращения: 15.11.2018).
384. Кабакчи URL: vorto.ru/statyi/oshibka-agaty-kristi

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Примеры реалий в романе А. Кристи “Mysterious Affair at Styles”

ИТ	ПТ
The intense interest aroused in the public by what was known at the time as "The Styles Case" has now somewhat subsided. Nevertheless, in view of the world-wide notoriety which attended it, I have been asked, both by my friend Poirot and the family themselves, to write an account of the whole story [Christie, 1920, p.5].	Необычайный интерес, вызванный нашумевшим в свое время «убийством в Стайлз», сегодня уже заметно поутих. Однако вся история получила в те дни такую широкую огласку, что мой друг Пуаро и сами участники драмы попросили меня подробно изложить обстоятельства этого дела [пер. Смолянского, 1990, с.1].
	Значительный интерес светского общества к преступлению в Стайлзе уже начал спадать. Тем не менее, учитывая сопутствующую ему дурную славу, мой друг Пуаро и родственники жертвы коварного убийства попросили меня правдиво описать все подробности нашей истории [пер. Юркан, 2015, с.2].
	Das große Interesse, mit dem die Öffentlichkeit seinerzeit den “Fall Styles” verfolgte, hat sich inzwischen etwas gelegt. Doch in Anbetracht es verfolgte, hat sich des weltweiten Aufsehens, das er erregt hat, wurde ich sowohl von meinem Freund Poirot als auch von der Familie selbst gebeten, einen schriftlichen Bericht über die damaligen Vorfälle zu verfassen [Schindler, 2015, S.7].
As a boy, though, I had often stayed at Styles, his mother's place in Essex. We had a good yarn about old times, and it ended in his inviting me down to Styles to spend my leave there... [Christie, 1920, p.6].	В детстве я часто бывал в Стайлз, в поместье его матери в Эссексе, и мы долго болтали, вспоминая то далекое время. Разговор закончился тем, что Джон предложил мне провести отпуск в Стайлз [пер. Смолянского, 1990, с.1].
	В детстве, однако, мне частенько доводилось гостить в Стайлз-корт, эссекском имении его матушки. Мы славно поболтали о старых временах, и в результате он пригласил меня провести отпуск в Стайлзе [пер. Юркан, 2015, с.2].
	Als Junge war ich häufig in Styles zu Besuch gewesen, dem Landgut seiner Mutter in Sussex. Wir plauderten angeregt über die alten Zeiten und das endete damit, dass er mich für die Dauer meines Urlaubs nach Styles einlud [Schindler, 2015, S.7].
I am afraid I showed my surprise rather plainly. Mrs. Cavendish, who had married John's father when he was a widower with two sons, had been a handsome woman of middle-age as I remembered her	– Боюсь, что я не сумел скрыть своего удивления. Отец Джона, после смерти первой жены, оказался один с двумя детьми, и миссис Кавендиш, которая вышла за него замуж, была, насколько я помню, женщиной хотя и привлекательной, но уже в возрасте [пер. Смолянского, 1990, с.1].
	Боюсь, что на лице моем весьма явно отразилось удивление. Насколько я помнил, миссис Кавендиш, красивая женщина средних лет, вышла замуж за отца Джона, когда он остался вдовцом с двумя сыновьями на руках [пер. Юркан, 2015, с.3].
	Ich fürchte, ich zeigte mein Erstaunen nur zu deutlich. Mary

[Christie, 1920, p.6].	Cavendish war bei ihrer Heirat mit Johns Vater, einem Witwer mit zwei Söhnen, eine gut aussehende Frau mittleren Alters gewesen [Schindler, 2015, S.8].
But the mater cottoned to him at once, took him on as secretary—you know how she's always running a hundred societies ?" [Christie, 1920, p.8].	Но мамаша сразу сочувствовала к нему симпатию и сделала своим секретарем. Ты ведь знаешь, она всегда состоит в доброй сотне благотворительных обществ [пер. Смолянского, 1990, с.2].
	Но матушка с ходу поладила с ним, взяла его на место секретаря... вы же знаете, что она вечно подвизается в множестве благотворительных организаций [пер. Юркан, 2015, с.3].
	Aber unsere Mutter war sofort von ihm begeistert und stellte ihn als ihren Sekretär ein – wie du weißt, ist sie ja immer die Vorsitzende von hundert Vereinen [Schindler, 2015, S.9].
The village of Styles St. Mary was situated about two miles from the little station, and Styles Court lay a mile the other side of it [Christie, 1920, p.9].	От станции надо было ехать две мили до деревушки Стайлз Сент-Мэри и оттуда еще милью до Стайлз Корт [пер. Смолянского, 1990, с.2].
	Сама деревня Стайлз-Сент-Мэри находилась в двух милях от этой нелепой станции, а с другой стороны от нее на расстоянии мили раскинулось поместье Стайлз-корт [пер. Юркан, 2015, с.4].
	Das Dorf Styles St. Mary war etwa zwei Meilen weit entfernt und Styles Court lag eine Meile dahinter [Schindler, 2015, S.10].
He checked the car suddenly, and glanced at his watch. "I wonder if we've time to pick up Cynthia. No, she'll have started from the hospital by now" [Christie, 1920, p.9].	Неожиданно он затормозил и взглянул на часы. – Попробуем заехать за Цинцией. Хотя нет, не успеем: она, видимо, уже ушла из госпиталя [пер. Смолянского, 1990, с.2].
	Внезапно он остановил машину и глянул на часы. – Я подумал, не успеем ли мы заехать за Синтией. Нет, сейчас она уже, наверное, ушла из госпиталя [пер. Юркан, 2015, с.4].
	Plötzlich verlangsamte er die Geschwindigkeit und sah auf seine Uhr. „Vielleicht haben wir ja noch genug Zeit, um Cynthia abzuholen. Nein, sie wird das Krankenhaus jetzt wohl schon verlassen haben“ [Schindler, 2015, S.10].
As he spoke the last words, we drew up in front of the fine old house [Christie, 1920, p.10].	Пока Джон говорил, мы подъехали к прекрасному старинному особняку [пер. Смолянского, 1990, с.2].
	Замолчав, он остановился перед прекрасным старинным особняком . [пер. Юркан, 2015, с.4].
	Während seiner letzten Worte fuhren wir vor dem schönen alten Haus vor [Schindler, 2015, S.11].
"Weeds grow like house afire . Can't keep even with 'em. Shall press you in. Better be careful " [Christie, 1920, p.10].	– С сорняками прямо беда. Не успеваешь выполоть, появляются новые [пер. Смолянского, 1990, с.2].
	– Сорняки разрастаются, точно пожар в доме. Никак за ними не уследишь. Просто окружают, наступая со всех сторон. Берегитесь [пер. Юркан, 2015, с.4].
	Unkraut wächst wie verrückt . Kann damit nicht Schritt halten. Werde Sie zwangsverpflichten müssen. Nehmen Sie sich nur in Acht! » [Schindler, 2015, S.11]
She led the way round the house to where tea	– Согласна, – сказала Эви, и, стянув садовые перчатки, повела нас за дом, где в тени большого платана был накрыт

was spread under the shade of a large sycamore [Christie, 1920, p.11].	стол [пер. Смолянского, 1990, с.3]. Мы направились вслед за ней вокруг дома к чайному столу, накрытому в тени большого платана [пер. Юркан, 2015, с.5]. Sie ging voran ums Haus herum zu dem Tisch, der im Schatten eines großen Ahorns gedeckt war [Schindler, 2015, S.11].
At that moment a well remembered voice floated through the open French window near at hand: "Then you'll write to the Princess after tea, Alfred? I'll write to Lady Tadminster for the second day, myself. Or shall we wait until we hear from the Princess? In case of a refusal, Lady Tadminster might open it the first day, and Mrs. Crosbie the second. Then there's the Duchess—about the school fete" [Christie, 1920, p.12].	Вдруг рядом из-за приоткрытой стеклянной двери раздался хорошо знакомый голос: «Альфред, после чая не забудь написать княгине. Насчет второго дня я сама напишу лэди Тэдминстер. Или лучше дождаться ответа от княгини? Если она откажется, лэди Тэдминстер могла бы быть на открытии в первый день, а мисс Кросби во второй. И надо не забыть ответить герцогине по поводу школьного праздника» [пер. Смолянского, 1990, с.3]. Мы сидели совсем рядом с верандой, и вскоре из открытых балконных дверей донесся отлично знакомый мне голос: – Итак, Альфред, после чая вы напишите письмо принцессе? А насчет второго дня я сама напишу леди Тэдминстер. Или нам лучше дождаться ответа княгини? Если она откажется, то леди Тэдминстер может помочь с открытием в первый день, а миссис Кросби – во второй. К тому же есть еще герцогиня... она известит ее о школьном празднике [пер. Юркан, 2015, с.5]. In diesem Augenblick ertönte durch die offene Terrassentür in unserer Nähe eine wohl bekannte Stimme: „Dann wirst du der Prinzessin also nach dem Tee schreiben, Alfred? Wegen des zweiten Tages werde ich selbst an Lady Tadminster schreiben. Oder sollen wir erst die Antwort der Prinzessin abwarten? Falls wir eine Absage erhalten, könnte Lady Tadminster das Fest am ersten Tag eröffnen und Mrs. Crosbie am zweiten. Dann wäre da noch die Herzogin – wegen des Schulfests“ [Schindler, 2015, S.12].
"Is soldiering your regular profession, Mr. Hastings?" "No, before the war I was in Lloyd's" [Christie, 1920, p.14].	– Вы что, профессиональный военный, мистер Хастингс? – Нет, до войны я служил в агентстве Ллойда [пер. Смолянского, 1990, с.4]. – А вы, мистер Гастингс, избрали себе военную профессию? – Нет, до войны я служил в страховой корпорации Ллойда [пер. Юркан, 2015, с.6]. „Sind Sie Berufsoffizier, Mr. Hastings?“ „Nein, vor dem Krieg habe ich bei der LloydVersicherung gearbeitet“ [Schindler, 2015, S.14].
Cynthia Murdoch was a fresh-looking young creature, full of life and vigour. She tossed off her little V. A. D. cap, and I admired the great loose waves of her auburn hair, and the smallness and whiteness of the hand she held out to claim her tea. With dark eyes and eyelashes	Цинция Мердок была цветущей юной девушкой, полной жизни и задора. Она сняла свою маленькую форменную шапочку, и я был восхищен золотисто-каштановыми волнистыми локонами, упавшими ей на плечи. Цинция потянулась за чашкой, и белизна ее маленькой ручки тоже показалась мне очаровательной. Будь у нее темные глаза и ресницы, девушка была бы просто красавицей [пер. Смолянского, 1990, с.4]. Синтия Мэрдок оказалась очаровательным созданием, излучавшим свежесть юности и исполненным бурной жизненной силы. Она сорвала с головы белую форменную шапочку, и я с восхищением оценил как ее рассыпавшуюся

she would have been a beauty [Christie, 1920, p.16].	волнами золотисто-каштановую шевелюру, так и белизну очаровательной изящной ручки, которую она протянула к чайной чашке. С черными глазами и ресницами, эта девушка могла бы соперничать с любой красавицей [пер. Юркан, 2015, с.7]. Cynthia Murdoch war ein frisches junges Mädchen, das vor Lebenslust und Energie förmlich strotzte. Sie warf ihre Uniformmütze zur Seite und ich bewunderte den Schwung ihrer kastanienbraunen Locken und ihre kleinen weißen Hände, die sie nach ihrer Tasse Tee ausstreckte. Mit dunklen Augen und Wimpern wäre sie eine Schönheit gewesen [Schindler, 2015, S.15 – 16].
She flung herself down on the ground beside John, and as I handed her a plate of sandwiches she smiled up at me. "Sit down here on the grass, do. It's ever so much nicer." I dropped down obediently [Christie, 1920, p.16].	Она уселась на траву рядом с Джоном. Я протянул ей блюдо с бутербродами и получил в ответ пленительную улыбку: – Садитесь тоже на траву, так гораздо приятней [пер. Смолянского, 1990, с.5]. Она опустила на траву около Джона и улыбнулась мне, когда я предложил ей блюдо с сандвичами. – Присаживайтесь со мной на травку. Тут гораздо удобнее [пер. Юркан, 2015, с.7]. Sie ließ sich neben John auf die Erde fallen und lächelte zu mir hoch, als ich ihr die Platte mit den Sandwiches reichte. «Setzen Sie sich doch auch auf den Rasen, hier ist es viel, viel schöner» [Schindler, 2015, S.16].
Lady Tadminster, our Member's wife—she was the late Lord Abbotsbury's daughter—does the same [Christie, 1920, p.17].	Член нашего общества лэди Тэдминстер, дочь покойного лорда Абботсбэри, придерживается того же мнения [пер. Смолянского, 1990, с.5]. Леди Тэдминстер, супруга нашего орденоносца... кстати, ее батюшкой был покойный лорд Эбботсберри – также считает ранний ужин более уместным [пер. Юркан, 2015, с.7]. Lady Tadminster, die Frau unseres Parlamentsabgeordneten – sie ist die Tochter des verstorbenen Lord Abbotsbury, – macht es genauso [Schindler, 2015, S.17].
'You're an old woman, Emily, and there's no fool like an old fool. The man's twenty years younger than you, and don't you fool yourself as to what he married you for. Money! Well, don't let him have too much of it. Farmer Raikes has got a very pretty young wife. Just ask your Alfred how much time he spends over there' [Christie, 1920, p.19].	«Вы старая женщина, Эмили, а нет ничего хуже старых дур. Они еще дурнее молодых. Он же на двадцать лет моложе вас. Хватит вам в любовь играть. И так понятно, что он женился только из-за денег. Не давайте ему много. У фермера Райкеса хорошенькая молодая женушка. Спросите-ка своего Альфреда, сколько он на нее тратит?» [пер. Смолянского, 1990, с.6]. «Эмили, вы уже старая женщина, и глупость старых дур, видно уж, никому не превзойти. Вы пригрили молодого проходимца, он же на двадцать лет моложе вас, и не заблуждайтесь на тот счет, почему он женился на вас. Он женился на ваших деньгах! Ладно, попытайтесь, по крайней мере, ограничить его аппетиты. Знаете, что у фермера Рэйкса появилась смазливая молодая женушка? Так спросите вашего Альфреда, сколько времени он проводит с нею» [пер. Юркан, 2015, с.8]. „Du bist eine alte Frau, Emily, und die alten Trottel sind die schlimmsten. Der Mann ist zwanzig Jahre jünger als du, also ist doch völlig klar, weshalb er dich geheiratet hat. Wegen deinem

	Geld! Gib ihm nur nicht zu viel. Bauer Raikes hat eine hübsche junge Frau. Frag doch mal deinen Alfred, wie viel Zeit er dort verbringt“ [Schindler, 2015, S.18].
"And who is Dr. Bauerstein?" "He's staying in the village doing a rest cure, after a bad nervous breakdown. He's a London specialist; a very clever man—one of the greatest living experts on poisons, I believe" [Christie, 1920, p.22].	– А кто он такой, этот доктор Бауэрштайн? – Он живет тут в деревне, отдыхает после тяжелого нервного расстройства. Сам он из Лондона. Умнейший человек. Кажется, один из самых крупных в мире специалистов по ядам [пер. Смолянского, 1990, с.7].
	– А кто такой доктор Бауэрштайн? – Он живет в деревне, наслаждается полным покоем, восстанавливается после острого нервного расстройства. Работал в Лондоне, весьма сведущий специалист; говорят, один из крупнейших ныне здравствующих экспертов в области ядовитых веществ [пер. Юркан, 2015, с.9].
	„Und wer ist Dr. Bauerstein?“ „Er wohnt zurzeit im Dorf und erholt sich von einem schweren Nervenzusammenbruch. Er ist ein Londoner Wissenschaftler. Ein sehr kluger Mann – einer der bedeutendsten Experten unserer Zeit für Gifte, glaube ich“ [Schindler, 2015, S.20].
He took the path through the plantation, and we walked down to the village through the woods which bordered one side of the estate [Christie, 1920, p.22].	В лесок, окаймлявший поместье с одной стороны, уходила тропинка , и мы двинулись по ней в сторону деревни [пер. Смолянского, 1990, с.7].
	Я углубился вслед за ним в парковую аллею , и мы направились в сторону деревни через лесок, граничивший с поместьем [пер. Юркан, 2015, с.9].
	Wir liefen auf dem Feldweg zum Dorf und weiter bis zum Wald, der an das Gut grenzte [Schindler, 2015, S.20].
Mrs. Inglethorp greeted me with effusion [Christie, 1920, p.12].	Опущено в переводе Смолянского
	Миссис Инглторп бурно приветствовала меня [пер. Юркан, 2015, с.5].
	Mrs. Inglethorp begrüßte mich überschwänglich [Schindler, 2015, S.13]
I received a letter from Evelyn Howard a couple of days after her departure, telling me she was working as a nurse at the big hospital in Middlingham, a manufacturing town some fifteen miles away, and begging me to let her know if Mrs. Inglethorp should show any wish to be reconciled [Christie, 1920, p.24].	Через пару дней после отъезда Эвелин Ховард я получил от нее письмо, в котором она сообщила, что работает медсестрой в большом госпитале в городке Миддинхэм, расположенном милях в пятнадцати от Стайлз. Она очень просила сообщить, проявляет ли миссис Инглторп хоть малейшее желание уладить ссору [пер. Смолянского, 1990, с.7].
	Через два дня после отъезда мисс Говард прислала мне письмо, в коем сообщала, что она устроилась работать сиделкой в большую больницу Миддлингхэма, фабричного городка , находящегося от нас милях в пятнадцати, и просила меня дать ей знать, если миссис Инглторп проявит хоть какое-то стремление к примирению [пер. Юркан, 2015, с.10].
	Einige Tage nach ihrer Abreise erhielt ich einen Brief von Evelyn Howard, in dem sie mir mitteilte, sie arbeite als Krankenschwester in einem großen Krankenhaus in einer etwa fünfzehn Meilen entfernten Industriestadt . Sie bat mich um eine Mitteilung, falls

	Mrs. Inglethorp je den Wunsch äußerte, sich wieder mit ihr zu versöhnen [Schindler, 2015, S.22].
The famous bazaar had taken place on Saturday, and an entertainment, in connection with the same charity, at which Mrs. Inglethorp was to recite a War poem, was to be held that night [Christie, 1920, p.25].	В субботу состоялся большой благотворительный базар , а в понедельник вечером в честь его завершения планировался концерт, на котором миссис Инглторп собиралась прочесть стихотворение о войне [пер. Смолянского, 1990, с.8].
	В субботу состоялся долгожданный благотворительный базар , а сегодня вечером в честь его завершения устраивался большой концерт, где миссис Инглторп собиралась декламировать посвященные войне стихи [пер. Юркан, 2015, с.10].
	Es war ein chaotischer Tag. Der angekündigte Basar hatte am Samstag stattgefunden und an diesem Abend sollte nun während einer damit verbundenen gesellschaftlichen Veranstaltung Mrs. Inglethorp ein Kriegsgedicht rezitieren [Schindler, 2015, S.22].
We were detained under suspicion by the hospital porter , until Cynthia appeared to vouch for us, looking very cool and sweet in her long white overall [Christie, 1920, p.26].	Охранник в госпитале наотрез отказался впустить посторонних, пока не появилась Цинция и не провела нас под свою ответственность. В белом халате она выглядела еще свежей и прелестней! [пер. Смолянского, 1990, с.8].
	Нам пришлось задержаться под наблюдением бдительного привратника , пока вышедшая Синтия не поручилась за нас. В длинном белом халате девушка выглядела совершенно великолепно и очаровательно [пер. Юркан, 2015, с.11].
	Wir wurden von einem misstrauischen Krankenhauspförtner festgehalten, bis Cynthia erschien und sich für uns verbürgte. In ihrer weißen Tracht sah sie sehr adrett und hübsch aus [Schindler, 2015, S.24].
"What a lot of bottles!" I exclaimed, as my eye travelled round the small room [Christie, 1920, p.26].	- Господи, сколько здесь склянок! - воскликнул я, оглядывая комнату [пер. Смолянского, 1990, с.8].
	– Боже мой, сколько же здесь разных склянок! – воскликнул я, обведя взглядом маленькое помещение [пер. Юркан, 2015, с.11].
	„Was für eine Menge Flaschen!“, rief ich aus, als ich meinen Blick in dem kleinen Raum herumwandern ließ [Schindler, 2015, S.24].
Come on, let's have tea. We've got all sorts of secret stories in that cupboard. No, Lawrence—that's the poison cupboard . The big cupboard—that's right" [Christie, 1920, p.27].	Ладно, давайте лучше выпьем чаю. У нас тут в шкафу припрятано множество разных лакомств. Нет, не здесь, Лоуренс, это шкаф с ядами . Я имела в виду вот тот большой шкаф [пер. Смолянского, 1990, с.8].
	Ладно, давайте лучше выпьем чаю. В нашем буфете хранится множество тайных историй. Не там, Лоуренс, в том шкафчике у нас как раз хранятся яды . А чайные принадлежности в большом буфете [пер. Юркан, 2015, с.11].
	Kommt, lasst uns Tee trinken gehen. Wir haben alle möglichen geheimen Vorräte in diesem Regal. Nein, Lawrence, das ist der Giftschrank . Der große da, stimmt» [Schindler, 2015, S.24].
Cynthia and I went and sat by the open window in the drawing-room. Mary Cavendish brought our coffee to	Мы с Цинцией пересели поближе к окну. Мэри подала нам кофе. Она явно нервничала [пер. Смолянского, 1990, с.11].
	Мы с Синтией , выйдя из-за стола, устроились в креслах возле открытого окна гостиной. Мэри Кавендиш принесла нам кофе. Она выглядела

us. She seemed excited [Christie, 1920, p.34].	встревоженной [пер. Юркан, 2015, с.14].
	Cynthia und ich setzten uns an das offene Fenster des Salons. Mrs. Cavendish brachte uns unseren Kaffee. Sie wirkte aufgeregt [Schindler, 2015, S.30]
I sprang out of bed; and, pulling on a dress-gown , followed Lawrence along the passage and the gallery to the right wing of the house [Christie, 1920, p.37].	Спрыгнув с кровати и натянув халат , я прошел вслед за Лоуренсом через коридор в правое крыло дома [пер. Смолянского, 1990, с.12].
	Я вскочил с кровати и, на ходу натягивая халат , проследовал за Лоуренсом по коридору в правое крыло дома [пер. Юркан, 2015, с.16].
	Ich sprang aus dem Bett, schlüpfte in meinen Morgenmantel und folgte Lawrence über den Flur und die Galerie in den rechten Flügel des Hauses [Schindler, 2015, S.32]
"Here, let one of the maids go down and wake Baily and tell him to go for Dr. Wilkins at once" [Christie, 1920, p.38].	И вот что - пусть кто-нибудь спустится и разбудит Бэйли, чтобы он срочно бежал за доктором Уилкинсом [пер. Смолянского, 1990, с.12].
	Так, пусть одна из горничных спустится, разбудит Бейли и немедленно отправит его за доктором Уилкинсом [пер. Юркан, 2015, с.16].
	Eines der Hausmädchen soll runterlaufen und Baily wecken, damit er sofort Dr. Wilkins holen geht [Schindler, 2015, S.34].
John strode across the room, and lit the gas. Turning to Annie, one of the housemaids, he sent her downstairs to the dining-room for brandy . Then he went across to his mother whilst I unbolted the door that gave on the corridor [Christie, 1920, p.39].	Джон зажег газовую лампу и приказал горничной Анни принести из столовой брэнди . Я открыл засов на двери, ведущей в коридор, а он тем временем побежал к матери [пер. Смолянского, 1990, с.13].
	Быстро метнувшись к стене, Джон включил газовый рожок. Обратившись к Энни, одной из горничных, он велел ей спуститься в столовую и принести брэнди . Потом бросился к матери, а я отодвинул щеколду на двери в коридор [пер. Юркан, 2015, с.16].
	John eilte zur anderen Seite des Zimmers und zündete das Gaslicht an. Er schickte Annie, eins der Hausmädchen, nach unten ins Esszimmer, um Kognak zu holen. Dann ging er ans Bett zu seiner Mutter, während ich die Tür zum Flur entriegelte [Schindler, 2015, S.34].
I stared at him . Surely the war had affected the little man's brain. He was carefully engaged in brushing his coat before putting it on, and seemed wholly engrossed in the task [Christie, 1920, p.51].	Я посмотрел с сожалением на своего друга . Война для него не прошла даром: бедняга явно немного тронулся. Пуаро тем временем с величайшей тщательностью чистил пальто и, казалось, был всецело поглощен этим занятием [пер. Смолянского, 1990, с.16].
	Я удивленно уставился на него . Война, несомненно, повредила мыслительные способности моего славного друга. Разговаривая со мной, он продолжал тщательно чистить пиджак , и, казалось, это занятие полностью завладело его вниманием [пер. Юркан, 2015, с.21].
	Ich starrte ihn an . Bestimmt hatte der Verstand des kleinen Mannes durch den Krieg gelitten. Er war gerade mit dem Abbürsten seines Jacketts beschäftigt und schien völlig in diese Tätigkeit versunken [Schindler, 2015, S.43].
Well, strychnine is a fairly rapid poison	Но стрихнин ведь действует очень быстро, примерно через час [пер. Смолянского, 1990, с.17].

[Christie, 1920, p.53].	Далее, стрихнин , несомненно, является быстродействующим ядом [пер. Юркан, 2015, с.22]. Aber Strychnin ist ein ziemlich schnell wirkendes Gift [Schindler, 2015, S.45].
He took out the key from the lock, and passed it to me to inspect. I saw nothing peculiar, however. It was an ordinary key of the Yale type, with a bit of twisted wire through the handle [Christie, 1920, p.56].	Пуаро вынул его и многозначительно передал мне. Я не нашел в нем ничего достойного внимания: это был вполне обыкновенный ключ, надетый на небольшое проволочное кольцо [пер. Смолянского, 1990, с.18]. Вытащив ключ из замка, предложил его мне для осмотра. Я не увидел в нем, честно говоря, ничего особенного. Типичный ключ от американского замка Йейла ² с пропущенной через головку проволочкой ... [пер. Юркан, 2015, с.23]. Er zog den Schlüssel aus dem Schloss und reichte ihn mir zur genaueren Inspektion. Ich konnte jedoch nichts Auffälliges daran feststellen. Es war ein ganz normaler Sicherheitsschlüssel , durch den ein Stückchen verbogener Draht gezogen war [Schindler, 2015, S.48]
Finally, he poured a few drops of the coco into a test tube, sealing it up carefully [Christie, 1920, p.59].	Закончив с пятном, он налил несколько капель какао в пробирку и плотно закрыл пробку [пер. Смолянского, 1990, с.18]. В итоге он налил немного какао в пробирку и тщательно закрыл ее пробкой [пер. Юркан, 2015, с.24]. Schließlich goss er ein paar Tropfen Kakao in ein Reagenzröhrchen und verschloss es vorsichtig. Als Nächstes holte er sein kleines Notizbuch heraus [Schindler, 2015, S.50].
"... One, a coffee-cup that has been ground into powder; two, a despatch-case with a key in the lock ; three, a stain on the floor " [Christie, 1920, p.59].	Итак, первая находка – это кофейная чашка , буквально растертая в порошок, вторая - папка с торчащим из нее ключом , третья - пятно на ковре [пер. Смолянского, 1990, с.19]. Во-первых, раздавленная в пыль кофейная чашка ; во-вторых, бювар с ключом в замке ; в-третьих, пятно на ковре [пер. Юркан, 2015, с.24]. „Also gut. Erstens, eine Kaffeetasse wurde in winzig kleine Scherben zertreten, zweitens, ein Aktenkoffer mit einem Schlüssel im Schloss , drittens, ein Fleck auf dem Fußboden “ [Schindler, 2015, S.50].
"It must have been done since yesterday, otherwise a good housemaid would have at once removed it with blotting-paper and a hot iron . One of my best hats once—but that is not to the point" [Christie, 1920, p.59].	Вчера его еще не было, в противном случае служанка наверняка бы его удалила, прогладив горячим утюгом через промокательную бумагу . Однажды такая же история приключилась с моей лучшей шляпой . Я вам как-нибудь расскажу об этом [пер. Смолянского, 1990, с.19]. Их, наверное, оставили вчера, иначе усердная горничная уже избавилась бы от них с помощью промокательной бумаги и горячего утюга . Однажды так же пострадала одна из моих лучших шляп... впрочем, не будем отвлекаться [пер. Юркан, 2015, с.24].

² Лайнус Йейл-старший (1797–1854) и Лайнус Йейл-младший (1821–1868) – отец и сын, известные американские изобретатели и производители замков.

	„Der kann erst nach dem gestrigen Tag dorthin gekommen sein, denn ein gutes Stubenmädchen hätte ihn sofort mit Löschpapier und einem heißen Bügeleisen entfernt. Einer meiner besten Hüte war einmal – aber das gehört nicht zur Sache“ [Schindler, 2015, S.50].
Annie considered. "There were four letters, sir. One was to Miss Howard , and one was to Mr. Wells , the lawyer, and the other two I don't think I remember, sir—oh, yes, one was to Ross's , the caterers in Tadminster. The other one, I don't remember" [Christie, 1920, p.70].	Немного подумав, Анни сказала: - Было четыре письма, сэр. Одно для мисс Ховард , другое для нотариуса Уэллса , а про оставшиеся два я не помню, хотя, одну минуту... Да, третье письмо было адресовано Россу в Тэдминстер, он нам поставляет продукты. А вот кому было четвертое письмо - хоть убейте - не помню [пер. Смолянского, 1990, с.23].
	Энни погрузилась в воспоминания. – Четыре письма, сэр. Одно предназначалось для мисс Говард , а второе – для мистера Уэллса , адвоката, хотя не помню, кому она написала другие два письма, сэр... ах, да, на третьем письме вроде бы стояло имя мистера Росса , нашего поставщика продуктов из Тэдминстера. А вот про последнее ничего не помню [пер. Юркан, 2015, с.29].
	Annie überlegte. „Es waren vier Briefe, Sir. Einer war an Miss Howard und einer war an Mr. Wells , den Rechtsanwalt, und an die anderen zwei kann ich mich nicht mehr erinnern, Sir – oh, doch, einer war an das Lebensmittelgeschäft Ross in Tadminster. Den Letzten weiß ich nicht mehr“ [Schindler, 2015, S.59].
The clumping of hobnailed boots on the gravel outside proclaimed the approach of Manning . John looked questioningly at Poirot. The latter nodded [Christie, 1920, p.92].	Вскоре за окном послышался скрип гравия под тяжелыми подбитыми гвоздями сапогами. Это был Манинг . Джон взглянул на Пуаро, тот кивнул [пер. Смолянского, 1990, с.30].
	Тяжелая поступь подбитых гвоздями башмаков по гравиевой дорожке возвестила о приближении Мэннинга . Джон вопросительно глянул на Пуаро. Последний кивнул [пер. Юркан, 2015, с.38].
	Das Geräusch von derben Stiefeln auf dem Kies draußen kündigte die Ankunft von Manning an. John sah Poirot fragend an, der nickte [Schindler, 2015, S.75].
The preliminaries were gone through. The jury viewed the body, and John Cavendish gave evidence of identification [Christie, 1920, p.119].	После предварительных формальностей присяжные осмотрели тело покойной, и Джон Кавендиш официально подтвердил, что это была Эмили Инглторп [пер. Смолянского, 1990, с.39].
	Все формальности уладили заранее. Присяжные уже осмотрели тело, а Джон Кавендиш засвидетельствовал личность умершей [пер. Юркан, 2015, с.49].
	Die Präliminarien wurden erledigt. Die Geschworenen besichtigten die Leiche und John Cavendish identifizierte sie [Schindler, 2015, S.97].
The medical evidence was next taken. There was a breathless hush, and every eye was fixed on the famous London specialist, who was	После этого судья попросил огласить медицинское заключение . В зале воцарилась напряженная тишина, все глаза были устремлены на нашего знаменитого лондонского специалиста, одного из крупнейших экспертов в области токсикологии [пер. Смолянского, 1990, с.40].
	После этого зачитали заключение судебно-медицинской

known to be one of the greatest authorities of the day on the subject of toxicology [Christie, 1920, p.119].	экспертизы. Все затаив дыхание внимали знаменитому лондонскому эксперту, одному из крупнейших современных авторитетов в области токсикологии ... [пер. Юркан, 2015, с.49].
	Als Nächstes kamen die medizinischen Gutachten dran. Es herrschte atemloses Schweigen und alle Augen waren auf den berühmten Londoner Spezialisten gerichtet, der als eine der bedeutendsten Kapazitäten auf dem Gebiet der Toxikologie galt [Schindler, 2015, S.97].
Mrs. Inglethorp always had an extra large amount of medicine made up at a time, as she dealt with Coot's , the Cash Chemists in Tadminster [Christie, 1920, p.123].	У миссис Инглторп имелся, правда, большой запас этой микстуры, она получала ее из аптеки Кута в Тэдминстере [пер. Смолянского, 1990, с.41].
	Миссис Инглторп обычно располагала достаточным запасом лекарств, заказывая их в тэдминстерской аптеке Кута [пер. Юркан, 2015, с.50].
	Mrs. Inglethorp ließ sich von Mr. Coot , dem Apotheker in Tadminster , immer eine besonders große Dosis zubereiten [Schindler, 2015, S.100].
Then came the sensation of the day. The Coroner called Albert Mace , chemist's assistant [Christie, 1920, p.129].	Теперь настала очередь рассказать о подлинной сенсации, случившейся в тот день. Судья вызвал Альберта Мэйса , помощника аптекаря [пер. Смолянского, 1990, с.43].
	Следующее выступление стало сенсацией дня. Коронер вызвал Альберта Мэйса , помощника аптекаря [пер. Юркан, 2015, с.54].
	Dann kam die Sensation des Tages. Der Untersuchungsrichter rief Mr. Mace auf, den Verkäufer in der Apotheke [Schindler, 2015, S.105].
"That is Detective Inspector James Japp of Scotland Yard — Jimmy Japp. The other man is from Scotland Yard too. Things are moving quickly, my friend" [Christie, 1920, p.135].	- Это инспектор Джеймс Джепп из Скотланд Ярда . Его сосед тоже из полиции. Так-то, друг мой, события развиваются стремительно [пер. Смолянского, 1990, с.45].
	– Это Джеймс Джепп, инспектор уголовной полиции из Скотленд-Ярда . Джимми Джепп. И его спутник тоже из Скотленд-Ярда ... Да, друг мой, события развиваются стремительно [пер. Юркан, 2015, с.56].
	«Das ist Kriminalinspektor James Japp von Scotland Yard Jimmy Japp. Der andere ist auch von Scotland Yard . Die Dinge geraten in Bewegung, mein Freund» [Schindler, 2015, S.110].
It was in 1904 he and I worked together—the Abercrombie forgery case—you remember, he was run down in Brussels . Ah, those were great days, moosier. Then, do you remember ' Baron ' Altara ? There was a pretty rogue for you! He eluded the clutches of half the police in Europe . But we nailed	В 1904 году мы работали вместе в Брюсселе , там был арестован знаменитый фальшивомонетчик Аберкромби . Да, мсье, славное было время! А помните дело Альтара ? Вот это был пройдоха! Половина европейской полиции гонялась за ним, и все без результата. В конце концов мы его схватили в Антверпене , и то лишь благодаря усилиям мсье Пуаро [пер. Смолянского, 1990, с.46].
	Мы работали вместе с ним по делу о фальшивках сбежавшего в Брюссель Аберкромби ... Ах, славные были времена, мусье! А вы помните « Барона » Альтара ? Тот шельмец оказался крепким орешком! Как он ловко водил за нос полицию половины европейских стран... Но мы сцапали его в Антверпене благодаря вам, мистер Пуаро [пер. Юркан, 2015, с.57].

him in Antwerp — thanks to Mr. Poirot here" [Christie, 1920, p.136].	„...Wir haben 1904 zusammengearbeitet – der Falschmünzerskandal bercrombie. Sie erinnern sich, er wurde in Brüssel gefasst. Ach, das waren wunderbare Zeiten, Mussjöh! Erinnern Sie sich noch an den «Baron» Altara ? Das war vielleicht ein Gauner! Die halbe Polizei Europas war ihm auf den Fersen, doch er entkam immer wieder. Aber wir erwischten ihn dann in Amsterdam – dank Mr. Poirot hier“ [Schindler, 2015, S.111].
As these friendly reminiscences were being indulged in, I drew nearer, and was introduced to Detective-Inspector Japp , who, in his turn, introduced us both to his companion, Superintendent Summerhaye [Christie, 1920, p.136].	...Я тем временем подошел ближе, и Пуаро представил меня мистеру Джеппу , который, в свою очередь, познакомил нас со своим спутником, лейтенантом Саммерхэем [пер. Смолянского, 1990, с.46].
	Пока они увлеченно обменивались общими воспоминаниями, я успел подойти поближе, и меня представили инспектору уголовной полиции Джеппу , который, в свой черед, представил нас обоим своему спутнику, старшему инспектору Саммерхэю [пер. Юркан, 2015, с.57].
	Während sie in Erinnerungen schwelgten, kam ich hinzu und wurde Inspektor Japp vorgestellt, der uns dann seinerseits seinem Kollegen Summerhaye vorstellte [Schindler, 2015, S.111].
A great chest , full of old clothes and fancy dresses , and what not [Christie, 1920, p.166].	Он на чердаке стоит, большой такой сундук со всяким барахлом [пер. Смолянского, 1990, с.56].
	Здоровенный сундук , полный старинных платьев и маскарадных костюмов , чего там только нет [пер. Юркан, 2015, с.69].
	Eine große Truhe voll mit alten Kleidern und Kostümen und allem möglichen Kram [Schindler, 2015, S.134].
The trial of John Cavendish for the murder of his stepmother took place two months later [Christie, 1920, p.220].	Предварительное судебное разбирательство состоялось через два месяца [пер. Смолянского, 1990, с.74].
	Судебный процесс над Джоном Кавендишем, обвиняемым в убийстве приемной матери, состоялся через два месяца [пер. Юркан, 2015, с.90].
	Der Prozess gegen John Cavendish fand zwei Monate später statt. Die Anklage lautete auf Mord an seiner Stiefmutter [Schindler, 2015, S.177].
September found us all in London. Mary took a house in Kensington , Poirot being included in the family party. I myself had been given a job at the War Office , so was able to see them continually [Christie, 1920, p.224].	Сентябрь застал нас в Лондоне. Мэри сняла дом в Кэнсингтоне «Фешенебельный район в центральной части Лондона.», Пуаро тоже поселился поблизости, и я имел возможность часто их видеть, поскольку устроился на работу в том же районе - в министерство обороны [пер. Смолянского, 1990, с.75].
	Сентябрь мы встретили в Лондоне. Мэри сняла дом в Кенсингтоне ³ , Пуаро включили в семейную компанию. Сам я устроился на работу в Военное министерство , поэтому мог видаться с ними практически ежедневно [пер. Юркан, 2015, с.92].
	Im September fanden wir uns alle in London wieder. Mary mietete ein Haus in Kensington und Poirot gehörte mit zur Familie. Ich hatte inzwischen einen Posten beim

³ Фешенебельный район на юго-западе центральной части Лондона.

	Kriegsministerium bekommen und konnte sie so regelmäßig besuchen [Schindler, 2015, S.180].
On September 15th John Cavendish appeared in the dock at the Old Bailey , charged with "The Wilful Murder of Emily Agnes Inglethorp ," and pleaded "Not Guilty." Sir Ernest Heavywether , the famous K. C., had been engaged to defend him. Mr. Philips, K. C., opened the case for the Crown [Christie, 1920, p.224].	15 сентября Джон предстал перед судом в Олд Бейли «Центральный уголовный суд, расположенный на улице Олд Бейли.» по обвинению в "преднамеренном убийстве Эмили Агнес Инглторп " и наотрез отказался признать себя виновным. Его защищал знаменитый адвокат сэр Эрнст Хэвивезер [пер. Смолянского, 1990, с.76].
	Пятнадцатого сентября Джон Кавендиш оказался на скамье подсудимых в Олд-Бейли ⁴ по обвинению в «предумышленном убийстве Эмили-Агнес Инглторп », где заявил о своей невиновности. Для его защиты привлекли знаменитого королевского адвоката, сэра Эрнеста Хэвиуэтера . Версию государственного обвинения представил королевский адвокат мистер Филипс [пер. Юркан, 2015, с.92].
	Am 15. September erschien John Cavendish auf der Anklagebank im Old Bailey und wurde des vorsätzlichen Mordes an seiner Stiefmutter Emily Agnes Inglethorp angeklagt. Er erklärte, er sei «nicht schuldig». Der berühmte Anwalt Sir Ernest Heavyweather verteidigte ihn. Der Staatsanwalt Mr. Philips eröffnete die Verhandlung [Schindler, 2015, S.180].
An assistant from Parkson's, Theatrical Costumiers , testified that on June 29th, they had supplied a black beard to Mr. L. Cavendish, as requested. It was ordered by letter, and a postal order was enclosed. No, they had not kept the letter. All transactions were entered in their books [Christie, 1920, p.230].	Служащий фирмы Парксон подтвердил, что от мистера Лоуренса Кавендиша приходил чек и письмо, в котором он просил выслать ему накладную черную бороду, что и было сделано 29 июня. К сожалению, письмо не сохранилось, но есть соответствующая запись в регистрационном журнале . . . [пер. Смолянского, 1990, с.77].
	Сотрудник фирмы Парксонов «Театральные костюмеры» подтвердил, что согласно заказу отослал двадцать девятого июня пакет с черной бородой мистеру Л. Кавендишу. Заказ поступил в виде письма и оплаченного почтового перевода. Нет, письмо у них не сохранилось, но все операции отражены в бухгалтерских книгах . В соответствии с заказом они отправили бороду по приложенному адресу в Стайлз-корт эсквайру Л. Кавендишу [пер. Юркан, 2015, с.94].
	Ein Angestellter der Firma Parkson, Theaterkostümverleih , bestätigte, dass sie am 29. Juni wie angefordert einen schwarzen Bart an Mr. L. Cavendish geschickt hatten. Er war per Brief angefordert worden und das Geld hatte beigelegt. Nein, den Brief hatten sie nicht aufbewahrt. Alle geschäftlichen Vorgänge wurden in den Büchern festgehalten [Schindler, 2015, S.184-185].

⁴ Центральный уголовный суд в Лондоне; назван по улице, на которой находится.

Приложение Б.

Примеры реалий в романе А.Кристи “Ten Little Niggers”

ИТ	ПТ
In the corner of a first-class smoking carriage, Mr. Justice Wargrave, lately retired from the bench, puffed at a cigar and ran an interested eye through the political news in the Times. He laid the paper down and glanced out of the window. They were running now through Somerset [Christie, 1939, p.3]	В углу курительного вагона первого класса судья Уоргрейв – он недавно вышел в отставку - попыхивал сигарой и просматривал отдел политики в «Таймс». Поезд проезжал через Сомерсет [пер. Беспаловой, 1990, с.183].
	В вагоне первого класса для курящих судья Уоргрейв – недавно в отставке – сидел в уютном уголке и, попыхивая сигарой, с интересом просматривал политические новости в «Таймс». Отложив газету, он посмотрел в окно. Поезд шел через Сомерсет [пер. Екимовой, 2016, с.1].
	In der Ecke eines Raucherabteils erster Klasse saß Richter Wargrave, frisch pensioniert, paffte eine Zigarre und überflog mit aufmerksamem Auge die politischen Nachrichten in der Times. Er ließ die Zeitung sinken und sah aus dem Fenster. Sie fuhren jetzt durch Somerset [Deitmer, 2017, S.7].
12.40 from Paddington . . . meet you at Oakbridge ... and his correspondent signed herself with a flourish his ever Constance Culmington [Christie, 1939, p.3]	12.40. с Паддингтонского вокзала... встречу Вас в Оукбридже... – и подпись с роскошным росчерком, – всегда Ваша Констанция Калмингтон [пер. Беспаловой, 1990, с.184].
	В 12.40 с вокзала Паддингтон... встретимся в Оуксбридже...» И подпись с замысловатыми завитушками: «Констанция Калмингтон» [пер. Екимовой, 2016, с.1].
	von Paddington ... treffe Sie in Oakbridge«, und die Briefschreiberin hatte schwungvoll unterschrieben mit einem „Stets Ihre Constance Culmington“ [Deitmer, 2017, S.8].
She had then been going to Italy to bask in the sun and be at one with Nature and the contaditd-проверить. Later, he had heard, she had proceeded to Syria where she proposed to bask in yet stronger sun and live at one with Nature and the bedouin [Christie, 1939, p.3]	Тогда она уехала в Италию греться на солнышке, общаться с природой и с "contadini"-крестьяне! Он слышал, что вслед за этим она перебралась в Сирию, где собиралась греться под еще более жарким солнцем и общаться с природой и бедуинами [пер. Беспаловой, 1990, с.184].
	Помнится, она еще собиралась в Италию, к тамошнему солнцу, природе и контадини^[1]. Позже, он слышал, она перебралась в Сирию, где солнце палит неумолимо, а кругом пустыня и бедуины [пер. Екимовой, 2016, с.1].
	Sie war damals nach Italien gefahren, um in der Sonne zu baden und eins zu werden mit der Natur und den <i>contadini</i>. Danach war sie nach Syrien weitergezogen, wie er gehört hatte, wo sie plante, in einer noch heißeren Sonne zu baden und im Einklang mit der Natur und den Beduinen zu leben [Deitmer, 2017, S.8].
I have received your name from the Skilled	Мне Вас рекомендовало агентство «Умелые женщины». Насколько я понимаю, они Вас хорошо знают. Назовите,

Women's Agency together with their recommendation. I understand they know you personally. I shall be glad to pay you the salary you ask and shall expect you to take up your duties on August 8th. The train is the 12.40 from Paddington and you will be met at Oakbridge station. I enclose five pound notes for expenses. Yours truly, Una Nancy Owen [Christie, 1939, p.3]	какое жалование Вы хотите получить, я заранее на все согласна. Я ожидаю, что Вы приступите к своим обязанностям 8-го августа. Поезд отправляется в 12.40 с Паддингтонского вокзала, Вас встретят на станции Оукбридж. Прилагаю пять фунтов на расходы. Искренне Ваша Анна Нэнси Оним [пер. Беспаловой, 1990, с.184]. Сведения о вас вместе с рекомендациями я получила из Агентства по найму квалифицированного женского персонала. Насколько я поняла, они знают вас лично. Рада предложить вам работу за те деньги, которые вы просите, и ожидаю, что вы приступите к выполнению своих обязанностей восьмого августа. Поезд уходит с Паддингтона в 12.40, на станции Оуксбридж вас встретят. На расходы прилагаю пять купюр по одному фунту стерлингов. Ваша Анна Нэнси Оуэн [пер. Екимовой, 2016, с.1]. Ihr Name wurde mir von der „Agentur für weibliche Spitzenkräfte“ genannt, und Sie wurden mir empfohlen. Ich gehe davon aus, dass Sie dort persönlich bekannt sind, und bin bereit, das von Ihnen geforderte Gehalt zu zahlen. Ich würde Sie bitten, am 8. August ihren Dienst anzutreten. Der Zug fährt um 12.40 ab Paddington, und man wird Sie am Bahnhof Oakbridge erwarten. Beiliegend finden Sie fünf Pfundnoten für Ihre Auslagen. Mit freundlichem Gruß Una Nancy Owen [Deitmer, 2017, S.9].
I am empowered to hand you one hundred guineas in return for which you will travel to Sticklehaven, Devon [Christie, 1939, p.6]	Мне поручили передать вам сто гиней – взамен вы должны приехать в Стиклхэвн, тот, что в Девоне [пер. Беспаловой, 1990, с.186]. Я уполномочен вручить вам сто гиней, в обмен на которые вы должны будете поехать в Стиклхэвн, что в Девоне [пер. Екимовой, 2016, с.2]. Ich bin bevollmächtigt, Ihnen hundert Guineas auszusahlen. Als Gegenleistung werden Sie nach Sticklehaven in Devon reisen [Deitmer, 2017, S.11]
Dear Miss Brent, I do hope you remember me? We were together at Bellhaven Guest House in August some years ago, and we seemed to have so much in common. The signature was rather difficult to read. Emily Brent thought impatiently: "So many people write their signatures quite illegibly." [Christie, 1939, p.6]	Дорогая мисс Брент, надеюсь. Вы меня еще помните? Несколько лет тому назад в августе мы жили в Беллхевнском пансионе, и, как мне казалось, у нас было много общего... Подпись удивительно неразборчивая. Теперь все подписываются так небрежно, возмущалась Эмили Брент [пер. Беспаловой, 1990, с.187]. Дорогая мисс Брент, Надеюсь, Вы меня не забыли? Мы познакомились несколько лет тому назад, в августе, в пансионе Беллхэвн, и у нас с Вами оказалось немало общего... Подпись такая неразборчивая... Эмили Брент с раздражением подумала: «Люди сейчас подписываются совершенно непонятно» [пер. Екимовой, 2016, с.2]. Liebe Miss Brent, Sie erinnern sich hoffentlich noch an mich? Wir waren vor ein paar Jahren im August zusammen im Belhaven Guest House, und wir haben uns so gut verstanden... Wie war der Name? Die Unterschrift war ziemlich schwer zu lesen. „So viele Leute unterschreiben völlig unleserlich“, dachte

	Emily Brent gereizt [Deitmer, 2017, S.13].
He hadn't got it clear who this fellow Owen was. A friend of Spoof Leggard's , apparently- and of Johnny Dyer's . [Christie, 1939, p.7]	Он так и не понял, кто же он все-таки, этот Оним , по-видимому, приятель Пройды Леггарда и Джонни Дайера [пер. Беспаловой, 1990, с.188].
	Он так толком и не понял, кто такой этот Оуэн . Знакомый Надувалы Леггарда вроде – и Джонни Дайера тоже [пер. Екимовой, 2016, с.2].
	Er hatte keine Ahnung, wer dieser Owen war, ein Freund von Spoof Leggard wahrscheinlich – und von Johnnie Dyer [Deitmer, 2017, S.14].
This Nigger Island, now, he'd be interested to see it. A lot of gossip flying about. Looked as though there might be something in the rumour that the Admiralty or the War Office or the Air Force had got hold of it . . . [Christie, 1939, p.10]	Интересно посмотреть, какой он, этот Негритянский остров. О нем ходит столько сплетен. Похоже, слухи о том, что его купило Адмиралтейство , Военное министерство или Военно-воздушные силы , не так уж далеки от истины... [пер. Беспаловой, 1990, с.188].
	А на Негритянский остров взглянуть будет интересно. О нем столько болтают... И, похоже, что в слухах о том, будто его купило то ли адмиралтейство , то ли военное министерство , то ли военно-воздушное ведомство , что-то есть... [пер. Екимовой, 2016, с.2].
	Er war auf jeden Fall gespannt auf Nigger Island. Was man da so alles hörte, jede Menge Klatschgeschichten. Sah ganz so aus, als wär was dran an dem Gerücht, dass die Flotte oder das Kriegsministerium oder die Luftwaffe es sich unter den Nagel gerissen hatte ... [Deitmer, 2017, S.14].
Dr. Armstrong was driving his Morris across Salisbury Plain. He was very tired. . . . Success had its penalties. There had been a time when he had sat in his consulting room in Harley Street , correctly apparelled, surrounded with the most up-to-date appliances and the most luxurious furnishings and waited-waited through the empty days for his venture to succeed or fail . . . [Christie, 1939, p.12]	Доктор Армстронг вел свой « моррис » по Солсберийской равнине. Он совсем вымотался... В успехе есть и своя обратная сторона. Прошли те времена, когда он сидел в своем роскошном кабинете на Харли-стрит в безупречном костюме, среди самой что ни на есть современной аппаратуры и ждал, ждал дни напролет, не зная, что впереди – успех или провал... [пер. Беспаловой, 1990, с.189].
	Доктор Армстронг вел свой « Моррис » по Солсберийской равнине. Он очень устал... Успех имеет и обратную сторону. Было время, когда он сидел в своем кабинете на Харли-стрит ^[2] в безукоризненном костюме, в окружении самых современных приборов и самой роскошной мебели и ждал – ждал, когда пустые дни закончатся, и у него либо появится шанс, либо его постигнет поражение... [пер. Екимовой, 2016, с.3].
	Dr. Armstrong steuerte seinen Morris durch die Ebene von Salisbury . Er war sehr müde. Der Erfolg forderte seinen Tribut. Es hatte eine Zeit gegeben, wo er in seinem Sprechzimmer in der Harley Street gesessen hatte, korrekt angezogen, umgeben von den modernsten Geräten und den luxuriösesten Möbeln, und gewartet hatte - lange leere Tage gewartet, ob er mit seiner Praxis Erfolg haben oder scheitern würde ... Der junge Elmer Robson, der amerikanische Millionär, hatte das Haus gebaut [Deitmer, 2017, S.15].
And so, on this August morning, he was glad that he was leaving	Вот почему этим августовским утром он радовался, что покидает Лондон и уезжает на несколько дней на остров у берегов Девона [пер. Беспаловой, 1990, с.189].

London and going to be for some days on an island off the Devon coast [Christie, 1939, p.12]	Вот почему в это августовское утро он был рад покинуть Лондон и провести несколько дней на острове у девуонширского побережья [пер. Екимовой, 2016, с.3].
	Und deshalb war er an diesem Augustmorgen froh, London zu verlassen und für ein paar Tage auf eine Insel vor der Küste Devons zu fahren [Deitmer, 2017, S.15].
Badger was rather good at nosing people like that out [Christie, 1939, p.14]	У Рыжика нюх на таких людей [пер. Беспаловой, 1990, с.190].
	У Бэджера на таких нюх [пер. Екимовой, 2016, с.3].
	Biber hatten einen guten Riecher für solche Leute [Deitmer, 2017, S.17].
Her own secretary was suddenly taken ill and she wired to an agency for a substitute and they sent me" [Christie, 1939, p.14].	Секретарь миссис Оним внезапно заболела, она послала телеграмму в агентство с просьбой прислать кого-нибудь взамен – и они рекомендовали меня. [пер. Беспаловой, 1990, с.194]
	Ее секретарша внезапно заболела, она отправила телеграмму в агентство , прося замену, агентство выбрало меня. [пер. Екимовой, 2016, с.4].
	“... Ihre Sekretärin ist plötzlich erkrankt, und da hat sie ein Telegramm an eine Agentur geschickt, um Ersatz zu finden - und die haben mich geschickt” [Deitmer, 2017, S.22]
Mr. Blore was in the slow train from Plymouth [Christie, 1939, p.15].	Мистер Блор ехал поездом с замедленной скоростью из Плимута. [пер. Беспаловой, 1990, с.191]
	Мистер Блор ехал медленным поездом из Плимута [пер. Екимовой, 2016, с.3].
	Mr. Blore saß in einem Bummelzug aus Plymouth. [Deitmer, 2017, S.18]
Fortunately there were all sorts and types of Colonials. None of these people have anything to do with South Africa , and I've just been reading that travel folder so I can talk about it all right" [Christie, 1939, p.16]	К счастью, жители колоний занимаются чем угодно. Так что я вполне могу сойти за дельца из Южной Африки [пер. Беспаловой, 1990, с.191]
	К счастью, в колониях попадают разные люди. Мистер Блор полагал, что в роли южноафриканца со средствами он не вызовет подозрения ни в каком обществе [пер. Екимовой, 2016, с.3].
	Was für ein Glück, dass es in den Kolonien alle möglichen Typen und Arten von Menschen gab. Als vermögender Herr aus Südafrika würde er in jeder Gesellschaft willkommen sein, sagte sich Mr. Blore [Deitmer, 2017, S.18]
"I have been to Cornwall and to Torquay , but this is my first visit to this part of Devon" [Christie, 1939, p.18]	– Я бывала в Корнуолле и в Торки , но в этой части Девона я впервые [пер. Беспаловой, 1990, с.194].
	– Я бывала в Корнуолле и в Торки , но в этой части Девона впервые. [пер. Екимовой, 2016, с.7].
	– Ich bin schon in Cornwall gewesen und in Torquay , aber dies ist mein erster Besuch in Devon [Deitmer, 2017, S.21]
General Macarthur said: "Don't know this part of Devon at all. My little place is in East Devon just on the border-line of Dorset "	Генерал Макартур сказал: «Я совсем не знаю этих мест. У меня домик в Восточном Девоне , на границе с Дорсетом » [пер. Беспаловой, 1990, с.195].
	Генерал Макартур произнес: – Я совсем не знаю этой части Девона . У меня самого небольшой дом в этом графстве, но на востоке, почти на

[Christie, 1939, p.21]	границе с Дорсетом [пер. Екимовой, 2016, с.4]. “Diesen Teil von Devon kenne ich nicht”, sagte General Macarthur. “Ich komme aus Ost-Devon – direkt an der Grenze zu Dorset” [Deitmer, 2017, S.23]
"Thought we might as well wait for you," he said. "Make one trip of it. Allow me to introduce myself. Name's Davis. Natal, South Africa's, my natal spot, ha, ha!" He laughed breezily [Christie, 1939, p.22].	Мы решили, что лучше будет вас подождать, – сказал он, – и уехать всем разом. Меня зовут Дейвис. Родом из Наталя, прошу не путать с Трансвалем. Ха-ха-ха, – закатился он смехом [пер. Беспаловой, 1990, с.196]. – Мы тут решили вас подождать, – сказал он. – Чтобы не гонять лодку дважды. Позвольте представиться. Мое имя Дэвис. Наталь, в Южной Африке, – моя родина, ха, ха! И он сердечно засмеялся [пер. Екимовой, 2016, с.14]. Dachte, wir könnten auf Sie warten«, sagte er. »Und einen gemeinsamen Törn draus machen. Erlauben Sie mir, mich vorzustellen. Ich heiße Davis. Aus Natal, Südafrika, ha, ha! [Deitmer, 2017, S.24].
Outside a little inn, the Seven Stars, three people were sitting. There was the hunched elderly figure of the judge, the upright form of Miss Brent, and a third man – a big bluff man who came forward and introduced himself [Christie, 1939, p.22].	У гостиницы «Семь звезд» их поджидала группа людей. Согбенный старик судья, прямая как палка мисс Эмили Брент и крупный, грубоватый с виду мужчина – он выступил вперед и представился [пер. Беспаловой, 1990, с.196]. У маленькой гостиницы под названием «Семь звезд» сидели трое. Она издали разглядела сутулые плечи судьи, прямую спину мисс Брент и еще кого-то третьего – высокого корпулентного мужчину, который подошел к автомобилю и представился [пер. Екимовой, 2016, с.14]. Vor einem kleinen Pub, den Seven Stars, saßen drei Menschen. Neben der gebeugten, ältlichen Gestalt des Richters saß steif und aufrecht Miss Brent. Der Dritte – ein großer, bulliger Mann – erhob sich und trat nach vorn [Deitmer, 2017, S.24].
Nigger Island! Why, there had been nothing else in the papers lately! All sorts of hints and interesting rumours [Christie, 1939, p.5]	Негритянский остров! В последнее время газеты только о нем и писали! Репортеры рассыпали многозначительные намеки, сообщали занятные сплетни и слухи [пер. Беспаловой, 1990, с.184]. Негритянский остров! В газетах в последнее время только о нем и пишут. И все слухи и домыслы... [пер. Екимовой, 2016, с.4]. Nigger Island! Die Zeitungen hatten in der letzten Zeit von nichts anderem berichtet. Alle möglichen Vermutungen und interessanten Gerüchte [Deitmer, 2017, S.9].
Not at all like Mr. Elmer Robson's parties. A faint grin came to Fred Narracott's lips as he remembered the millionaire's guests. That had been a party if you like – and the drink they'd got through! [Christie, 1939, p.24].	Вот у мистера Элмера Робсона были гости так гости. – Фред Нарракотт ухмыльнулся. Да уж те веселились – аж чертям тошно, а как пили! [пер. Беспаловой, 1990, с.197] А эти совсем не то, что гости мистера Элмера Робсона. Легкая улыбка тронула губы Фреда Нарракотта, стоило ему вспомнить приятелей миллионера. Вот у того были вечеринки, так вечеринки – а уж пили сколько! [пер. Екимовой, 2016, с.15] So ganz anders als die Leute bei Elmer Robsons Partys. Ein leichtes Grinsen legte sich auf seine Lippen, als er sich an die Gäste des Millionärs erinnerte. Das war vielleicht eine Truppe gewesen – und der Alkohol, den die vernichtet hatten! [Deitmer,

	2017, S.26]
The boat churned its way round the rock. Now at last the house came into view... An exciting house-a house that lived up to expectation! [Christie, 1939, p.26]	Лодка, вспенившая воду, обогнула скалу. И тут они увидели дом... Красивый дом – дом, во всяком случае, не обманул ничьих ожиданий! [пер. Беспаловой, 1990, с.198]
	Лодка, вспенивая волну, обходила скалы. Наконец показался дом... Великолепный дом, уж он-то оправдывал любые ожидания! [пер. Екимовой, 2016, с.16]
	Das Boot pflügte sich seinen Weg um den Felsen. Jetzt endlich kam das Haus in Sicht... Ein aufregendes Haus – ein Haus, das die Erwartungen noch übertraf [Deitmer, 2017, S.27].
Lombard turned over the pages of Punch that lay with other papers on a table by the wall [Christie, 1939, p.39].	Ломбард взял «Панч», лежавший в кипе журналов на столике у стены, и стал перелистывать его [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Ломбард листал «Панч», вместе с другими журналами лежавший на столике у стены [пер. Екимовой, 2016, с.24].
	Lombard blätterte durch die Seiten des Punch, der zusammen mit anderen Zeitungen auf einem Tisch an der Wand lag [Deitmer, 2017, S.40].
Edward George Armstrong, that you did upon the 14th day of March, 1925, cause the death of Louisa Mary Clees [Christie, 1939, p.39].	Эдуард Джордж Армстронг, вы ответственные за смерть Луизы Мэри Клине, последовавшую 14 марта 1925 года [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Эдвард Джордж Армстронг, 14 марта 1925 года вы стали причиной смерти Луизы Мэри Клиз [пер. Екимовой, 2016, с.24].
	Edward George Armstrong, Sie haben am 14. März 1925 den Tod von Louisa Mary Clees verursacht [Deitmer, 2017, S.40].
Emily Caroline Brent, that upon the 5th November, 1931, you were responsible for the death of Beatrice Taylor [Christie, 1939, p.39].	Эмили Каролина Брент, вы виновны в смерти Беатрисы Тейлор, последовавшей 5 ноября 1931 года [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Эмили Каролина Брент, вы ответственные за смерть Беатрис Тейлор, имевшую место 5 ноября 1931 года [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Emily Caroline Brent, Sie waren am 5. November 1931 verantwortlich für den Tod von Beatrice Taylor [Deitmer, 2017, S.40].
William Henry Blore, that you brought about the death of James Stephen Landor on October 10th, 1928 [Christie, 1939, p.39].	Уильям Генри Блор, вы были причиной смерти Джеймса Стивена Ландора, последовавшей 10 октября 1928 года [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Уильям Генри Блор, 10 октября 1928 года вы совершили действие, приведшее к кончине Джеймса Стивена Ландора [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	William Henry Blore, Sie haben am 10. Oktober 1928 den Tod von James Stephen Landor verursacht [Deitmer, 2017, S.40].
Vera Elizabeth Claythorne, that on the 11th day of August, 1935, you killed Cyril Ogilvie Hamilton	Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хамилтона [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хэмилтона [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Vera Elizabeth Claythorne, Sie töteten am 11. August 1935

[Christie, 1939, p.39].	Cyril Ogilvie Hamilton [Deitmer, 2017, S.40].
Philip Lombard , that upon a date in February, 1932, you were guilty of the death of twenty-one men, members of an East African tribe [Christie, 1939, p.39].	Филипп Ломбард , вы в феврале 1932 года обрекли на смерть 20 человек из восточно-африканского племени [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Филипп Ломбард , вы виновны в гибели двадцати одного человека из некоего восточно-африканского племени, имевшей место в феврале 1932 года [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Philip Lombard . Sie waren an einem Tag im Februar 1932 schuldig am Tod von einundzwanzig Männern, Mitgliedern eines ostafrikanischen Stammes [Deitmer, 2017, S.41].
John Gordon Macarthur , that on the 4th of January, 1917, you deliberately sent your wife's lover, Arthur Richmond , to his death [Christie, 1939, p.39].	Джон Гордон Макартур , вы 4 февраля 1917 года намеренно послали на смерть любовника вашей жены Артура Ричмонда [пер. Беспаловой, 1990, с.208].
	Джон Гордон Макартур , вы обвиняетесь в том, что 4 января 1917 года намеренно послали на смерть Артура Ричмонда , любовника вашей жены [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	John Gordon Macarthur , Sie schickten am 14. Januar 1917 absichtlich Arthur Richmond , den Geliebten Ihrer Frau, in den Tod [Deitmer, 2017, S.41].
Anthony James Marston , that upon the 14th day of November last, you were guilty of the murder of John and Lucy Combes [Christie, 1939, p.40].	Антони Джеймс Марстон , вы убили Джона и Лоси Комбс 14 ноября прошлого года [пер. Беспаловой, 1990, с.208].
	Энтони Джеймс Марстон , 14 ноября прошлого года вы убили Джона и Люси Комбз [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Anthony James Marston , Sie begingen am 14. November letzten Jahres den Mord an John und Lucy Combes [Deitmer, 2017, S.41].
Thomas Rogers and Ethel Rogers , that on the 6th of May, 1929, you brought about the death of Jennifer Brady [Christie, 1939, p.40].	Томас Роджерс и Этель Роджерс , 6 мая 1929 года вы обрекли на смерть Дженнифер Брейди [пер. Беспаловой, 1990, с.208].
	Томас Роджерс и Этель Роджерс , 6 мая 1929 года вы способствовали смерти Дженнифер Брейди [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Thomas Rogers und Ethel Rogers , Sie verursachten am 6. Mai 1929 den Tod von Jennifer Brady [Deitmer, 2017, S.41].
Lawrence John Wargrave , that upon the 10th day of June, 1930, you were guilty of the murder of Edward Seton [Christie, 1939, p.40].	Лоренс Джон Уоргрейв , вы виновник смерти Эдуарда Ситона , последовавшей 10 июня 1930 года [пер. Беспаловой, 1990, с.208].
	Лоуренс Джон Уоргрейв , 10 июня 1930 года вы убили Эдварда Ситона [пер. Екимовой, 2016, с.25].
	Lawrence John Wargrave , Sie waren am 10. Juni 1930 schuldig des Mordes an Edward Seton [Deitmer, 2017, S.41].
Suddenly, in spite of the heat in the carriage she shivered and wished she wasn't going to the sea [Christie, 1939, p.6].	Несмотря на жару, по коже у нее пошли мурашки, она пожалела, что едет к морю [пер. Беспаловой, 1990, с.185].
	Вдруг, несмотря на духоту в вагоне, она почувствовала, что зябнет, и даже пожалела, что едет к морю [пер. Екимовой, 2016, с.4].
	Plötzlich fröstelte sie, trotz der Hitze im Abteil, und sie wünschte, sie würde nicht ans Meer fahren [Deitmer, 2017, S.10].
"You ought to try Armstrong -quite a	Вам надо обратиться к Армстронгу , он хотя и молодой, но такой знающий: возьмите Пэм , у кого только она не лечилась

young man-but so clever- Pam had been to all sorts of people for years and he put his finger on the trouble at once!" [Christie, 1939, p.12].	– годами, я вам говорю, годами, а Армстронг только взглянул – и понял, что с ней [пер. Беспаловой, 1990, с.189].
	«Попробуйте обратиться к Армстронгу ... он совсем молодой... но уже такой опытный... Пэм годами ходила от одного врача к другому, и бесполезно, а он с первого раза поставил точный диагноз!» [пер. Екимовой, 2016, с.8].
	„Du solltest mal zu Armstrong gehen - ein ganz junger Mann - aber so tüchtig - Pam ist jahrelang zu allen möglichen Ärzten gerannt, und er hat mit einem Blick gesehen, woran es lag!“ [Deitmer, 2017, S.15].
Outside Oakbridge station a little group of people stood in momentary uncertainty. Behind them stood porters with suitcases [Christie, 1939, p.17].	Перед зданием Оукбриджской станции в нерешительности сгрудилась кучка пассажиров . За ними выстроились носильщики с чемоданами [пер. Беспаловой, 1990, с.193].
	Четыре человека стояли у здания вокзала в Оуксбридже , не зная, куда им идти. Возле каждого с чемоданами в руках ждали носильщики [пер. Екимовой, 2016, с.10].
	Vor dem Bahnhof von Oakbridge stand eine kleine Gruppe von Menschen unschlüssig herum, hinter ihnen Gepäckträger mit Koffern [Deitmer, 2017, S.20].
A very distinguished old gentleman, she thought to herself. Quite unlike the usual type of man in seaside guest houses. Evidently Mrs. or Miss Oliver had good connections. . . [Christie, 1939, p.18].	В высшей степени достойный старый джентльмен, думала она. В приморских пансионатах таких обычно не встретишь. По-видимому, у этой миссис или мисс Онъон прекрасные связи... [пер. Беспаловой, 1990, с.193]
	«В высшей степени почтенный пожилой джентльмен, – подумала она про себя. – В приморском пансионе таких, как он, нечасто встретишь. Видимо, эти Оуэны и впрямь люди со связями...» [пер. Екимовой, 2016, с.11].
	Ein vornehmer älterer Herr, dachte sie. Ganz anders als der Typ Mann, den man sonst in Pensionen an der See traf. Anscheidenend hatte Mrs oder Miss Oliver gute Verbindungen [Deitmer, 2017, S.21].
That fellow Lombard now, he was a queer chap. Not straight. He'd swear the man wasn't straight [Christie, 1939, p.35].	А этот Ломбард подозрительный тип. Проходимец какой-то. Ей-ей, проходимец [пер. Беспаловой, 1990, с.204].
	Подозрительный тип этот Ломбард. Наверняка мошенник. Генерал готов был поклясться в этом [пер. Екимовой, 2016, с.22].
	Dieser Lombard war ein verdammt seltsamer Bursche. Der war nicht echt. Er könnte schwören, dass der Mann nicht ganz echt war [Deitmer, 2017, S.37].
Rogers went round with the coffee tray . The coffee was goodreally black and very hot. The whole party had dined well. They were satisfied with themselves and with life [Christie, 1939, p.39].	Роджерс обносил гостей кофе . Кофе , крепкий, горячий, был очень хорош. После отличного обеда гости были довольны жизнью и собой [пер. Беспаловой, 1990, с.207].
	Роджерс обнес всех кофе . Кофе был отличный – по-настоящему черный и очень горячий. Гости славно пообедали и теперь были вполне довольны собой и жизнью [пер. Екимовой, 2016, с.22].
	Rogers machte mit seinem Kaffeetablett die Runde. Der Kaffee war gut – wirklich schwarz und sehr heiß. Die ganze Gruppe hatte gut gegessen. Sie waren mit sich und dem Leben zufrieden [Deitmer, 2017, S.40].

Dr. Armstrong said sharply: "Where's that brandy?" Rogers had put it down on a little table. Some one handed it to the doctor and he bent over the gasping woman with it [Christie, 1939, p.43].	– Где же, наконец, коньяк? – раздраженно спросил доктор Армстронг. Роджерс поставил стакан на маленький столик. Стакан передали доктору, он поднес его задыхающейся миссис Роджерс [пер. Беспаловой, 1990, с.210].
	Доктор Армстронг резко произнес: – Где бренди? Стакан стоял на маленьком столике. Кто-то передал его доктору, тот поднес его к губам женщины [пер. Екимовой, 2016, с.28].
	„Wo ist der Brandy?“ fragte Dr. Armstrong scharf. Rogers hatte ihn auf einen kleinen Tisch gestellt. Jemand reichte ihn dem Arzt, und er beugte sich damit über die keuchende Frau [Deitmer, 2017, S.44].
General Macarthur had a stiff whiskey and so did the judge. Every one felt the need of a stimulant. Only Emily Brent demanded and obtained a glass of water [Christie, 1939, p.46].	Генерал Макартур и судья пили неразбавленное виски. Всем хотелось взбодриться. Одна Эмили Брент попросила принести ей стакан воды [пер. Беспаловой, 1990, с.212].
	Генерал Макартур выбрал чистый виски, также и судья. Всем хотелось взбодриться. Лишь Эмили Брент потребовала и получила стакан воды [пер. Екимовой, 2016, с.29].
	General Macarthur nahm einen steifen Whisky und der Richter auch. Jeder hatte das Bedürfnis nach etwas Alkoholischem. Nur Emily Brent verlangte und bekam ein Glas Wasser [Deitmer, 2017, S.46].
“We’ve only been here just under a week, sir, my wife and I. We were engaged by letter, through an agency. The Regina Agency in Plymouth” [Christie, 1939, p.47].	– Мы с женой здесь всего неделю. Нас наняли через агентство. Агентство «Регина» в Плимуте прислало нам письмо [пер. Беспаловой, 1990, с.212].
	– Мы здесь всего неделю, сэр, я и моя жена. Нас наняли письмом, через агентство. «Регина», в Плимуте [пер. Екимовой, 2016, с.30].
	Wir sind erst eine knappe Woche hier, Sir, meine Frau und ich. Wir wurden per Brief gebucht, über eine Agentur. Die Regina-Agentur in Plymouth [Deitmer, 2017, S.47].
"H'm," he said. "Headed Ritz Hotel and typewritten" [Christie, 1939, p.47].	– Хм, – сказал судья, – отправлено из «Ритца» и напечатано на машинке [пер. Беспаловой, 1990, с.213].
	– Х-м, – сказал он. – Бумага отеля «Ритц», напечатано на машинке [пер. Екимовой, 2016, с.30].
	„Hm“, murmelte er. „Briefkopf Hotel Ritz und mit der Maschine geschrieben“ [Deitmer, 2017, S.47].
He murmured: "Coronation machine. Quite new-no defects. Ensign paper-the most widely used make. You won't get anything out of that. Might be fingerprints, but I doubt it" [Christie, 1939, p.48].	Пишущая машинка «Коронейшн», – пробурчал он. – Новехонькая – никаких дефектов. Бумага обыкновенная, на такой пишут все. Письмо нам ничего не дает. Вряд ли на нем есть отпечатки пальцев [пер. Беспаловой, 1990, с.213].
	– Машинка «Коронейшн». Новая – без дефектов. Бумага гербовая, самого распространенного сорта. Из этого ничего не вытащишь. Могут быть отпечатки пальцев, но вряд ли [пер. Екимовой, 2016, с.30].
	„Schreibmaschine Marke Coronation. Ziemlich neu – keine defekten Buchstaben“, murmelte er. „Papier mit Wasserzeichen - die meistverbreitete Sorte. Damit werden Sie nichts anfangen können. Höchstens Fingerabdrücke, aber das bezweifle ich“ [Deitmer, 2017, S.48].

Anthony said: "Got a wire. From a pal of mine. Badger Berkeley. Surprised me at the time because I had an idea the old horse had gone to Norway. Told me to roll up here" [Christie, 1939, p.49].	– Получил телеграмму от приятеля, – сказал Антони, – Рыжика Беркли. Очень удивился – думал, он в Норвегии. Он просил приехать побыстрее сюда [пер. Беспаловой, 1990, с.214]. – Получил телеграмму, – отозвался Энтони. – От приятеля. Баджера Беркли. Удивился – я думал, что старик в Норвегии... Он и пригласил меня сюда [пер. Екимовой, 2016, с.31]. „Bekam ein Telegramm“, erzählte Anthony. „Von einem Kumpel. Biber Berkeley. Wunderte mich die ganze Zeit, weil ich dachte, der alte Geier wär nach Norwegen gegangen. Stand drin, ich sollte hier auflaufen“ [Deitmer, 2017, S.49].
Blore flung back his head and set his square jaw. "You gentlemen have got me wrong," he said. "I've got my credentials and you can see them. I'm an ex-C.I.D. man. I run a detective agency in Plymouth. I was put on this job" [Christie, 1939, p.51].	Блор откинул голову, упрямо выдвинул тяжелую челюсть. – Вы ошиблись адресом, господа, – сказал он, – у меня есть с собой удостоверение личности – вот оно. Я – бывший чиновник отдела по расследованию уголовных дел Скотленд-Ярда. Теперь я руковожу сыскным агентством в Плимуте. Сюда меня пригласили по делу [пер. Беспаловой, 1990, с.215]. Блор вскинул голову и выпятил квадратную челюсть. – Вы, джентльмены, все неправильно поняли, – сказал он. – У меня есть документы, вы можете на них взглянуть. Я служил в уголовном розыске, раньше. Теперь у меня свое детективное агентство в Плимуте. Меня наняли сюда на работу [пер. Екимовой, 2016, с.31]. Blore warf den Kopf zurück und zeigte sein viereckiges Kinn. „Gentlemen, Sie haben einen falschen Eindruck von mir, verteidigte er sich. Ich habe Leumundszeugnisse, und die können Sie sehen. Ich bin ehemaliger Kriminalbeamter und betreibe in Plymouth eine Detektivagentur. Auf den Job hier wurde ich angesetzt“ [Deitmer, 2017, S.51].
The judge nodded gently. He said: "Oh, yes. I've no doubt in my own mind that we have been invited here by a madman-probably a dangerous homicidal lunatic" [Christie, 1939, p.52].	Судья согласно кивнул головой. – Вы правы, – сказал он. – Я нисколько не сомневаюсь, что нас пригласил на остров человек безумный. И скорее всего, опасный маньяк [пер. Беспаловой, 1990, с.216]. Судья жалостливо кивнул и произнес: – О, да. У меня нет никаких сомнений, что нас всех пригласил сюда опасный безумец, возможно, маньяк-убийца! [пер. Екимовой, 2016, с.33]. Der Richter nickte sanft. „Oh, ja stimmte er zu. Ich habe keinerlei Zweifel, dass wir von einem Verrückten hierher eingeladen worden sind – wahrscheinlich von einem gefährlichen, mörderischen Irren“ [Deitmer, 2017, S.51]
Llewellyn, for the Crown, had bungled it a bit. He had been overvehement, had tried to prove too much [Christie, 1939, p.67].	Государственный обвинитель Ллуэллин не обладал чувством меры. Он выступал крайне неудачно. Пережимал, доказывал то, что не нуждалось в доказательствах [пер. Беспаловой, 1990, с.225]. Льюэллин, прокурор, запорол дело. Он погорячился, слишком многое хотел доказать [пер. Екимовой, 2016, с.42]. Llewellyn, der Staatsanwalt, hatte es so ziemlich vermässelt. Er war zu heftig gewesen, hatte versucht, zu viel zu beweisen

	[Deitmer, 2017, S.65].
But she hadn't found Arthur Richmond dull. They'd got on well together from the beginning. They'd talked of plays and music and pictures together. She'd teased him, made fun of him. And he, Macarthur , had been delighted at the thought that Leslie took quite a motherly interest in the boy [Christie, 1939, p.68].	Артур Ричмонд не казался ей нудным. Он с самого начала пришелся ей по душе. Они могли без конца разговаривать о литературе, музыке, живописи. Она шутила, смеялась с ним, любила поддразнить Артура. И генерал был в восторге от того, что Лесли принимает поистине материнское участие в юноше [пер. Беспаловой, 1990, с.226].
	Но с Артуром Ричмондом Лесли не скучала. С ним она поладила сразу. Они много говорили о театре, о музыке, о картинах. Она дразнила его, насмехалась над ним, разыгрывала ... А он, Макартур , радовался, что она относится к парню по-матерински [пер. Екимовой, 2016, с.43].
	Aber Arthur Richmond hatte sie nicht langweilig gefunden. Von Anfang an waren sie gut miteinander ausgekommen. Sie hatten zusammen über Theaterstücke geredet und über Musik und Filme. Sie hatte ihn aufgezogen, sich über ihn lustig gemacht, ihn auf den Arm genommen. Und er, Macarthur , war entzückt von dem Gedanken gewesen, dass Leslie ein mütterliches Interesse an dem Jungen hatte [Deitmer, 2017, S.66].
Armstrong went over to the washstand . There were a certain number of bottles on it. Hair lotion, lavender water, cascara, glycerine of cucumber for the hands, a mouth wash, tooth paste and some Elliman's [Christie, 1939, p.77].	Армстронг подошел к туалетному столику . На нем стояло несколько бутылочек: лосьон для волос, лавандовая вода, слабительное, глицерин, зубная паста, эликсир... [пер. Беспаловой, 1990, с.232].
	Доктор снова подошел к умывальнику . На нем стояли бутылочки. Лосьон, лавандовая вода, каскара, глицерин для рук, ополаскиватель для рта, зубная паста и мазь Эллимана [пер. Екимовой, 2016, с.49].
	Armstrong ging hinüber zum Waschtisch . Eine Reihe von Flaschen stand darauf. Haarlotion, Lavendelwasser, Abführmittel, Gürkenglyzerin für die Hände, ein Mundwasser, Zahnpasta und Wundsalbe [Deitmer, 2017, S.75].
Rogers helped by pulling out the drawers of the dressing-table . From there they moved on to the chest of drawers [Christie, 1939, p.78].	Роджерс усердно ему помогал – выдвигал ящики стола , отпирал шкафы [пер. Беспаловой, 1990, с.232].
	Роджерс помог ему вывернуть ящики туалетного стола . Потом комода [пер. Екимовой, 2016, с.49].
	Rogers half ihm suchen und zog die Schubladen der Frisiertoilette auf [Deitmer, 2017, S.75].
They went in to breakfast. There was a vast dish of eggs and bacon on the sideboard and tea and coffee [Christie, 1939, p.79].	Они вошли в столовую. На буфете аппетитно дымилось огромное блюдо яичницы с беконом, стояли чайник и кофейник [пер. Беспаловой, 1990, с.233].
	Они пошли завтракать. На буфете стояло огромное блюдо вареных яиц, бекон, чайник и кофейник [пер. Екимовой, 2016, с.50].
	Sie gingen hinein zum Frühstück. Auf der Anrichte stand eine große Platte mit Eiern und gebratenem Speck , daneben Tee und Kaffee [Deitmer, 2017, S.76].
Dr. Armstrong came out of the dining-room and once more came out	Доктор Армстронг вышел из столовой на площадку [пер. Беспаловой, 1990, с.241].
	Доктор Армстронг покинул столовую и снова устремился на

on the terrace [Christie, 1939, p.92].	террасу [пер. Екимовой, 2016, с.58]. Dr. Armstrong trat aus dem Esszimmer wieder hinaus auf die Terrasse [Deitmer, 2017, S.87].
Vera said in a low shuddering voice: "It's mine-and that's the clock from my mantelpiece member now. It was shaped like a bear" [Christie, 1939, p.211].	– Моя, – дрогнувшим голосом ответила Вера. – А это часы с моей каминной полки... Ну да, они самые, белые мраморные часы в виде медведя [пер. Беспаловой, 1990, с.313].
	Вера дрогнувшим голосом ответила: – Мое... а это часы с моего камина... Я вспомнила. Они были... в виде медведя [пер. Екимовой, 2016, с.58].
	Mit erstickter Stimme antwortete Vera: „Es ist meins – und die Uhr stand bei mir auf dem Kamin ... Jetzt weiß ich es wieder. Sie sah aus – wie ein Bär“ [Deitmer, 2017, S.191].
"Now look here, my dear girl, you just listen-"And then he sprang. Quick as a panther-as any other feline creature. . . Automatically Vera pressed the trigger Lombard's leaping body stayed poised in mid-spring, then crashed heavily to the ground" [Christie, 1939, p.217].	– Послушайте, голубушка, вот что вам скажу... – властно, с расстановкой начал он. И, не dokonчив фразы, бросился на нее. Пантера, тигр и те не бросились бы стремительнее... Вера машинально спустила курок... Пуля прошила Ломбарда, он тяжело грохнулся на скалу [пер. Беспаловой, 1990, с.316]
	– Послушайте, дорогая моя, только послушайте меня... И он прыгнул. Быстрый, как пантера или другой зверь из породы кошачьих... Вера машинально нажала спусковой крючок. Ломбард застыл в прыжке, потом изогнулся и тяжело рухнул на землю [пер. Екимовой, 2016, с.131].
	„Aber nicht doch, Mädchen, hör mir einfach einmal zu ... „ Und dann sprang er. Schnell wie ein Panter – wie eine Raubkatze ... Automatisch drückte Vera ab ... Lombards vorschnellender Körper hielt mitten im Sprung inne, dann krachte er schwer auf den Boden [Deitmer, 2017, S.197].

Приложение В

Предметно-тематическая классификация реалий в романах А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”

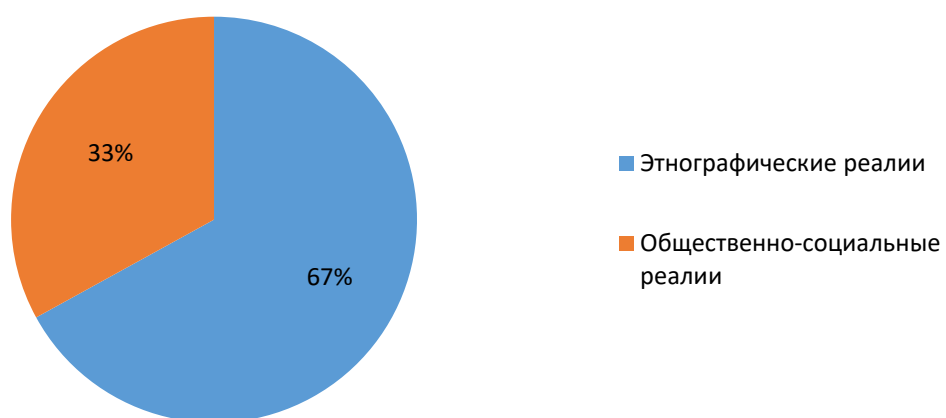
1. Этнографические реалии – 67%

- 1.1. быт 30%
- 1.2. пища, напитки 17%
- 1.3. жилье 7%
- 1.4. интерьер, мебель 13%

2. Общественные-социальные реалии – 33%

- 2.1. гостиницы 3%
- 2.2. пункты питания 0%
- 2.3. досуговые заведения 1%
- 2.4. магазины 0%
- 2.5. банки 0%
- 2.6. фирмы и предприятия 3%
- 2.7. больницы, благотворительные фонды и т.п. 4%
- 2.8. культурные заведения 0%
- 2.9. транспорт 5%
- 2.10. средства массовой информации 1%
- 2.11. газеты, журналы 4%
- 2.12. радиопередачи, фильмы 1%
- 2.13. одежда 3%
- 2.14. религия 0%
- 2.15. отдых, времяпрепровождение 5%
- 2.16. деньги 2%
- 2.17. образование 0%
- 2.18. обычаи, традиции, праздники 1%

Предметно-тематическая классификация реалий в романах А.Кристи

Приложение Г
Ономастические реалии
в романах А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”

1. Антропонимы – 46 %

1.1.актуальные – 40 %

1.1.1. личные имена – 21 %

1.1.2. сочетание “имя + фамилия” – 7 %

1.1.3. фамилии – 9 %

1.1.4. прозвища – 3%

1.2.культурно-исторические – 6 %

1.2.1. знаменитые люди – 5 %

1.2.2. литературные герои – 1 %

2. Топонимы – 28 %

2.1.города – 14 %

2.2.другие страны, города – 8 %

2.3.улицы, авеню, районы города – 5 %

2.4.штаты 1%

2.5.архитектурные памятники 0%

3. Общественно-политические реалии – 19 %

3.1.исполнительные ведомства – 3 %

3.2.государственные служащие – 11%

3.3.судебная система – 5%

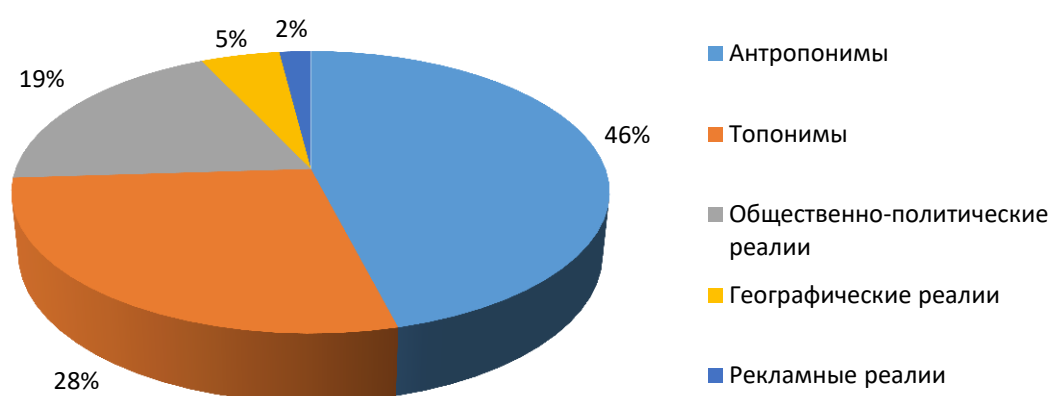
4. Географические реалии – 5 %

4.1.флора – 3 %

4.2.фауна– 2 %

5. Рекламные реалии – 2%

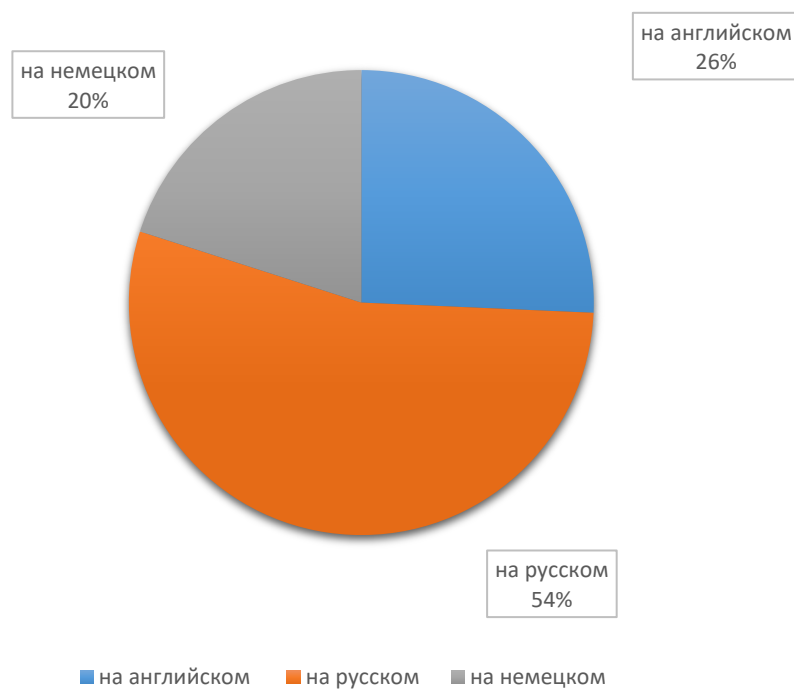
Ономастические реалии в романах А.Кристи

Приложение Д

Реалии в оригиналах и переводах романов А. Кристи “Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”

Классификация слов-реалий в романах А.Кристи

Приложение Е

**Классификация реалий по способу их передачи в романах А. Кристи
“Mysterious Affair at Styles” и “Ten Little Niggers”**

